

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Псковский государственный университет»

На правах рукописи

Иванов Иван Андреевич

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ
ТУРИСТСКИХ ПОТОКОВ
В ЕВРОПЕ В XXI ВЕКЕ

Специальность: 1.6.13 – экономическая, социальная, политическая и
рекреационная география

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Научный руководитель:
доктор географических наук,
профессор А.Г. Манаков

Псков

2024

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Изучение пространственно-временной организации туристских потоков как направление исследований географии туризма	11
1.1 Теоретические предпосылки исследования географии туристских потоков.....	11
1.1.1 Объект и предмет географии туризма и рекреационной географии	11
1.1.2 Определение объекта и предмета исследования географии туристских потоков	13
1.1.3 Понятие туристского потока	16
1.1.4 Классификации турпотоков	18
1.1.5 Пространственно-временные характеристики и факторы формирования турпотоков	20
1.2 Изучение географии турпотоков как направление исследований отечественной географии туризма	22
1.3 Изучение пространственно-временной организации (самоорганизации) туристских потоков в зарубежной науке	29
Глава 2. Методологические основы изучения географии туристских потоков	37
2.1 Туристская статистика и ее использование при изучении трансграничных турпотоков.....	37
2.2 Ключевые показатели в методике анализа пространственно-временной организации турпотоков	46
2.2.1 Общее число прибытий и доля иностранных туристов	46
2.2.2 Туристская нагрузка.....	46
2.2.3 Степень концентрации турпотоков	47
2.2.4 Степень посещаемости регионов.....	49
2.2.5 Индекс разнообразия турпотока	50
2.2.6 Индекс туристского притяжения	52
2.2.7 Коэффициент сезонности турпотока.....	54
2.2.8 Индекс замещения въездного турпотока внутренним (в ходе пандемии COVID-19)	56
2.2.9 Индекс восстановления турпотока (по окончании пандемии COVID-19).....	57

2.3 Современные методы пространственно-временного анализа и моделирования турпотоков.....	59
Глава 3. Основные черты географии туристских потоков в Европе в первые два десятилетия XXI века.....	65
3.1 Динамика въездного и внутреннего турпотока в странах Европы до начала пандемии COVID-19	65
3.2 Динамика въездного и суммарного турпотока в европейских странах на региональном уровне.....	81
3.3 Влияние пандемии COVID-19 на изменение объема и географии международных турпотоков в Европе.....	94
Глава 4. Географическая реструктуризация туристских потоков в Европе в начале третьего десятилетия XXI века	105
4.1 Классификация стран Европы по степени замещения въездного турпотока в период пандемии COVID-19	105
4.2 Классификация стран Европы по степени восстановления турпотока в начале третьего десятилетия XXI века	113
4.3 Типология регионов стран Европы по степени пространственной реструктуризации турпотока в XXI веке.....	128
Заключение	142
Литература	145
Приложение: список статистических источников.....	176

Введение

Пандемия COVID-19 привела к глубочайшему кризису в сфере мирового туризма. Среди наиболее пострадавших от сокращения объема международных турпотоков в период пандемии оказался Европейский туристский макрорегион. В первый год пандемии объем въездного турпотока в европейских странах сократился почти в четыре раза, а объем внутреннего турпотока – почти вдвое. К тому же, в период пандемии и по ее окончании произошла значительная перестройка пространственной структуры турпотоков в Европе. Но и после кризиса Европа не сможет вернуться к допандемийной географии турпотоков из-за изменения геополитической обстановки в мире.

Влиянию пандемии COVID-19 на состояние туристской сферы, включая и проблемы турбизнеса, посвящено достаточно большое количество исследований, но при этом пока не изучены особенности пространственной реструктуризации туристских потоков в ходе пандемии и по ее окончании.

Объектом исследования являются туристские потоки в странах Европы.

Предмет исследования – пространственная организация (самоорганизация) международных и внутренних турпотоков в европейских странах.

Цель исследования – выявить географические особенности реструктуризации туристских потоков в Европе в XXI веке под влиянием пандемии COVID-19 и геополитических факторов.

Задачи исследования:

– определить характерные черты пространственной динамики въездного и внутреннего турпотока в странах Европы в период с начала XXI века до 2019 года, предшествовавшего пандемии COVID-19;

– дать оценку изменений в объеме и структуре турпотока европейских стран на начальном этапе пандемии;

- оценить степень замещения въездного турпотока внутренним в разных странах Европы в период пандемии COVID-19;
- выявить географические различия в восстановлении турпотока в европейских странах в постпандемийный период;
- разработать типологию стран Европы в соответствии со специфическими чертами пространственной реструктуризации турпотоков в период с начала XXI века по 2022 года.

Теоретико-методологическую базу диссертации составили научные теории и концепции, представленные в трудах отечественных и зарубежных ученых, посвященных изучению территориальных рекреационных систем (В.С. Преображенский, Ю.А. Веденин, Н.С. Мироненко, И.Т. Твердохлебов, И.В. Зорин, Э.М. Эльдаров, А.А. Бейдык), территориальных туристско-рекреационных систем (Л.Ю. Мажар, М.Л. Некрасова, Р.М. Иванова, О.В. Скроботова, Н.В. Страчкова, И.М. Яковенко), туристского и туристско-рекреационного пространства (А.Ю. Александрова, Н.В. Зигерн-Корн, Е.В. Конышев, А.И. Тарасенок, В.М. Кицис, А.Н. Дунец), туристских кластеров (М. Портер, Ю.П. Ковалев, А.В. Мирзеханова, А.В. Митрофанова, А.И. Большаков, Д.А. Дирин, Е.Г. Синецына, А.С. Кусков, С.Э. Мышлявцева), туристского районирования (Ю.Д. Дмитриевский, А.И. Зырянов, В.В. Харитон, Л.П. Басанец, Д.В. Максимов, В.К. Крыстев), пространственной организации и самоорганизации туризма (С.М. Холл, Г.Дж. Эшворт, В.А. Квартальнов, Б.Б. Родоман, П.Я. Бакланов, М.Д. Шарыгин, С.А. Тархов), приграничного и трансграничного туризма (И.И. Драгилева, Г.М. Федоров, В.С. Корнеевец, А.П. Катровский, С.А. Щербакова, А.М. Мадышева, В.В. Лавров), трансграничных туристско-рекреационных регионов (Е.Г. Кропинова, Е.С. Голомидова, А.Г. Манаков, С.В. Кондратьева, С.А. Лозовская), а также моделированию туристских потоков (В.Е. Домбровская, И.С. Кабиров, М.С. Оборин, А.А. Сарян, С.А. Лочан и др.).

Информационную базу исследования составили статистические данные, содержащиеся в международных электронных базах данных UNWTO

и Eurostat, в национальных статистических базах данных 49 стран и зависимых территорий Европы, которые при необходимости дополнялись сведениями из других источников (национальных агентств по развитию туризма и т.п.).

В работе были применены следующие **методы**: математико-статистический, картографический, графический, сравнительной оценки, индексного анализа и др.

Научная новизна работы состоит в следующем:

– определены основные тренды пространственных сдвигов турпотоков в Европе в соответствии с их организацией (самоорганизацией) в разные временные интервалы с начала XXI века по 2023 год;

– предложены показатели, позволяющие оценить: разнообразие въездного турпотока в конкретную страну; зависимость въездного турпотока в страну от потока туристов из соседних стран; замещение въездного турпотока внутренним в период пандемии COVID-19; восстановление въездного и внутреннего турпотока по ходу и после пандемии;

– разработана методика анализа пространственно-временной динамики въездных и внутренних турпотоков в пандемийный период;

– осуществлена интегральная типология регионов стран Европы по особенностям пространственной реструктуризации турпотоков в период пандемии COVID-19 и по ее окончании.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в систематизации опыта, накопленного в отечественной и зарубежной науке, по изучению географии туристских потоков, а также в разработке научно-исследовательского аппарата для анализа влияния пандемии COVID-19 на пространственную организацию (самоорганизацию) въездных и внутренних турпотоков в странах Европы.

Практическая значимость исследования. Разработанный в ходе работы научно-исследовательский инструментарий может быть применен при изучении географии туристских потоков, включая анализ их пространственной динамики в XXI века на разных иерархических уровнях в

различных странах и регионах мира. Кроме того, полученные в ходе исследования материалы внедрены в учебный процесс в Псковском государственном университете в рамках курсов «Туризм и рекреационное ресурсоведение», «География туризма в регионах мира и России», «Пространственная логистика в туризме», «Специальные виды туризма», а также могут быть использованы в преподавании дисциплин по туризму в других высших учебных заведениях страны.

Степень достоверности результатов исследования. Результаты проведенного исследования прошли апробацию на многочисленных научных и научно-практических конференциях, а также представлены в публикациях в рецензируемых научных журналах. Степень достоверности полученных выводов обосновывается переработкой большого объема первичных, в т.ч. статистических данных с построением диаграмм и картосхем.

Апробация результатов работы и публикации. По теме диссертации опубликовано 34 научных работы общим объемом 25,8 п.л. (с личным вкладом 13,8 п.л.), в т.ч. 15 статей в изданиях из перечня ВАК РФ, в т.ч. 5 статей в научных журналах, входящих в международные базы данных Scopus и Web of Science, а также 1 монография (в соавторстве).

Основные положения диссертации были представлены на 4 всероссийских (Тверь, 2019, 2021; Воронеж, 2022; Москва, 2023) и 10 международных (Псков, 2019, 2021, 2022, март 2023, октябрь 2023; Тверь, 2020; Петрозаводск, 2022, 2023; Воронеж, 2023; Смоленск, 2023) научно-практических конференциях.

Основные положения, выносимые на защиту

1. География туристских потоков – одно из направлений исследования географии туризма, изучающее пространственно-временную организацию (самоорганизацию) турпотоков на территориях разного иерархического уровня. В качестве объекта исследования данного направления географии туризма выступают туристские потоки, а предмета исследования –

пространственно-временная организация (самоорганизация) туристских потоков.

2. При двукратном росте международного туристского обмена в период с 2003 по 2019 гг. в европейских странах произошел заметный сдвиг объемов въездного турпотока в восточную часть Европы, особенно в постсоциалистические страны, вошедшие в Евросоюз, и в Турцию. Также в этот период в большинстве стран Европы прослеживался тренд на рост разнообразия въездного туристского потока. Примерно в половине государств Европы снизилась доля турпотока из соседних стран, в нескольких странах – выросла, в остальных случаях соседский турпоток сохранял стабильный удельный вес в общем объеме въездного турпотока. При этом в большинстве европейских стран обозначилось сокращение в общей величине туристского потока доли внутреннего турпотока, объем которого вырос только в полтора раза.

3. При оценке глубины падения объема въездного турпотока в страны Европы в начальный период пандемии COVID-19 были выявлены следующие пространственные закономерности. Во-первых, въездной турпоток фактически обрушился в большинстве стран Южной Европы (особенно средиземноморских), специализировавшихся на рекреации (пляжном отдыхе). Во-вторых, въездной турпоток резко сократился в менее развитых странах Юго-Восточной Европы, а также в России, с начала пандемии оказавшейся отрезанной от туристского рынка Шенгенской зоны. В-третьих, в структуре прибытий иностранных туристов в страны, отличающиеся минимальным сокращением въездного турпотока, увеличилась доля туристов из соседних стран.

4. Рост внутреннего турпотока в странах Европы в 2021 и 2022 гг. позволил частично компенсировать катастрофическое падение объема въездного турпотока, произошедшее на начальном этапе пандемии. Если в июле-сентябре 2020 г. увеличение объема внутреннего турпотока характеризовало только половину стран Европы, то в июле-сентябре 2022 г.

заместительный эффект от роста внутреннего турпотока не наблюдался только в шести европейских странах. Были выявлены следующие изменения в географии внутренних турпотоков в странах Европы вследствие пандемии COVID-19. Во-первых, обозначился рост числа прибытий в сравнительно малолюдных периферийных районах стран, обладающих значительными рекреационными ресурсами. Во-вторых, произошло сокращение прибытий в столицах стран и других крупных городах.

5. Были определены следующие особенности восстановления въездного турпотока и тенденции в изменении географии турпотоков в странах Европы в период после пандемии COVID-19: 1) усиление геополитического фактора в формировании въездных турпотоков – в наибольшей степени уменьшился въездной турпоток в странах, находящиеся на стыке геополитического разлома, в т.ч. в России (однако Сербия стала исключением, она сумела нарастить въездной турпоток); 2) спрос на пляжный туризм вырос по сравнению с 2019 г., что привело к положительной динамике въездного турпотока в средиземноморские страны Южной Европы; 3) по причине слабого роста доходов или даже их падения в крупнейших странах Европы дальность поездок туристов сократилась, отчего выиграли страны, расположенные в центральной части Западной Европы; 4) страны Восточной Европы, даже те, которые не зависели от российского турпотока, так и не смогли восстановить въездной турпоток к 2023 г.

6. Главной чертой пространственной реструктуризации въездных турпотоков в Европе в XXI в. стало значительное повышение удельного веса стран Юго-Западной Европы (Португалия, Испания, ряд регионов Италии), Юго-Восточной Европы (регионы Адриатики, Балканских стран, Греции) и особенно Турции. Во внутренних и суммарных турпотоках наиболее устойчивый рост наблюдался в регионах стран Восточной Европы (включая Россию) и Турции. Страны, расположенные в западной части Европы, характеризовались наиболее низкими темпами роста внутреннего и суммарного турпотока.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы. Объем диссертации составляет 181 страницу. Работа содержит 44 рисунка, в т.ч. 37 картосхем. Библиографический список включает 276 наименований, в т.ч. 99 – на иностранных языках. В список использованных в работе статистических данных (включая интернет-ресурсы) входит 59 источников.

Глава 1. Изучение пространственно-временной организации туристских потоков как направление исследований географии туризма

1.1 Теоретические предпосылки исследования географии туристских потоков

1.1.1 Объект и предмет географии туризма и рекреационной географии

В настоящее время изучение географии туристских потоков рассматривается как одно из направлений исследований географии туризма. При этом, география туризма оформилась в качестве самостоятельной дисциплины в рамках отечественной социально-экономической (общественной) географии сравнительно недавно, в последнем десятилетии XX века, чему способствовало стремительное развитие в России международного (прежде всего выездного) туризма. Как отмечает А.Ю. Александрова [1], географию туризма не следует отождествлять с родственной ей общественно-географической дисциплиной – рекреационной географией, которая обладает отличной от географии туризма предметной областью исследования. Но следует помнить, что география туризма выделилась именно из рекреационной географии, развивавшейся в советской географической науке с 1960-х гг.

В первую очередь, нужно обратить внимание на сами понятия «рекреация» и «туризм». Термин «рекреация» произошел от латинского слова «recreatio», что переводится как «восстановление». Под рекреацией понимается «отдых, восстановление сил человека, израсходованных в процессе труда» [1, с. 16]. Слово «туризм» заимствовано из французского языка (tourisme, от tour – прогулка, поездка). Под этим понятием скрывается сразу несколько видов человеческой деятельности. Туризм – это и разновидность миграции населения, и бизнес, и сфера межкультурного взаимодействия. К тому же, туризм является одной из отраслей мировой и национальной экономики.

Как было отмечено выше, долгое время в отечественной географии туризм выступал лишь в качестве составляющей при изучении рекреационной сферы. Но со временем туризм в географических исследованиях «вышел» из «тени» рекреации [1]. Вследствие туристского бума, который стали испытывать многие страны мира с середины XX века, туристская тематика исследований становилась все более востребованной. Поэтому в отечественной географии со временем назрела необходимость разграничения, с одной стороны, понятий рекреации и туризма, а с другой стороны, выделения отдельной дисциплины – географии туризма.

Тем не менее, как считает С.Р. Ердавлетов [46], у рекреационной географии и географии туризма единый объект исследования – рекреационное пространство (оно же и туристское пространство). Однако нужно признать, что у данных двух дисциплин разные предметные области исследования. Так, предметом рекреационной географии является территориальная организация рекреационной деятельности населения, а географии туризма – территориальная организация (самоорганизация) туристской деятельности людей. Последнее обстоятельство позволило А.Ю. Александровой дать определение географии туризма как «отраслевой дисциплины социально-экономической (общественной) географии, изучающей пространственные закономерности и особенности функционирования и развития территориальных систем организации (самоорганизации) туристской деятельности людей» [1, с. 14].

Следует отметить, что данное определение географии туризма не является единственным. Во многочисленных учебниках по географии туризма даются свои формулировки, а также различаются объяснения несходства географии туризма и рекреационной географии. Впрочем, есть и общие элементы в этих определениях. Так, чаще всего в определениях в качестве объекта изучения географии туризма указываются территориальные туристско-рекреационные (или туристские) системы. Территориальные туристско-рекреационные системы как объект географической науки были

рассмотрены Л.Ю. Мажар еще в 2008 году [105]. В частности, можно привести обозначение объекта и предмета географии туризма, данное С.А. Тарховым в 2019 году [159]. В качестве объекта изучения географии туризма автор называет территориальные системы туризма, а в качестве предмета – пространственную структуру этих систем.

Опираясь на мнение известных российских географов, можно признать, что *объектом* исследования географии туризма являются *территориальные туристско-рекреационные (туристские) системы*. Однако, с учетом разногласий по поводу предмета исследований географии туризма, существует необходимость разобраться, какие существуют трактовки предмета социально-экономической (общественной) географии в целом. Это будет сделано ниже. Хотя сразу можно отметить, что, на наш взгляд, для географии туризма более подходит трактовка предмета исследования, сформулированная А.Ю. Александровой. То есть можно принять, что *предметом* географии туризма является *территориальная организация (самоорганизация) туристской деятельности людей*.

Таким образом, в отечественной географии преобладает точка зрения, что объектом исследования географии туризма являются территориальные туристско-рекреационные (туристские) системы, а предметом исследования – территориальная организация (самоорганизация) туристской деятельности людей.

1.1.2 Определение объекта и предмета исследования географии туристских потоков

По аналогии с географией туризма можно определить объект и предмет исследования одного из направлений данной отрасли знания – географии туристских потоков.

В отличие от классического понимания территориальной рекреационной системы, где туристский поток представлен весьма условно

(как группы отдыхающих) [162; 176], в территориальных туристско-рекреационных системах (ТТРС), согласно трактовке этого понятия Л.Ю. Мажар, уже присутствует «туристская деятельность». Причем, хотя туризм и рассматривается как составная часть рекреации, подчеркивается, что туризм «стал настолько значимым явлением, что в какой-то мере затмил основную категорию» [162, с. 27]. Понятие ТТРС включает «многогранную туристскую деятельность, не исключая удовлетворения потребностей в отдыхе в процессе организации тура» [162, с. 30]. Таким образом, турпотоки фактически признаются частью ТТРС, а значит, одним из частных объектов исследования территориальных туристско-рекреационных систем, которые, в свою очередь, сами выступают в качестве объекта исследования географии туризма как отрасли социально-экономической (общественной) географии.

Приняв *туристские потоки* в качестве объекта исследований в рамках одного из направлений географии туризма, следует далее разобраться с предметом исследований при географическом изучении турпотоков.

Согласно С.А. Тархову, «предметом социально-экономической географии является пространственная организация жизнедеятельности человека, которая включает в себя пространственные структуры (конфигурации) процессов и результатов этой деятельности, принципы пространственной самоорганизации...» [160, с. 10]. Такое понимание предмета социально-экономической географии поддержал П.Я. Бакланов, но подчеркнул, что в условиях рыночной экономики, в отличие от плановой советской, хотя и «преобладает самоорганизация, но от этого не может исчезать территориальная организация, или шире – пространственная организация: производства, хозяйства, населения и общества в целом» [14, с. 8]. Причем, идею о самоорганизации туристско-рекреационной деятельности еще в 1980-е годы высказывал Б.Б. Родоман [149; 150].

Однако само понятие турпотоков, рассмотренное ниже, включает не только пространственную, но и временную составляющую, так как турпотоки всегда фиксируются в течение определенного временного интервала (год,

квартал, месяц и т.п.). К тому же, следует учесть такие характеристики турпотоков, как их сезонность и изменчивость во времени по иным причинам (что особенно наглядно показал спад объема турпотоков во всем мире в период пандемии COVID-19, а также почти полное прекращение туробмена между ЕС и Россией с 2022 года по геополитическим причинам). Анализ динамики турпотоков, а также их прогнозирование, включает рассмотрение не только географической (пространственной) составляющей, но и временной. То есть, изучение турпотоков предполагает их пространственно-временной анализ.

Также можно привести такое высказывание П.Я. Бакланова, что современная географическая наука, в т.ч. и социально-экономическая география, подошла вплотную к пониманию пространственно-временных структур. «Это означает, что отдельные звенья территориальных структур необходимо выделять и рассматривать как в значительных периодах времени (год, несколько лет), так и в небольших (месяцы, сутки, часы)» [14, с. 8]. Данное высказывание созвучно оценке перспектив отечественной общественной географии, данной М.Д. Шарыгиным. Он в качестве теоретической основы будущей общественной географии видел «географическое пространство-время, понимаемое как сочетание географических объектов и совокупности связей и отношений между ними» [173, с. 25].

Рассмотренное выше понимание предмета социально-экономической (общественной) географии, представленное известными российскими эконом-географами, позволяет сформулировать предмет исследования географии туристских потоков. В этой формулировке учтена пространственно-временная сущность туристских потоков. Так, в качестве *предмета* исследования данного направления географии туризма предлагается считать *пространственно-временную организацию (самоорганизацию) турпотоков.*

И, наконец, можно дать следующее определение данного направления, в котором также подчеркивается характерная для работ

этой тематики разномасштабность исследований, определяющая разнообразие методических подходов. География туристских потоков – одно из направлений исследования географии туризма, изучающая пространственно-временную организацию (самоорганизацию) турпотоков на территориях разного иерархического уровня.

1.1.3 Понятие туристского потока

В советской школе рекреационной географии понятие турпотока, хотя и незримо присутствует, но сам турпоток при этом не рассматривается в качестве основного объекта исследования. Единственным связанным непосредственно с турпотоком понятием является рекреационная нагрузка. Однако она рассчитывается только для природных комплексов, а не для техногенных компонентов туристско-рекреационной системы [21; 147; 169].

В качестве одного из основных методов советской рекреационной географии выступало рекреационное районирование. При его осуществлении учитывался такой показатель, как плотность территориальной рекреационной системы. С помощью данного показателя оценивалась степень насыщенности территорий различными компонентами рекреационного комплекса, в число которых входили: отдыхающие, туристы, природные и историко-культурные достопримечательности, рекреационно-туристская инфраструктура [174]. Но при этом рекреационное районирование не использует напрямую в качестве признака районирования туристские потоки. На наш взгляд, это связано с тем, что с экономической точки зрения советская рекреационная география была нацелена в первую очередь на удовлетворение предложения на туристском рынке, а не спроса. В схеме рекреационной системы В.С. Преображенского [162] туристский поток обозначен как «группа отдыхающих», эта подсистема связана со всеми остальными и задает требования к другим подсистемам, т. е. по сути, формирует спрос.

Н.С. Мироненко и И.Т. Твердохлебов [134] используют термин «рекреационный поток» при анализе рекреационных районов зарубежных стран. Это более широкое понятие, так как включает в себя потоки рекреантов (т. е. не выезжающих за пределы места жительства дольше, чем на сутки). В силу ограниченных статистических данных в то время было практически невозможно оценивать региональную структуру турпотоков, поэтому на внутристрановом уровне районирование проводится на основе уровня развития инфраструктуры и ценности рекреационных ресурсов.

Наиболее полный обзор современных определений туристского потока в российской науке и практике дал китайский исследователь Ян Чжень [177]. Официальная формулировка турпотока представлена в Приказе Росстата от 26.02.2021 № 109 «Об утверждении методики оценки туристского потока» [146]: «Туристский поток (по количеству туристских поездок) – общее число поездок туристов в определенный регион за определенный временной отрезок». В словаре по географии дается такое определение данного понятия: «Туристский поток – суммарное количество туристов, перемещающихся в определенном направлении или прибывающих в данную местность, выражается в количестве туристских отбытий и прибытий за конкретный отрезок времени (год, сезон)» [225].

Польские авторы Б. Влодарчик и Е. Шафраньска в процессе изучения турпотоков на региональном и локальном уровне пользовались таким их определением: «Туристские потоки в регионе — это любые миграции лиц, путешествующих в этом регионе (как лиц из-за пределов региона, так и внутри региона, выезжающих за пределы места постоянного жительства), на срок, не превышающий 12 месяцев, при условии, что целью этих путешествий не является занятие оплачиваемой деятельностью» [24, с. 64].

В.А. Квартальнов, характеризуя экономические и финансовые показатели туризма, предложил такой вариант трактовки понятия: «Туристский поток – это постоянное прибытие в страну туристов. Объемы туристских потоков характеризуются следующими показателями: общее

число туристов; число туродней; средняя продолжительность пребывания туристов в стране (регионе)» [84]. И, наконец, А.Н. Казак, Е.Ю. Лукьянова и П.В. Четырбок в ходе разработки модели динамики турпотоков в Крым опирались на следующее определение: «Туристский поток представляет собой интегральный макроэкономический показатель, который необходим для выявления базовых оценок для дальнейшего прогноза в сфере туризма» [80, с. 106].

Таким образом, трактовка понятия «туристский поток» зависит от задач исследований, которые могут иметь как географическую, так и экономическую направленность. Также особый взгляд на турпотоки формируется в процессе использования современных методов анализа, прогнозирования и моделирования. В нашем исследовании понятие туристского потока рассматривается с позиции географической науки, т. е. для него наиболее подходят определения, закрепленные в документах Росстата и в географическом словаре под редакцией В.М. Котлякова и А.И. Комаровой.

1.1.4 Классификации турпотоков

Наиболее распространенной является классификация турпотоков по факту пересечения границы. По этому признаку выделяют:

- 1) *въездной* турпоток (из-за пределов какой-либо территории);
- 2) *выездной* турпоток (за пределы какой-либо территории);
- 3) *внутренний* турпоток (в пределах какой-либо территории).

Въездной турпоток, в свою очередь, может быть *соседским* (из соседних стран). Если считать въездной турпоток по статистике средств размещения, то в него не включаются рекреационные поездки жителей приграничных территорий (т.к. они совершаются обычно без ночевки, т.е. имеют продолжительность менее 24 часов). Также внутри въездного турпотока

отдельно можно выделить *трансграничный* турпоток (между смежными регионами соседних государств).

Внутренний турпоток теоретически может быть разделён по регионам прибытия, однако в статистической практике такое редко встречается ввиду сложности учёта, а в открытом доступе такие данные практически отсутствуют.

Выездной турпоток в данной работе не рассматривается по причине не только сложности его учета в региональном разрезе, но и заведомой неполноты данных ввиду ограниченности распространения подробной гостиничной статистики в мире уровня стран Европы.

Под *суммарным турпотоком* в данной работе понимается сумма въездного и внутреннего турпотоков, т.е. максимальный объем туристов, которых принимает страна или регион. Выездной турпоток, таким образом, в суммарном не учитывается.

Кроме того, можно рассматривать два таких вида турпотока, как *организованный* и *неорганизованный*. Неорганизованный турпоток разделяется на хорошо поддающийся учету (в гостиницах, транспортной статистике и т.д.) и плохо поддающийся учету (VFR-туризм – посещение друзей и родственников, вольные путешественники, передвигающиеся автостопом и пользующиеся неофициальными средствами размещения).

Следующая классификация турпотоков связана со способами сбора статистических данных о количестве туристов (методу статистического учета). Существует три способа сбора туристской статистики: 1) *пограничный* (фиксация прибытий и убытий граждан на границе государства); 2) *гостиничный* (фиксация прибытий и количества ночевок в средствах размещения туристов) и 3) *«туробъектный»* (фиксация посещений туристами различных туристских объектов, кроме средств размещения: музеев, достопримечательностей и т.д.).

В случае неорганизованного турпотока лучшую оценку дает гостиничный учет, но все же неполную. Пограничный способ сбора данных

представляет наиболее широкую картину географии въезда в страну. Как правило, в пограничной статистике доступен разрез по странам (наиболее полный перечень стран, в отличие от других способов учета туристов), транспорту и целям прибытия. Однако при определенной степени открытости границ (когда распространен приграничный туризм), а также в случае значительного миграционного притока в страну, он уже не дает объективной картины, так как миграционные потоки могут значительно превышать туристские, особенно из низкодоходных стран в страны с более высоким доходом.

По временному признаку турпоток можно разделить на:

- 1) *суточный* турпоток (наиболее часто используется при «туробъектном» способе учета);
- 2) *месячный* турпоток (в т.ч. квартальный и сезонный, опирающийся на месячную статистику);
- 3) *годовой* турпоток.

1.1.5 Пространственно-временные характеристики и факторы формирования турпотоков

Как правило, туристский поток рассматривается в контексте других статистических показателей туризма: инфраструктурных, финансовых, трудовых (занятости) и т.д. Можно выделить следующие количественные параметры туристского потока.

1. Объем (количество туристов): разделяется на внутренний и въездной турпоток. Далее въездной турпоток разбивается на страны прибытия, а внутренний – на регионы прибытия (однако чаще всего регионы прибытия в регулярно публикуемой статистике отсутствуют, для их определения проводятся специальные выборочные исследования).

2. Направление: место отправления и прибытия туристов. В рамках статистического учета минимальной единицей отправления является регион

страны или, что чаще, страна в целом. Единицей прибытия также может быть регион или страна, хотя встречаются данные и по отдельным городам.

3. Время. Как правило, минимальной единицей времени считается месяц, однако в некоторых странах даются только квартальные или только годовые данные.

4. Денежный поток – это суммарные расходы туристов в пределах данной территории (как правило, страны, но иногда региона или даже города). Этот показатель тесно связан с объемом прибытия туристов.

5. Демографические характеристики туристского потока: пол, возраст.

6. Цель приезда.

В географии турпотоков не учитывается маршрут туриста (предполагается, что он не содержит промежуточных точек) в силу ограниченных возможностей сбора статистической информации.

Можно отметить два необходимых условия формирования массового турпотока:

1. Отсутствие открытой вражды между странами (например, между Азербайджаном и Арменией, Израилем и соседними арабскими странами). В таком случае даже въезд в страну гражданам противоборствующих стран может быть запрещен или сильно ограничен.

2. Отсутствие вооруженного конфликта внутри страны (например, в Сомали, Ливии, Сирии и Афганистане). Отсутствие гарантий безопасности жизни – существенный фактор, делающий невозможным массовый туризм (возможны лишь ограниченные поездки, связанные с работой (дипломаты, журналисты и т.д.) или туристов-экстремалов).

Дополнительные факторы, влияющие на турпоток:

1) отсутствие скрытой вражды между странами (например, между Турцией и Грецией);

2) удаленность стран друг от друга, населенность приграничных регионов, соседское положение;

3) проницаемость границы: безвизовый режим, сложность оформления виз, отсутствие пограничного контроля;

4) интенсивность транспортных связей (прямые авиарейсы, железнодорожные и автобусные маршруты, качество автодорожной инфраструктуры, возможность пешего перехода);

5) культурное сходство и наличие крупной диаспоры (увеличивает VFR-туризм);

6) уровень доходов в стране отправления и прибытия;

7) наличие уникальных ресурсов, отсутствующих в стране выезда (пляжей, гор и т.д.);

8) наличие глобальных городов – центров делового туризма.

В число пространственных факторов не входят маркетинговые, событийные, сезонные.

1.2 Изучение географии турпотоков как направление исследований отечественной географии туризма

Будучи отраслевой дисциплиной социально-экономической (общественной) географии, география туризма постепенно обзаводится своей собственной структурой. Правда, пока рано говорить о полноценном формировании подотраслей географии туризма. Можно выделить лишь несколько направлений исследований в рамках данной отрасли научного знания, которые в перспективе могут быть признаны как самостоятельные подотрасли географии туризма.

Так, например, А.И. Зырянов в своих двух монографиях [50; 52] обозначил достаточно широкий спектр исследований в рамках географии туризма и на стыке с ней. Из данного им набора исследований выделим те, которые, на наш взгляд, в большей степени претендуют на роль современных и перспективных направлений (подотраслей) географии туризма. Во-первых, это изучение *туристско-рекреационных систем*. Данные исследования

выполнены в рамках учения о территориальных рекреационных системах, т. е. изначальной парадигмы отечественной рекреационной географии, и опираются на классические работы по рекреационной географии, в первую очередь, на труды В.С. Преображенского [143; 144; 162], Ю.А. Веденина [23; 144], Н.С. Мироненко [133; 134; 135] и И.Т. Твердохлебова [134].

В число современных ученых, защитивших по данной тематике докторские диссертации, входят, в первую очередь, Л.Ю. Мажар [109], А.Н. Дунец [43], М.Л. Некрасова [138]. Работы Л.Ю. Мажар [108; 109] имеют преимущественно теоретический характер, в которых, в частности, обосновывается объект изучения рекреационной географии и географии туризма. А.Н. Дунец [42; 43; 44] концентрирует внимание на теоретических аспектах формирования туристско-рекреационного пространства горного трансграничного региона (на примере Алтая). В исследовании М.А. Некрасовой [138] рассмотрено формирование территориальных туристско-рекреационных систем Российской Федерации, а также осуществлено многоуровневое туристское районирование страны. Другие докторские диссертации по схожей тематике были подготовлены специалистами естественно-научного профиля. При этом нужно отметить, что с 2000 года по числу всех диссертаций, включая кандидатские, данная направленность исследований уступала только темам, связанным с оценкой туристского (или рекреационного) потенциала территорий [39; 40]. Одним из аспектов изучения туристско-рекреационных систем является характеристика их внешних и внутренних связей, ответственных за формирование турпотоков [130].

В отдельную группу исследований можно включить развиваемое в работах А.Ю. Александровой [3; 6; 8], Н.В. Зигерн-Корн [49] и Е.В. Конышева [91] изучение *туристского (или туристско-рекреационного) пространства*. Кроме обозначенных авторов, теоретические аспекты понятия «туристское пространство» рассматривали в своих работах А.И. Тарасенок [158], Л.Ю. Мажар [106], В.М. Кицис и В.А. Воронина [86], В.Н. Шарафутдинов и Е.В. Онищенко [172]. Большинство сторонников данного

подхода считают, что территориальные туристско-рекреационные системы представляют собой освоенную часть туристско-рекреационного пространства. Такой подход позволяет осуществлять типологию туристско-рекреационного пространства, нацеленную на решение актуальных проблем развития туризма, а также определить направления проектирования туристско-рекреационных кластеров [91]. С другой стороны, типология туристского пространства, осуществленная А.Ю. Александровой [11], имеет прямое отношение к проблематике туристского районирования. Таким образом, обозначенные работы можно отнести и к другим направлениям исследований в рамках географии туризма, которые рассмотрены ниже.

Третье направление исследований в географии туризма – изучение формирующихся в разных регионах России *туристских кластеров*. Понятие «кластер» ввел в теорию пространственной экономики для описания территориальных промышленных комплексов в 1990 году М. Портер [252]. Вопросам формирования региональных туристских кластеров было посвящено три кандидатские диссертации, но спектр авторов, занимающихся соответствующими исследованиями, намного шире. В первую очередь, нужно отметить кандидатскую диссертацию А.В. Митрофановой [136], где представлены результаты анализа регионального туристского кластера (на примере Калининградской области). Во-вторых, это диссертация Д.Г. Мирзахановой [131], которая рассмотрела формирование туристского продукта на трансграничных территориях (на примере Хабаровского края). Формированию и развитию приграничных туристских кластеров посвящена кандидатская диссертация А.И. Большакова [20].

Вопросами формирования региональных туристских кластеров занимались и другие исследователи. Так, например, Ю.П. Ковалев [88, 89], Д.А. Дирин, Е.Г. Сеницына и А.С. Кусков [36] акцентировали внимание на теоретических аспектах использования кластерного подхода в территориальной организации туризма. Особенности создания туристских кластеров в Вологодской области были рассмотрены А.Ю. Александровой и

Ю.Л. Владимировым [4], в Пермском крае – А.И. Зыряновым и С.Э. Мышлявцевой [53], в Псковской области – Е.С. Голомидовой [26]. К тому же, Е.Г. Кропинова и А.В. Митрофанова [95] предложили рассматривать региональный туристский кластер как туристско-рекреационную систему регионального уровня, что роднит эту работу с исследованиями обозначенной выше первой группы в рамках географии туризма.

Четвертая крупная группа исследований в российской географии туризма – изучение *туризма в зарубежных странах*. В рамках этой тематики выполнено несколько кандидатских диссертаций. Например, исследование В.Н. Каледина [82] посвящено территориальной организации въездного туризма в Индию. В ходе данной работы также осуществлено туристское районирование страны. Исследование М.В. Гущиной [30; 31] касается оценки рекреационного потенциала разных стран Океании, вопросов организации там индустрии туризма, а также географии и динамики туристских потоков в этом макрорегионе планеты. Но особо нужно отметить диссертацию А.Е. Борисенковой [22], имеющую схожий с нашей работой территориальный объект исследования, так как она посвящена пространственной организации международного рекреационного туризма в странах Европейского Союза. Эти исследования не являются единственными, посвященными изучению географии туризма в зарубежных странах, но они будут рассмотрены нами далее в другой группе.

Пятое направление исследований географии туризма – *туристское районирование*. Районирование является традиционной темой исследований в отечественной географии. В советское время большое значение уделялось рекреационному районированию страны [174]. В постсоветский период туристское районирование осуществлялось как на уровне всего мира [37; 126], так и на уровне групп государств [167], России [17; 110] и других стран [54]. Ведутся дискуссии о методе туристского районирования [98]. На региональном уровне в России по-прежнему отдается приоритет

рекреационному или туристско-рекреационному районированию. И такие исследования проведены во многих регионах страны.

А.И. Зырянов выделял рассмотренные выше основные направления исследований отечественной географии туризма в интервале с 2007 по 2016 годы [50]. Хотя в последующем наметился существенный спад в защитах диссертаций по географии туризма [39], все же следует отметить еще одно направление исследований, которое успело пережить расцвет в период до начала пандемии COVID-19. Таким направлением стало изучение *трансграничных туристско-рекреационных регионов*. Совершенствование методик исследования при изучении трансграничных туристско-рекреационных регионов требовало учета величины туристских потоков по разные стороны границы, т.е. возникла потребность в анализе туристской статистики на региональном уровне.

В постсоветское время, и особенно с начала XXI века, обозначился рост публикаций, посвященных изучению приграничного и трансграничного туризма, особенно на смежных территориях России и стран ближнего зарубежья. Такие исследования проводились на границе Калининградской области с Литвой и Польшей [41; 140; 224], на российско-белорусском порубежье [83; 107; 163], на границе России и Казахстана [103; 104], на дальневосточных рубежах страны [15; 99].

В 2010-е годы Е.Г. Кропинова [94; 97] разработала теоретические положения трансграничного туристско-рекреационного регионообразования, а в 2017 году защитила докторскую диссертацию по формированию трансграничных туристско-рекреационных регионов в Балтийском регионе [96]. В 2020 году была защищена подготовленная Е.С. Голомидовой [27] кандидатская диссертация по трансграничному туристско-рекреационному регионообразованию на границе России с Эстонией и Латвией. Трансграничные туристско-рекреационные регионы стали выделяться и на других рубежах страны [28; 101; 122]. Важной задачей при изучении трансграничных туристско-рекреационных регионов стала оценка степени их

сформированности, для чего, в частности, учитывалась величина трансграничного туристского взаимодействия на их территории [120; 121; 123; 125].

И наконец, несколько «в тени» остается направление исследований в рамках географии туризма, связанное с изучением *географии туристских потоков*. Действительно, по данной тематике защищено пока небольшое количество диссертаций, что дало основание А.А. Дорофееву [39; 40] включить их в категорию «территориальная организация туризма». Тем не менее, изучению турпотоков на разных территориальных уровнях посвящено достаточно большое количество исследований. В первую очередь, отметим работы, посвященные общим вопросам изучения турпотоков, в т. ч. факторам трансформации [148], оценке их неравномерности распределения [153; 154], а также моделированию турпотоков [5; 9; 79].

В последнее время в российской географии туризма появилось достаточно много исследований, где турпотоки рассматриваются как отражение внешних и внутренних связей туристско-рекреационных систем. При этом величина турпотока обозначается как один из важнейших показателей развития туризма в регионе [13]. С учетом этого, в качестве одной из главных задач регионального развития туризма в России ставится увеличение числа туристских прибытий и длительности пребывания туристов в регионах страны [130]. На этом фоне активизировались исследования, оперирующие понятием «туристские потоки», в которых рассматриваются, например, вопросы сегментации турпотоков [87; 139; 153], а также разрабатываются методики моделирования турпотоков на региональном и локальном уровнях [45; 78].

Имеются работы, посвященные изучению географии туристских потоков как в Российской Федерации в целом [2; 29], так и на уровне регионов страны, например, в субъектах Северо-Западного федерального округа [34], в Республике Мордовия [47], в Московской области [48], в Псковской области [164], в юго-западном Прибайкалье [19] и др. В последние годы появились

работы, где величина турпотока оценивается уже на уровне муниципальных образований разных субъектов Российской Федерации [32; 64; 215].

Значительный пласт исследований связан с изучением выездных турпотоков из Российской Федерации. Рассмотрены теоретические вопросы международного выездного туризма страны [81], проанализирована динамика турпотоков за разные временные интервалы из России [25], в т. ч. в страны Европы [61], в государства Евросоюза [55] и Северной Европы [116], отдельно в Эстонию, Финляндию [115] и др. страны. Появились работы, где рассматриваются изменения в выездном турпотоке из России в период пандемии COVID-19 [35]. Отрабатываются методики изучения выездного турпотока из отдельных регионов страны [51; 100; 165; 166].

Российские исследователи обращают внимание и на изучение географии турпотоков в зарубежных странах Европы [85], в т. ч. в Южной Европе [137], в Прибалтике [10] и отдельных государствах Северной и Западной Европы [59; 73; 77; 124]. Объявленная в 2020 г. пандемия COVID-19 спровоцировала всплеск интереса к анализу динамики международных турпотоков на фоне значительного сокращения прибытий туристов в подавляющее большинство стран мира [33; 156]. С одной стороны, изучалось изменение величины и географии выездного туризма из России [157]. С другой стороны, стало больше внимания уделяться изучению региональных особенностей развития внутреннего туризма в стране [90; 142]. В свете пандемии COVID-19 были рассмотрены такие аспекты развития туризма в России, как явление сверхтуризма [152].

Вместе с тем, явный интерес обозначился к анализу влияния пандемии COVID-19 на туризм в странах Европы, где вместе с общими вопросами кризиса в туристской сфере, стали рассматриваться и изменения в величине и географии въездного турпотока в странах Европы [62; 71; 111], в частности, в Финляндии и Эстонии [58; 216], Исландии [70], Ирландии [76], Швейцарии [155], Австрии [141], Словакии [57], Болгарии [63], Португалии [74] и ряде других [67; 117; 129]. С 2022 года в работах по географии международных

турпотоков стало изучаться также влияние геополитического фактора, который сказался в первую очередь на туристском обмене Российской Федерации и стран Евросоюза [151; 228].

Таким образом, можно говорить о достаточной представительности в отечественной географии туризма исследований по изучению географии туристских потоков. Всплеск интереса к данной тематике произошел, в частности, из-за значительного падения величины и изменения географии международных турпотоков в период пандемии COVID-19. Дальнейшему развитию данного направления в отечественной географии должно способствовать обнародование статистики по туризму на муниципальном уровне субъектов Российской Федерации. Однако для оформления данного направления как подотрасли географии туризма требуется разработка собственной методологии исследований, включая набор методик, которые связаны со спецификой объекта изучения – туристских потоков.

1.3 Изучение пространственно-временной организации (самоорганизации) туристских потоков в зарубежной науке

Туризм и рекреация стали предметом исследований мировой географии с начала XX века. Но первые работы, где предпринимались попытки изучения «туристских движений» (т.е. турпотоков), появились еще в XIX веке (например, книга немецкого ученого И. Г. Коля в 1841 году) [132]. Причем родиной изучения географии турпотоков можно считать *Центральную Европу* (Германию, Австрию и Швейцарию). В 1905 году в австрийском городе Граце была опубликована первая монография по туризму с названием «Туризм. Экономическое исследование» (Der Fremdenverkehr. Eine volkswirtschaftliche Studie). Автором книги был Йозеф Штраднер (Josef Stradner) [168]. Именно он впервые ввел такие важные для современной науки понятия, как «туризм» (нем. Fremdenverkehr), «география туризма» и

«туристский район». В начале XX века шло успешное развитие немецкой школы географии туризма, в значительной степени благодаря деятельности Исследовательского института в Берлине [92].

Но в дальнейшем лидерство в развитии географии туризма и рекреации перешло к *англо-американской географии*. Ранние исследования часто были сосредоточены на отдыхе (рекреации), причем если слово «рекреация» использовалось для описания коротких поездок, то туризмом называли более длительные поездки, особенно международные [210]. Собственно географические исследования туризма начались в 1930-е годы [212]. В *Великобритании* в 30–50-е годы XX века было предпринято изучение морских курортов [205; 206], но до 1960-х годов не проводилось прямых исследований в области географии туризма и рекреации. В *США* география туризма и рекреации выделилась из экономической географии, и уже в 1950-е годы туризм часто являлся предметом исследований докторских диссертаций [239].

В 1970–1980-е годы в зарубежной географии туризма и рекреации были созданы важные концепции, такие, как «туристская система» [231] и «жизненный цикл туристской территории» [194]. География туризма и рекреации развивалась не изолированно от более широких тенденций в географии, и фактически была подвержена влиянию тех же парадигм, что и вся англо-американская география человека (социогеография), пройдя через доминирование регионально-страноведческой, позитивистской пространственной, поведенческой, гуманистической, радикальной, «культурного поворота» и прикладной парадигм, и войдя в период диверсификации.

Через данные этапы развития географии туризма и рекреации прошли все крупные англоязычные страны (США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия) и многие другие государства, развитие географической науки в которых происходило под влиянием англо-американской школы. Сейчас публикации по географии туризма и рекреации

в англоязычных журналах характеризуются значительной широтой и тематическим разнообразием [202; 203; 204].

Французская география туризма и рекреации опиралась на традиции национальной школы «географии человека» [198; 214], и в 1960-х и 1970-х годах была даже более активна, чем англо-американская география туризма, причем не только по количеству публикаций, но и в теоретическом плане. Это было связано как с национальными традициями в изучении влияния туризма на культурный ландшафт, так и с рассмотрением туризма в качестве фактора экономического развития французских регионов Альп [221]. Рост туризма и рекреации на побережье Средиземного моря еще в 1960-е годы стимулировал исследования развития прибрежных курортов [190; 193]. В последующем в географии туризма и рекреации во Франции отмечалось большое разнообразие существующих подходов и тем [222; 246].

Развитие исследований по географии туризма и рекреации в *Германии* и других германоязычных странах имело некоторые особенности. Истоки исследований по географии туризма здесь восходят к 1939 году (работе Ханса Позера по анализу туризма в Ризенгебирге). Тогда основное внимание уделялось изучению ландшафта как среды для туризма. Современные исследования больше ориентированы на изучение прикладных вопросов, например, устойчивого туризма и пропускной способности территорий, а также текущих изменений в туристском спросе и предложении. Еще одним современным направлением исследований является изучение географического пространства с точки зрения туризма и рекреации. Причем эти исследования не ограничиваются физическим пространством, включая «пространство действия» (воспринимаемое или виртуальное пространство) [227].

География туризма и рекреации в странах *Северной Европы* развивалась под большим влиянием англо-американской географической школы [258], чем во Франции и Германии, где были созданы свои национальные школы. При этом североевропейские исследователи больше внимания уделяют вопросам устойчивого развития туризма и рекреации [259]. Отдельно следует отметить

географию туризма в *Нидерландах*, где проводились исследования по изучению прибрежного и сельского туризма, а также проблем регионального развития туризма [200; 271]. С другой стороны, работы голландского географа Грега Эшворта оказали значительное влияние на формирование традиций изучения городского и культурно-исторического туризма [180; 181; 182; 183; 184].

Наиболее полное представление об истории и современном состоянии географии туризма в странах *Центральной и Восточной Европы* дает коллективная монография, изданная в 2017 году под редакцией польских ученых К. Видавского и Е. Выжиковского [269], включающая разделы по географии туризма 12 стран региона. В книге представлено состояние исследований в области туризма, изучении туристской инфраструктуры, достопримечательностей, туристских потоков, основных видов туризма, а также туристского районирования в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы. Исследования по географии туризма в этих странах, обладая рядом национальными особенностями, в разное время развивались под влиянием советской школы рекреационной географии и англо-американской школы географии туризма и рекреации. Наиболее представительными в этом регионе являются исследования по географии туризма и рекреации в Польше [226; 233] и Украине [16; 18; 127].

В коллективной монографии по географии туризма, изданной в 2023 году в *Испании* [264], отмечено, что англоязычная гегемония в научной сфере отодвигает на второй план большое количество исследований по географии туризма, опубликованных на других языках и с позиции других культурных традиций. При этом, многие академические исследования в области географии туризма, проведенные учеными Испании, трудно распространять в международной среде, не говорящей по-испански. По аналогичным причинам достаточно мало известно о почти вековом периоде развития географии туризма в *Италии* [250]. За это время было подготовлено большое количество специализированных публикаций, где рассматривались вопросы, касающиеся

места географии в изучении туризма, связи между туризмом и землеустройством, а также влияния туризма на окружающую среду. Многие региональные и местные исследования способствовали развитию методологии в данной области исследований.

На развитие географии туризма и рекреации в *странах Азии* также существенно повлияла англо-американская география, хотя многие исследования азиатских ученых опубликованы только на национальных языках. К 1960-м годам восходит изучение географии в сфере туризма в Турции [207]. Обзоры корейской географии человека [220] и прикладной географии [230] свидетельствуют о большом объеме литературы на корейском языке, посвященной событийному туризму, сельскому туризму, прибрежному туризму и развитию курортов. Также отмечается растущий интерес к географии туризма и рекреации в Китае, причем многие работы китайских исследователей опубликованы на английском языке [187; 188; 189; 208; 232; 272].

Также следует отметить еще один регион мира, где произошел значительный рост исследований по географии туризма и рекреации, а именно, *Южную Африку*. Некоторые из направлений географии туризма в ЮАР находились под влиянием англо-американской географии, хотя существовали также тесные связи с научными традициями, идущими из Германии и Нидерландов. При этом сказался фактор сокращения контактов с международным академическим сообществом в годы апартеида. После отмены апартеида с 1994 года географы ЮАР занимаются проблемами развития туризма и рекреации с учетом как местных особенностей, так и международных тенденций [256; 275]. В начале XXI века исследования в рамках географии туризма и рекреации в Африке заметно расширились, выйдя за границы ЮАР [255; 268; 273].

В *Латинской Америке* основная часть исследований по географии туризма и рекреации вплоть до начала XXI века приходилась на англоязычные страны, т. е. преимущественно государства Содружества. К таковым

относятся некоторые острова Карибского бассейна, в частности, Багамские острова, Ямайка, Барбадос, Тринидад и Тобаго [241]. Хотя в целом рост публикаций по этой тематике начался с 1970-х годов. Из неанглоязычных стран наибольшей активностью в проведении исследований по данной тематике характеризовалась Мексика [240]. Географы, представляющие страны Латинской Америки и Карибского бассейна, которые проводят исследования в области туризма (или тем, связанных с туризмом), сталкиваются с проблемой опубликования своих работ. Они могут публиковаться в национальных изданиях на испанском или португальском языке, или же им приходится преодолевать культурные и языковые барьеры для публикации в американских или международных журналах. Поэтому и в ближайшей перспективе «Журнал латиноамериканской географии и географии туризма» продолжит оставаться основным изданием для географических исследований туризма и рекреации в Латинской Америке и Карибском бассейне [242].

В специализированных международных журналах, посвященных туризму и рекреации, исследования по изучению *географии туристских потоков* не выделяются в качестве основных тематических рубрик [207]. Тем не менее, такие исследования проводятся в достаточно большом количестве, и они нацелены на разработку и совершенствование методик анализа и прогнозирования туристских потоков. Например, можно отметить работу 1995 года, где представлены результаты регионального анализа туристских потоков в Европе [217]. На основе данных о международных туристских прибытиях из 221 страны и территории за период 1995–2018 годов в исследовании [263] применен сетевой анализ для изучения структуры и эволюции международных туристских потоков, а также роли и функций стран и территорий в сети международных туристских потоков. Исследование, проведенное в ЮАР и опирающееся на подробную базу данных о туристских потоках на местном уровне [270], дает представление о характере и меняющейся географии внутреннего туризма, т. е. по сути, о реструктуризации туризма в данной

стране. В данной статье отмечено, что характер и динамика внутреннего туризма изменились после перехода страны к демократической форме правления.

Также как и в российской географии туризма, пандемия COVID-19 привела к росту числа публикаций в зарубежной науке, посвященных кризису в туризме и реструктуризации туристских потоков. Пандемия перевернула многие существующие модели туризма. Первые работы о перспективах трансформации туристской сферы в мире после пандемии появились уже в 2020 году [211]. Перспективы восстановления турпотоков обсуждались также и на примере отдельных стран, например, Италии [197], Румынии [199], Индии [236] и др. В 2021–2022 годах количество таких публикаций резко возросло, и при этом появились исследования, где был осуществлен анализ изменения величины и географии турпотоков с начала пандемии.

Анализ влияния пандемии на изменение турпотоков осуществлялся как на уровне всего мира [178; 238], так и по отдельным странам, например, в Исландии [195], Венгрии [229], Сербии [243], Румынии [276], Республике Бангладеш [266], Южной Корее [267] и др. Во многих странах уже тогда была сделана ставка на развитие внутреннего туризма, в частности, в Новой Зеландии [213], Южной Корее [209], Турции [179; 191], Великобритании, Италии и Греции [254] и др. Применительно к Германии и Ирландии обсуждалась возможность развития сельского туризма [248].

Особо следует обратить внимание на исследование польских ученых, посвященное влиянию пандемии COVID-19 на состояние туристской сферы тридцати европейских стран по итогам 2020 года [223]. Данное исследование показало, что на начальном этапе пандемии COVID-19 наиболее пострадала сфера туризма в странах Средиземноморья (особенно в Испании, Италии и Греции). Меньше всего пандемия затронула туристскую сферу в странах Центральной и Северной Европы.

И в заключение раздела следует отметить, что в зарубежной науке география туристских потоков нередко рассматривается как одно из основных

направлений географии туризма. В качестве примера можно привести представленный в зарубежных публикациях один из вариантов структуризации географии туризма: 1) география рекреационных ресурсов; 2) география туристской инфраструктуры; 3) география изменений в окружающей среде туризма; 4) география туристских потоков; 5) туристское страноведение; 6) локальное изучение туризма; 7) география видов туризма [192].

Из проведенного обзора работ по исследованию турпотоков в зарубежной географии туризма видно, что при анализе и прогнозировании туристских потоков важна не только пространственная, но и временная составляющая. Это обстоятельство было учтено при определении предмета исследования данного направления географии туризма, в качестве которого было предложено считать пространственно-временную организацию туристских потоков.

Глава 2. Методологические основы изучения географии туристских потоков

2.1 Туристская статистика и ее использование при изучении трансграничных турпотоков

Исследование географии турпотоков не может проводиться без использования статистических данных о перемещениях туристов между разными территориями. Поэтому вопрос наличия на региональном уровне туристской статистики приобретает особое значение. При сборе и агрегировании данных о турпотоках возникают разные вопросы, например: 1) как считать туристов на той или иной территории; 2) какие источники туристской статистики использовать в исследовании географии турпотоков на территориях разного масштаба (мира в целом, его макрорегионов, стран, внутригосударственных регионов, городов и административно-территориальных единиц разных уровней).

Поэтому необходимо полноценное представление об источниках статистики турпотоков с точки зрения особенностей методологии учета туристов и географии охвата. Различные вопросы формирования и анализа туристской статистики рассматривались разными исследователями. К этим вопросам относятся, например, проблемы учета международных потоков туристов [7; 12; 161] и особенности региональной статистики по туризму [48; 128; 186].

Следует отметить, что в мире до настоящего времени так и не был создан единый стандарт учета туристов. В первую очередь, следует обратить внимание на сборники Всемирной туристской организации (ЮНВТО), данные Евростата и национальных статистических служб стран Европы (список статистических источников см. в приложении). Во Всемирной туристской организации, где агрегируется статистика по странам мира, выделяется две основных методологии учета въездного турпотока на уровне стран: 1) пограничную, учитывающую прибытия туристов на границах стран;

2) гостиничную, учитывающую пребывание туристов в гостиницах и аналогичных средствах размещения. Но, несмотря на рекомендации ЮНВТО, такую статистику собирают далеко не все страны.

Способы сбора данных о перемещениях туристов отражают два уровня туристской статистики, которые могут быть задействованы в исследованиях разного масштаба. К первому уровню относится объем въездного турпотока в страну, характеризуемый числом граждан, пересекающих государственную границу. Этот уровень туристской статистики позволяет осуществлять анализ международных турпотоков. Ко второму уровню относится статистика средств размещения (гостиниц, хостелов и др.), которая позволяет оценить количество туристов, воспользовавшихся услугами этих средств размещения. Второй уровень позволяет более точно отражать собственно объем турпотока на региональном уровне [65].

Две обозначенные методологии учета туристов трудно сопоставляются друг с другом. В большинстве стран мира считается статистика пересечения туристами границы, однако в Европе этот метод используется редко, здесь преобладает учет туристов по статистике средств размещения. Но в Европе можно использовать также статистику посещения отдельных туристских объектов. Таким образом, можно выделить три основных типа данных о туристах, которые позволяют оценивать объемы турпотоков. Их особенности представлены ниже.

1. Пограничная статистика фиксирует количество пересечений границы туристами (при этом обычно учитывается гражданство). Данная статистка может быть использована для анализа динамики и структуры въездного турпотока в определенную страну и, соответственно, для межстрановых сравнений. Однако в большинстве стран Европы (а точнее, в тех из них, которые входят в Шенгенскую зону), такая статистика отсутствует.

2. Гостиничная статистика фиксирует количество туристов, зарегистрированных в различных средствах размещения (гостиницах, хостелах и т.п.) и количество ночевков в них. Такая статистика может быть

использована при анализе объема турпотока на региональном уровне отдельных стран и, соответственно, для межрегиональных сравнений. Недостатком данной статистики является двойной учет одних и тех же туристов в случае их переселения в другую гостиницу.

3. Статистика посещений отдельных туристских объектов может быть встречена в разных источниках, и в данном случае существует много способов учета туристов. Например, практикуется учет туристов по количеству билетов, проданных в музеи, национальные парки, для посещения отдельных достопримечательностей и т.д. Также возможен учет туристов, опираясь на транспортную статистику, например, по количеству пассажиров, перевезенных теми или иными видами транспорта. С помощью данной статистики можно проследить турпотоки на локальном уровне. Но имеются и минусы такого учета. Например, обычно не разделяются собственно туристы, которые прибыли на срок более суток, и экскурсанты, прибывшие на срок менее суток. Поэтому географию прибытий туристов проследить если и возможно, то затруднительно.

Классификация стран мира по основным видам формируемой в них туристской статистики представлена на рисунке 1. Можно отметить, что в ряде стран представлена одновременно и пограничная, и гостиничная туристская гостиница. Однако данные массивы туристской статистики не всегда являются равнозначными, обычно один из используемых видов предоставления статистики является более отработанным, и, соответственно, туристская статистика более полной, а другой – дает лишь поверхностные представления о турпотоках.

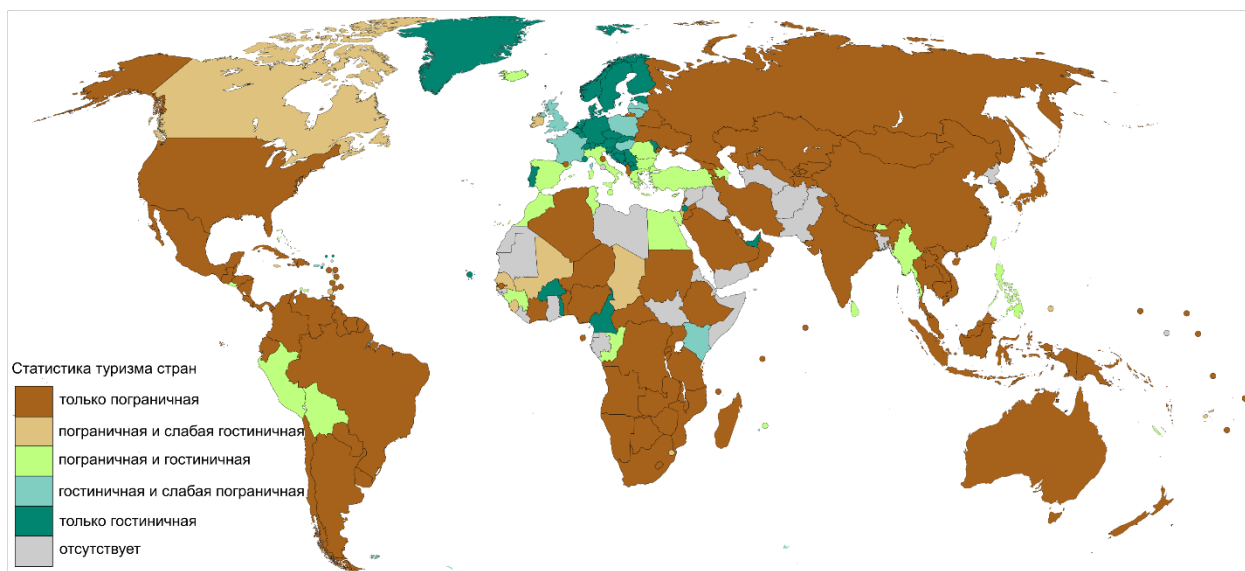

Рисунок 1 – Виды статистики туризма в странах мира (по сборнику ЮНВТО «Yearbook of Tourism Statistics», данные за 2014–2018 гг.) [65]

Рисунок 2 позволяет дать косвенную оценку, насколько качественной является туристская статистика в разных странах мира. На рисунке обозначена доля известной части въездного турпотока, т.е. распределенной по конкретным странам выезда (при этом остаток включен в категорию «Other countries»). Так, хорошо видны страны Африки, где качество туристской статистики достаточно низкое. С другой стороны, в ряде стран Евросоюза низкая доля не всегда свидетельствует о невысоком качестве статистики, т. к. согласно методологии Евростата, по отдельности учитываются только страны ЕС, некоторые другие крупные страны (США, Китай, Россия, Бразилия, Турция, ЮАР и др.), и потому иногда пропадает достаточно значимая часть турпотока (например, во Франции – из ее бывших колоний).

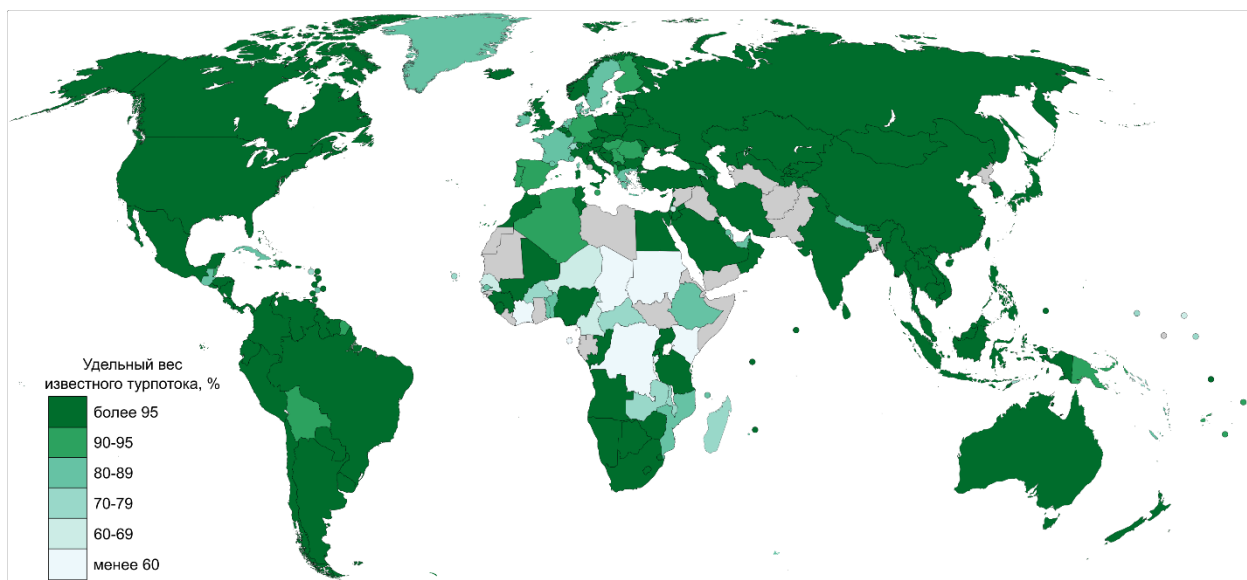

Рисунок 2 – Удельный вес известного въездного турпотока в общей структуре турпотока (по сборнику ЮНВТО «Yearbook of Tourism Statistics», данные за 2014–2018 гг.) [65]

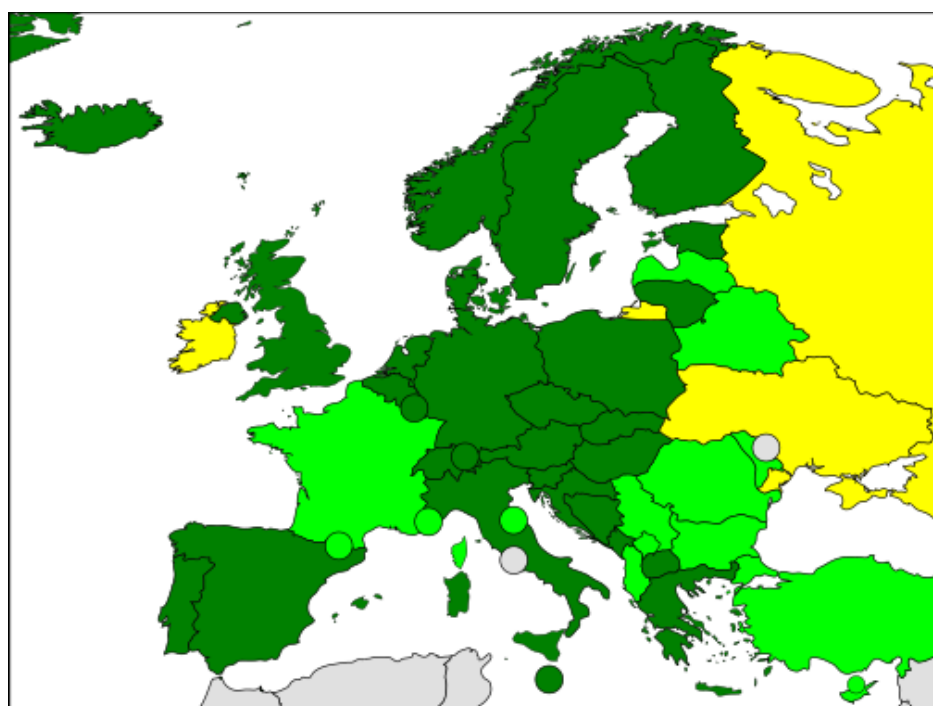

Рисунок 3 – Гостиничная статистика туризма в Европе на региональном уровне (по данным национальных статистических служб)

Цвета стран: темно-зеленый – подробная региональная статистика по странам прибытия; светло-зеленый – общая региональная статистика по странам прибытия без детализации по странам прибытия (только на страновом уровне); желтый – гостиничная статистика не отражает географии прибытий даже на страновом уровне [65]

Кроме того, туристскую статистику можно разделить на четыре основных категории в зависимости от иерархического уровня охватываемых территорий [72].

1. Международная статистика, основным источником которой является ЮНВТО. Всемирная организация туризма разрабатывает методологию статистического учета туристов, агрегирует статистику всех государств мира, ведущих статистический учет туристов. Недостатком такой статистики является ее большое запаздывание (временной лаг составляет до двух лет). Кроме того, так как в статистике совмещены две методологии учета, обозначенное количество туристов в мире является весьма условным.

2. Государственная статистика, где агрегированы результаты учета туристов национальными статистическими службами. Положительной стороной такой статистики является ее оперативность, к тому же она представлена по месяцам. Такая статистика удобна для анализа въездного, выездного и внутреннего турпотоков в отдельно взятых странах.

3. Региональная статистика, которая частично может быть присутствовать на сайтах национальных статистических служб (например, в Эстонии), или же может быть представлена отдельно в случае большого массива информации (например, на уровне федеральных земель Германии). Такая статистика формируется только в странах Европы, где учитываются прибытия туристов по гостиничной статистике.

4. Локальная статистика, которая оперирует количеством посещений отдельных туристских объектов, а также данными по перевозкам туристов. Данную информацию можно визуализировать на картах в виде точечных или линейных объектов. Статистика на локальном уровне наиболее труднодоступна, ее приходится собирать по крупицам из разнообразных источников или получать непосредственно в ходе полевых исследований.

При этом особо нужно отметить вклад, который внесли исследования по международным турпотокам в определение границ и классификацию по величине турпотоков *трансграничных туристско-рекреационных регионов*.

Анализ объема и динамики трансграничного туристского обмена сопредельных государств опираются на национальную статистику этих стран с данными по туристским прибытиям и ночевкам за определенные временные интервалы. Главная проблема использования туристской статистики отдельных стран для анализа трансграничных турпотоков связана с разной методикой учета туристов, что может привести к несоответствию данных по турпотоку, получаемых даже в соседних странах.

Так, например, в России по приказу Росстата от 12 августа 2014 года № 510 [145] была официально изменена методология расчета таких поездок. Это было связано с переходом к методике, рекомендованной ЮНВТО. В соответствии с данной методикой, туристами следует считать тех лиц, которые оставляют в стране пребывания финансовые ресурсы, полученные вне этой страны. Действовавшая ранее методика учета туристов была ориентирована только на тех, кто пересекал границу по туристским визам. Однако это не отвечало международным стандартам туристского учета. В результате этого старая методика не учитывала часть реального въездного турпотока в Россию, так и выездного из нее. По новым правилам к туристам стали относить тех лиц, которые совершали поездки в другие страны как с целью делового и профессионального общения, так и с целью посещения родственников и знакомых [65].

Еще одним источником, который можно использовать для анализа трансграничных турпотоков, являются данные Пограничной службы. Так, к примеру, в России граждан, пересекающих границы, делят на семь основных категорий в зависимости от целей визита: «деловая поездка», «частная поездка», «обслуживающий персонал транспортных средств», «переезд на постоянное место жительства», «туризм», «военнослужащие» или «транзитный проезд». Также нужно добавить, что Пограничная служба Российской Федерации располагает статистикой, позволяющей оценить объем турпотока, пересекающего границу, по старой методике Росстата [116]. Причем в России до недавнего времени данные по прибытиям и убытиям на

государственной границе оставались единственным видом туристской статистики, позволявшим оценить величину международных турпотоков [25; 120; 170; 171].

При этом еще одной проблемой, затрудняющей изучение трансграничного туробмена, является несопоставимость туристской статистики по разные стороны государственной границы. Так, если в России приходится опираться на статистику прибытий и убытий на границе, то за рубежом турпоток можно оценить по статистике средств размещения. И потому, например, показатель, отражающий прибытие иностранных туристов в приграничные районы России, оказывается сильно завышенным [68].

Первоначально в ходе анализа объема и структуры турпотока в приграничных регионах были уточнены *границы трансграничных туристско-рекреационных регионов* (ТТРР) мезоуровня на смежных территориях России с Финляндией [124], Эстонией [114] и Латвией [112]. Затем были определены границы ТТРР мезоуровня на всем северо-западном порубежье России [121]. Далее изучение географии турпотоков на региональном уровне позволило перейти к выделению ТТРР мезоуровня и определению их границ в пределах юго-восточной части Балтийского макрорегиона [118], затем – на территории Швеции [113], и, наконец, в пределах всего Балтийского макрорегиона [119].

Ранее Е.Г. Кропинова [96; 97] предложила достаточно простую иерархию трансграничных туристско-рекреационных регионов, включающую три основных уровня: макро- (Балтийский макрорегион), мезо- и микроуровень. В ходе оценки величины турпотоков в границах ТТРР мезо- и микроуровня была предложена *классификация ТТРР по степени выраженности*, учитывающая как их иерархический уровень, так и ежегодную величину трансграничного обмена внутри ТТРР. Для ТТРР мезоуровня были предложены такие количественные критерии при выделении их категорий: степень сформированности ТТРР с количеством пересечений границы свыше 500 тысяч в год было предложено считать «высокой», от 100 до 500 тысяч в год – «выше средней», от 50 до 100 тысяч в год – «средней».

ТТРР с туробменом менее 50 тысяч в год рассматривались уже в категории трансграничных микрорегионов [118; 119; 124]. В некоторых случаях в качестве количественного критерия выделения ТТРР микроуровня выступал туробмен в 20 тысяч в год [113].

Несмотря на целый ряд проблем, связанных с разночтениями туристской статистики по разные стороны государственных границ, опыт изучения туробмена в пределах трансграничных туристско-рекреационных регионов позволил сделать важные шаги в исследовании географии турпотоков в России и зарубежных странах Европы. Также благодаря изучению туробмена в конкретных трансграничных туристско-рекреационных регионах был внесен значимый вклад в практическое изучение трансграничных туристско-рекреационных регионов. Во-первых, с опорой на величину турпотоков из разных стран, были определены границы трансграничных туристско-рекреационных регионов разного иерархического уровня, во-вторых, была осуществлена классификация трансграничных туристско-рекреационных регионов по величине трансграничного туробмена.

Таким образом, при анализе туристской статистики нужно учитывать особенности ее формирования на разных территориальных уровнях. Так, для статистических сравнений межгосударственного масштаба вполне применим массив данных ЮНВТО, исследования регионального масштаба можно проводить на основе национальной статистики, а локального уровня – опираясь на другие источники. Даже в странах Европы, где туристская статистика собирается и анализируется в течение достаточно длительного времени, далеко не всегда имеется возможность полноценных сравнений регионального масштаба из-за недостатка данных.

2.2 Ключевые показатели в методике анализа пространственно-временной организации турпотоков

2.2.1 Общее число прибытий и доля иностранных туристов

Самым простым показателем, который может быть использован для анализа пространственной организации турпотоков в пределах страны, является *общее число прибытий* иностранных и внутренних туристов в регионах государства за определенный временной интервал (обычно за год).

При этом нужно отметить, что в ряде государств недостаточно использовать статистику только по средствам размещения туристов. Например, для анализа въездного турпотока в островные государства требуются дополнительно сведения по авиаперевозкам и круизной статистике. Именно такая статистика была использована при изучении нами въездного турпотока в Гренландию и на Фарерские острова [59].

К числу достаточно простых расчетных показателей, оценивающих особенности регионального распределения въездного турпотока, как в целом, так и из разных стран, относится *доля иностранных туристов* в общем объеме турпотока [69]. Этот показатель характеризует степень концентрации в разных регионах иностранных туристов, в том числе прибывших из конкретных стран. Но, следует отметить, что данный показатель не позволяет анализировать территориальную организацию турпотоков с малыми величинами, например, из стран с крайне небольшим количеством жителей. Поэтому для анализа территориальной организации въездных и внутренних турпотоков требуется использование совокупности показателей, и связанных с ними методик, которые представлены ниже.

2.2.2 Туристская нагрузка

Еще одним относительным показателем, который позволяет увидеть различия между странами или их регионами по особенностям распределения турпотока, является величина *туристской нагрузки*. Этот показатель

показывает отношение величины турпотока к численности населения конкретной территории и рассчитывается по следующей формуле:

$$ТН = \frac{Тп}{ЧН} * 1000 \text{ жит.},$$

где ТН – туристская нагрузка (на 1000 жит.), Тп – общая величина туристского потока на определенную территорию, ЧН – численность населения данной территории [65].

Методика, основанная на расчете туристской нагрузки, была апробирована на территории целого ряда стран, например, в Латвии для определения границ трансграничных туристско-рекреационных регионов [112].

2.2.3 Степень концентрации турпотоков

Степень концентрации турпотоков на определенных территориях может быть оценена с помощью разных методик. Так, например, на территории островного государства Исландии была апробирована методика, опирающаяся на показатель, названный *коэффициентом централизации туристского потока* [70]. Он показывает, во сколько раз величина въездного турпотока, приходящегося на лидирующие регионы страны, превосходит величину турпотока в ее остальные регионы. Данный показатель рассчитывается по следующей формуле:

$$КЦТп = \frac{ЧТ_{\text{лид}}}{ЧТ_{\text{общ}} - ЧТ_{\text{лид}}};$$

где КЦТп – коэффициент централизации туристского потока, ЧТ_{лид} – число прибытий туристов в лидирующие регионы страны, ЧТ_{общ} – число прибытий туристов по стране в целом.

С помощью данного показателя было выявлено, что распределение туристов на территории Исландии в условиях роста въездного турпотока в допандемийный период оставалось сравнительно устойчивым. Основными факторами, определяющими территориальную организацию турпотоков, стали транспортная доступность и известность достопримечательностей.

Благодаря этим факторам в стране по въездному турпотoku лидируют столичный и южный регионы, которым заметно уступают труднодоступные регионы: северо-западный и северо-восточный. При этом потоки туристов из разных стран имеют свои особенности распределения по территории Исландии. Так, туристы из США и Китая относительно равномерно распределяются по стране, в столичном и южном регионах повышен удельный вес туристов из Великобритании, а в периферийных регионах – туристов из Германии и Франции.

Представленная выше методика была апробирована на уровне всех стран Европы по статистике на 2019 и 2021 годы. При этом в качестве центральных принимались столичные регионы [60]. Исследование показало, что в большинстве крупных европейских столиц, которые вместе с тем являются главными туристскими центрами стран, произошло наиболее значительное снижение въездного турпотока. Это объясняется очень высокой долей в структуре их въездного турпотока в допандемийный период прибытий из неевропейских стран, наиболее сократившейся из-за введения ограничительных мер. При этом в ряде столиц стран Восточной Европы ранее была высока доля турпотока из России, которая фактически сразу с началом пандемии была обнулена.

По этим причинам заметно сократилась доля столичных регионов во въездном турпотоке почти всех европейских стран. Исключение составили столицы Российской Федерации и Республики Беларусь, что было связано с практически полным прекращением въездного турпотока в приграничных регионах стран. В большинстве стран произошел сдвиг въездного турпотока в сторону менее урбанизированных регионов.

В исследовании, посвященной реструктуризации туристских потоков в пределах Балтийского макрорегиона в период пандемии COVID-19 [117], был предложен показатель, отражающий *долю стран макрорегиона* в структуре въездного туристского потока конкретных территориальных единиц:

$$ИБвездТур = \frac{\sum Тур_{везд\ Балт}}{\sum Тур_{везд}} \times 100 \%,$$

где $ИБвездТур$ – индекс, отражающий долю стран Балтийского макрорегиона в структуре въездного турпотока, в %, $\sum Тур_{везд\ Балт}$ – суммарный въездной турпоток из стран Балтийского макрорегиона, $\sum Тур_{везд}$ – весь въездной туристский поток.

В расчет данного показателя были включены все страны, окружающие Балтийское море, за исключением России, т. к. с марта 2020 г. выезд россиян в страны Шенгенской зоны был ограничен, и выездной турпоток из страны сократился до крайне незначительного уровня.

2.2.4 Степень посещаемости регионов

Предлагаемая методика определения *степени посещаемости регионов* туристами из конкретных стран основывается на сравнении в общей структуре въездного турпотока в регион доли туристов из конкретной страны со средней по государству долей туристов из данной страны. В случае, если доля туристов из определенной страны в регионе значительно превышает общегосударственную, то можно говорить о «высокой» степени посещаемости региона туристами из этой страны. Если же данная доля в регионе меньше, чем в государстве в целом, то можно говорить о «низкой» степени посещаемости. Соответственно, «средняя» посещаемость будет означать примерное равенство (принимается небольшой перевес в ту или иную сторону) региональной и общегосударственной долей туристов из конкретной страны. Можно ввести также промежуточные степени, такие как «выше средней» и «ниже средней».

Таким образом, оценка степени посещаемости туристами из конкретной страны равнозначна определению специализации регионов в экономической географии, но в данном случае подразумевается «специализация» на турпотоке из определенных стран. При этом, едва ли имеет смысл оперировать понятием «специализация» для периферийных регионов, имеющих крайне

незначительный въездной турпоток. Возможен вариант задания количественных критериев обозначенных «степеней» на основе расчета *коэффициента посещаемости регионов* (равнозначного коэффициенту локализации в экономической географии). Однако опыт расчета такого коэффициента свидетельствует о значительном размахе его значений, что осложняет задачу создания жестких количественных рамок для определения «степеней посещаемости».

Данная методика дает возможность взглянуть на географию въездного турпотока в пределах страны как бы «изнутри» регионов, т. к. использование традиционных методик, опирающихся как на абсолютные, так и относительные показатели, обычно смещает акцент исследования на регионы с наибольшим объемом турпотока, или же другим образом ограничивает возможности географического анализа. Например, к такого типа методикам можно отнести *определение стран-лидеров* по количеству туристов, посещающих конкретный регион государства. Возможно и совершенствование данной методики, когда определяется не одна лидирующая страна, а, например, первая тройка стран, а далее осуществляется типология регионов государства по сочетанию этих стран в лидирующей тройке. Такая методика была апробирована на уровне регионов Эстонии и Финляндии [114; 124].

2.2.5 Индекс разнообразия турпотока

Для оценки степени сложности структуры турпотока на определенной территории предложено использовать такой показатель, как *индекс разнообразия туристского потока* (ИРТп). Данный показатель рассчитывается по аналогии с хорошо известным в отечественной географии, в первую очередь, этнической географии, индексом мозаичности Б. М. Эккеля [175]. В зарубежной науке более известно другое название данного показателя – индекс фракционализации [201; 249; 253]. Показатель может быть

использован для оценки разнообразия как въездного, так и выездного турпотока, т. е. за вычетом внутреннего турпотока в определенной стране.

Используемый при анализе структуры въездного турпотока показатель можно назвать *индексом разнообразия въездного туристского потока* (ИРВТп). В таком случае формула для расчета показателя будет следующая:

$$\text{ИРВТп} = 1 - \sum_{i=1}^N (T_i)^2,$$

где N – число групп иностранных туристов по странам выезда, T_i – доля иностранных туристов из i -го государства ($i = 1, 2 \dots N$) в общей величине въездного турпотока в страну [65].

Чем ближе к единице значение показателя, тем выше степень разнообразия турпотока. Но величина индекса не может достигать единицы, его максимальное значение составляет $1 - 1/N$, т. е. зависит от общего количества стран, из которых прибыли туристы. При этом, чем больше таких стран, тем ближе к единице может быть величина показателя. Высокое значение индекса свидетельствует об отсутствии доминирования в структуре въездного или выездного турпотока какой-то одной страны. И, наоборот, о наличии такого доминирования говорит низкое значение индекса. Данный показатель может быть использован как для сравнительного анализа степени разнообразия турпотока на разных территориях, а также для количественного измерения динамики сложности структуры турпотока.

Методика, опирающаяся на индекс разнообразия въездного туристского потока, была апробирована на уровне регионов стран Бенилюкса (Бельгии, Нидерландов и Люксембурга) [69]. Исследование показало, что наибольшее разнообразие въездного турпотока характеризовало в 2019 году три столичных региона стран Бенилюкса, наименьшее разнообразие – наиболее удаленные от столиц, условно «периферийные» регионы (северо-восток и юго-запад Нидерландов, юго-восток Бельгии, север Великого Герцогства Люксембург).

Кроме того, индекс разнообразия въездного туристского потока был рассчитан для всех стран Европы по туристской статистике на 2019 и 2020 годы [62]. По итогам расчетов были составлены карты за эти годы, а также

карта динамики показателя с 2019 по 2020 годы. В 2019 году наибольшие значения показателя характеризовали Великобританию, Венгрию, Боснию и Герцеговину, Сербию и Черногорию (три последние страны за счет взаимного турпотока). Достаточно высокие значения индекса были в большинстве стран Европы, за исключением Дании и Австрии (где доминировал турпоток из Германии), а также Республики Беларусь (за счет турпотока из России) и ряда микросоциальных государств (из-за преобладания турпотока из смежных крупных стран).

В 2020 году, по сравнению с 2019 годом, произошел заметный рост величины данного показателя только в России, где во въездном турпоточе снизилась доля Китая. В подавляющем большинстве других европейских странах произошло уменьшение индекса разнообразия въездного турпотока, что объясняется значительным перераспределением турпотока в пользу соседних стран, с которыми был введен более свободный режим пересечения границы, что позволило сохранить достаточно большой туробмен между ними. Лидерами в Европе по падению величины показателя стали Дания и Австрия (благодаря сохранению большого туробмена с Германией). Также из-за сокращения туробмена с несмежными странами уменьшилось значение индекса в Словакии, Болгарии и Албании.

2.2.6 Индекс туристского притяжения

При осуществлении анализа структуры въездного турпотока существует проблема оценки значимости турпотока из стран с малой численностью населения, т.к. обычно величина такого потока бывает крайне незначительной в общей величине въездного турпотока, и потому редко вовлекается в географический анализ. Для данной оценки предложено использовать такой показатель, как *индекс туристского притяжения*, который рассчитывается как отношение количества иностранных туристов, прибывших из определенной страны (страны отправления), к численности ее населения. Показатель выражается в количестве поездок на 1000 жит. и рассчитывается по формуле:

$$\text{ИТП} = \frac{\text{ТП}_{\text{страна отпр} \rightarrow \text{страна назн}}}{\text{ЧН}_{\text{страна отпр}}},$$

где ИТП – индекс туристского притяжения, $\text{ТП}_{\text{страна отпр} \rightarrow \text{страна назн}}$ – туристский поток из страны отправления в страну назначения, $\text{ЧН}_{\text{страна отпр}}$ – численность населения страны отправления [65].

Расчет данного показателя очень схож с расчетом туристской нагрузки, но, в отличие от последнего, в знаменателе стоит не количество жителей принимающей территории, а численность населения территории отправления. С помощью расчета индекса туристского притяжения можно сравнивать турпотоки отдельных стран в разных направлениях, оценив при этом привлекательность конкретных стран для туристов из других стран. Данный показатель может быть использован, например, для оценки устойчивости туристских потоков, что созвучно с задачей прогнозирования турпотоков.

Также индекс туристского притяжения может применяться и для изучения международных турпотоков внутри определенных групп стран. Например, данный показатель был апробирован при анализе турпотоков между пятью странами Северной Европы (Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии и Исландии) [75]. Для этого была составлена таблица, иллюстрирующая интересы североевропейских туристов. Таблица позволила увидеть, что наиболее привлекательной из стран Северной Европы для североевропейских туристов является Дания. Наименее привлекательными оказались Исландия (вероятно, по причине географической удаленности) и Финляндия (возможно, из-за ее окраинного положения в пределах ЕС, а также по языковой причине, т.к. финский язык не относится к скандинавской подгруппе германской языковой группы). Более привлекательными для взаимного посещения туристов являются три страны – Дания, Норвегия и Швеция, что вполне объяснимо и географическими, и историческими, и языковыми факторами.

Также определенный интерес вызывает расчет индекса туристского притяжения для одной страны. Такое исследование было проведено

применительно к Исландии [70]. Хотя в число первых пяти стран по количеству прибытий туристов в Исландию в 2019 году входили США, Германия, Великобритания, Китай и Франция, из них только Великобритания и Германия вошли в первую десятку стран по величине индекса туристского притяжения. При этом Китай занимал по этому показателю одно из последних мест. А в первую пятерку по величине индекса вошли Фарерские острова, Гренландия, Дания, Швейцария и Норвегия. Далее в десятке были представлены небольшие по населению, но при этом высокоразвитые европейские страны. Полученные результаты расчета индекса вполне объяснимы как географическим положением Исландии, так и ее политической историей, культурными связями, визовым режимом. Но важен и фактор ландшафтной уникальности острова в соединении с достаточной дороговизной туров в эту страну.

Индекс туристского притяжения была рассчитан также для Португалии [74]. В пятерку лидеров по въездному турпотoku в эту страну Южной Европы входили в 2019 году Испания, Великобритания, Франция, Германия и Бразилия, т.е. весьма многонаселенные страны. При этом по величине индекса туристского притяжения наиболее высокие результаты показали Ирландия, Люксембург, Испания, Швейцария, Нидерланды и опять же небольшие по населению другие высокоразвитые европейские страны. Бразилия и США, хотя и входили в первую десятку стран по числу прибытий, оказались соответственно лишь в третьей и четвертой десятке стран по величине индекса туристского притяжения.

2.2.7 Коэффициент сезонности турпотока

Важной характеристикой временной изменчивости туристских потоков является их сезонность. Имеются исследования, где сезонность туризма учитываться при разработке моделей прогнозирования турпотоков [38; 235]. Высокие и низкие сезоны турпотоков могут заметно отличаться в разных странах. Для оценки данной характеристики предложен показатель,

названный *коэффициентом сезонности турпотока*. Данный показатель рассчитывается как отношение числа прибытий туристов в высокий сезон к числу туристов в низкий сезон:

$$\text{КСТп} = \frac{\text{ЧТ}_{\text{выс}}}{\text{ЧТ}_{\text{год}}};$$

где КСТп – коэффициент сезонности туристского потока, $\text{ЧТ}_{\text{выс}}$ – число прибытий туристов в высокий сезон, $\text{ЧТ}_{\text{год}}$ – число прибытий туристов за год.

Методика, основанная на расчете коэффициента сезонности турпотока, была апробирована применительно к Исландии – стране с яркой выраженностью сезонностью туризма [70]. Высоким для Исландии является сезон с июня по сентябрь, а низким – с октября по май. Показатель рассчитывался во временные интервалы с 2005 по 2007 годы и с 2017 по 2019 годы для въездного турпотока в Исландию из нескольких стран, являющихся главными поставщиками туристов в это островное государство. Рост въездного турпотока между обозначенными временными интервалами сопровождался уменьшением коэффициента сезонности.

Германия и Франция попали в группу стран с летним пиком турпотока в Исландию, но с ростом турпотока он стал менее выраженным. В турпотоке из Китая и США летний пик изначально был менее выражен, а пик турпотока из Великобритании вообще сместился с летних на зимние месяцы, при этом в остальные месяцы отмечалось более-менее равномерное распределение турпотока. Важно отметить, что наиболее заметное снижение коэффициента сезонности турпотоков в результате роста общей величины въездного турпотока пришлось на пристоличные (центральные) районы острова, а в более удаленных (периферийных) районах сохранилась значительная сезонность турпотока.

2.2.8 Индекс замещения въездного турпотока внутренним (в ходе пандемии COVID-19)

Последствием пандемии COVID-19 стало не только значительное сокращение величины турпотоков в Европе. Она привела к заметным сдвигам в структуре турпотоков разных европейских стран, определив рассматриваемую в нашем исследовании географическую реструктуризацию туристских потоков в целом по Европе. Для анализа особенностей данной реструктуризации было введено еще несколько показателей. Так как ограничения в перемещении в период пандемии были завязаны, прежде всего, на границы государств, наибольшее падение характеризовало именно международные турпотоки. При этом в большинстве стран сокращение величины въездного турпотока было частично компенсировано ростом внутреннего турпотока. Поэтому первый из предложенных показателей характеризует степень замещения въездного турпотока внутренним.

При осуществлении исследований по географии турпотоков, связанных с пандемией COVID-19, принципиальное значение имеют временные рамки проведенного анализа. Для апробации данного показателя на уровне всех стран Европы был выбран временной интервал с июля по сентябрь (3 квартал) 2019–2021 гг. [56]. Данный временной интервал является наиболее показательным сразу по нескольким причинам: в этот период ковидные ограничения в большинстве стран Европы были мягче из-за меньшей заболеваемости, к тому же это время массовых отпусков, что важно с точки зрения возможности турбизнесу зарабатывать хотя бы в этот сезон. Также важно то обстоятельство, что выбранный временной интервал позволил включить в анализ страны с квартальной статистикой туризма.

Показатель предложено назвать *индексом замещения въездного турпотока* (ИЗВТп). Он рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{ИЗВТп} = \frac{\text{Тур}_{\text{внутр}2020/2021} - \text{Тур}_{\text{внутр}2019}}{\text{Тур}_{\text{въезд}2019}},$$

где ИЗВТп – индекс замещения въездного туристского потока, $Tур_{внутр\ 2020/2021}$ – величина внутреннего турпотока в июле-сентябре 2020 или 2021 г., $Tур_{внутр\ 2019}$ – величина внутреннего турпотока в июле-сентябре 2019 г., $Tур_{въезд\ 2019}$ – величина въездного турпотока в июле-сентябре 2019 г.

Значение данного показателя имеет смысл, если в 2020 или 2021 г. происходил рост внутреннего туристского потока и, как следствие, наблюдался заместительный эффект (т.е. числитель был больше 0). Индекс замещения въездного турпотока показывает, в какой степени (в %) возросший внутренний туристский поток компенсировал сократившийся въездной туристский поток. При этом сохранившийся в июле-сентябре 2020 или 2021 года въездной турпоток не учитывался.

Методика, основанная на расчете данного показателя, была апробирована не только на уровне стран Европы, но и на региональном уровне в пределах Балтийского макрорегиона [117]. Согласно итогам проведенного исследования, в большинстве регионов стран, окружающих Балтийское море, рост внутреннего турпотока смог частично или в нескольких случаях полностью компенсировать сокращение величины въездного туристского потока. Исключение составили, в первую очередь, столичные регионы. И еще в ряде регионов Германии, Польши и России величина внутреннего турпотока в 2021 году так и не смогла превзойти уровень 2019 года.

2.2.9 Индекс восстановления турпотока (по окончании пандемии COVID-19)

Начало выхода из кризиса туристской сферы, вызванного пандемией COVID-19, потребовало введение еще одного показателя, характеризующего восстановление турпотока в постпандемийный период. Этот показатель был назван *индексом восстановления туристского потока* (ИВТп), причем он может быть рассчитан как для въездного, так и внутреннего турпотока [71]. Сопоставимость разных стран по данной характеристике обеспечивается тем,

что абсолютные величины турпотоков переведены в относительные (к уровню базового года) по следующей формуле:

$$\text{ИВТ}_{\text{п}} = \frac{\text{МТ}_{\text{п}}}{\text{БМТ}_{\text{п}}} * 100\%,$$

где ИВТ_п – индекс восстановления туристского потока, рассчитываемый в %, МТ_п – величина турпотока в данном месяце определенного года, БМТ_п – величина турпотока в соответствующий месяц базового года.

Согласно результатам анализа данного показателя по месяцам 2020 и 2021 годов во всех странах Европы было выявлено, что к ноябрю 2021 года внутренний турпоток в большинстве европейских стран восстановился до уровня 2019 года, но объем въездного турпотока к тому времени составлял только 50–60% от базового. То есть, внутренний туристский поток восстанавливался значительно быстрее, чем въездной. Тем не менее, в большинстве стран не оправдали себя оценки по замещению въездного турпотока внутренним. При этом лидерами по росту внутреннего турпотока стали малые страны, более зависимые от туризма, что объяснимо наличием в них развитой туристской инфраструктуры, ставшей более доступной для местных туристов.

Разработанные в работе методики анализа пространственно-временной динамики туристских потоков опираются на такие показатели, как индексы разнообразия въездного турпотока и туристского притяжения, коэффициент сезонности турпотока, а также характеризующие изменения турпотоков в период и после пандемии COVID-19 индексы замещения въездного турпотока и восстановления турпотока.

2.3 Современные методы пространственно-временного анализа и моделирования турпотоков

В большинстве современных работ российских и зарубежных авторов анализ и прогнозирование туристских потоков опираются на математико-статистические методы исследования. К таким методом, например, относится *кластерный анализ*. Так, целью исследования [257] стала оценка влияния пандемии COVID-19 на туризм в странах Европы. Для этого были использованы вторичные данные Systemic Literature Review (SLR), а также Our World in Data (2021) и EUROSTAT (2021). После проверки имеющихся данных для анализа была выбрана 31 европейская страна. Для группировки стран по изменениям, происходящим в сфере туризма в период пандемии COVID-19, был применен *кластерный анализ Уорда*. Применение метода Уорда привело к созданию четырех групп стран, наиболее схожих с точки зрения изменений в туристской сфере за период 2019–2020 годов.

Метод множественной регрессии был использован при анализе структуры туристских потоков между наиболее значимыми городами Центральной Европы [262]. В связи с пространственным распределением турпотоков было рассмотрено влияние четырех основных факторов: 1) туристская привлекательность дестинации и ее окрестностей; 2) важность исходного рынка; 3) доступность; и 4) экономическое значение посещаемого города. В результатах исследования отмечено, что потенциал туристской мобильности определяют, в первую очередь, местоположение, доступность, туристская привлекательность дестинации и прочность связей между регионами и странами. Но также были выявлены факторы, не поддающиеся точной количественной оценке. В основном это культурные и исторические связи, а также факторы более широкого социально-экономического контекста.

В исследовании хорватских авторов [247] разработана модель, опирающаяся на *Индекс развития туризма (TDI)*. Индекс рассчитан на уровне единиц местного самоуправления Хорватии на основе следующих десяти

показателей: общее количество коек, общее количество коек на 100 жителей, количество ночлежек и аналогичных заведений, количество ночлежек и аналогичных заведений на 100 жителей, количество туристских прибытий, количество туристских прибытий на душу населения, количество ночевок, количество ночевок на душу населения, количество занятых в сфере туризма и гостеприимства и доля занятых в сфере туризма и гостеприимства в общей занятости. В выводах исследования отмечено, что преимущество использования TDI заключается в том, что индекс допускает динамичный подход к ежегодному измерению уровню развития туризма и потому может показывать значительные изменения в развитии туризма на местном уровне.

Во многих работах современных авторов, изучающих динамику турпотоков в мире, его макрорегионах и отдельных странах, представлены результаты *прогнозирования* турпотоков на небольшие временные интервалы (обычно на следующий год). Например, в исследовании [234] предпринята попытка прогноза восстановления туристского спроса в 2021 году по 20 направлениям по всему миру. Авторами была разработана модель, основанная на определении *индекса подверженности риску COVID-19*. Прогноз имеет двухэтапную структуру, включает три сценария, что повышает степень точности и надежности представленной прогнозной модели туристского спроса.

В статье [251] представлены результаты *прогнозирования спроса* на международные поездки в странах зоны евро в период пандемии COVID-19. Исследование включает описание ключевых макроэкономических факторов, далее анализируется их влияние на туристский спрос и разрабатывается прогнозная модель с использованием современных подходов, учитывающих асимметричную эластичность туристского спроса по доходам. В работе разработаны разные сценарии прогноза спроса на зарубежные поездки в еврозоне до 2022 года.

В настоящее время в мире разработано много методик математического моделирования и *прогнозирования временных рядов*. В статье российских

авторов [9] представлены результаты использования гибридного подхода в прогнозировании турпотока в один из регионов России, а именно, в Краснодарский край. В ходе исследования авторами была дана сравнительная оценка применения нескольких наиболее распространенных методик прогнозирования временных рядов, к которым относятся методы построения адаптивных моделей, тренд-сезонного моделирования и авторегрессионного подхода.

Мировой опыт прогнозирования турпотоков представлен преимущественно моделями туристских прибытий, не учитывающих географическую структуру спроса. В статье [93] представлены модели, которые позволяют отследить динамику турпотоков между регионами России именно *под влиянием факторов среды и уровня развития туристской инфраструктуры*. Примененный алгоритм основывается на методах машинного обучения. Продемонстрированы модели двух типов, прогнозирующие совокупный турпоток в определенный регион и перекрестные потоки между регионами, причем регионы отправления и прибытия описываются разным набором признаков.

Метод прогнозирования, опирающийся на *модель ARMA*, был использован для анализа эволюции ежемесячных рядов прибытий в Румынию в период с января 2010 года по сентябрь 2021 года [274]. В этой работе исследуется важная проблема анализа туристского спроса, а именно, внутренняя неопределенность, связанная с прогнозированием туристского спроса вследствие разрушительных последствий пандемии COVID-19 для туризма. Моделирование туристских прибытий в Южную Африку с целью оценки влияния пандемии COVID-19 на туристский сектор ЮАР было осуществлено в работе [196].

Подвести предварительные итоги по современному состоянию развития данного направления исследований позволяет статья российских авторов [102], изучивших мировой опыт *прогнозирования турпотоков с применением алгоритмов машинного обучения*. Данный обзор был осуществлен в

Финансовом Университете при Правительстве Российской Федерации в рамках исследования, посвященного моделированию турпотоков внутри России. Всего было проанализировано семь десятков статей, опубликованных в наиболее престижных в мире журналах по туризму. В числе наиболее интересных выводов исследования отметим следующие. Больше всего статей посвящено моделированию туристских прибытий в ту или иную дестинацию. При этом моделируются преимущественно прибытия в регион, а не передвижения между регионами одной страны. Только в некоторых статьях представлен анализ структуры въездного туризма в Китай, Сингапур, США, Грецию и ряд других стран и территорий. В качестве базы для построения моделей машинного обучения, прогнозирующих турпоток, выступают временные ряды, описывающие прибытия туристов в регионы. Новым трендом в анализе турпотоков стало использование онлайн-отзывов и постов в соцсетях. Для этой цели чаще всего используются такие интернет-ресурсы, как TripAdvisor, Flickr, Twitter, Strip and Qunar. Чаще для прогнозирования турпотоков используются модели временного ряда, альтернативой которым служат многофакторные регрессионные модели. Больше всего исследований по данной тематике было осуществлено в Китае. Развитие современных методов машинного обучения отмечается и в России.

Бурное развитие туризма в мире привело к тому, что он стал центром обширных исследований по разработке решений на основе *информационных и коммуникационных технологий*. В результате такие термины, как «умный туризм» или «электронный туризм», сейчас очень популярны в этой отрасли. Такое технологическое внедрение также позволило раскрыть палитру поведенческих моделей туристов. В географии туризма становятся все более популярными исследования, целью которых является описание и объяснение моделей мобильности. Тем не менее, разработка модели прогнозирования передвижения туристов по территории по-прежнему ограничена и сталкивается с такими ограничениями, как, например, туристская инфраструктура регионов, для которых создаются прогнозные модели.

В последнее время для анализа туристских потоков все чаще используются *большие данные (Big data)* [237; 244]. В качестве исходного материала могут выступать самые разные источники: бронирования в Airbnb, геометки в соцсети Twitter, данные сотовых операторов и т.д. Это позволяет дополнить данные традиционных источников статистики, однако возникает проблема сопоставления между собой различных методологий учета туристов. Кроме того, сырые массивы данных требуют тщательной обработки: очистки дубликатов, пустых значений, отсеивания явных ошибочных значений и т.д. По этой причине к большим данным стоит относиться настороженно.

В настоящее время в географии туризма Китая проводится достаточно много исследований, посвященных анализу пространственно-временного поведения туристов. При этом разные ученые создают собственные тематические направления, разрабатывая для них свой методический инструментарий [218; 245; 265]. Целый спектр исследований по изучению туристских потоков опирается на *анализ социальных сетей*. Анализ социальных сетей – это метод, который использует теорию сетей и графов [185]. В географии туризма социальные сети могут выразить структуру связей туристского потока между отдельными достопримечательностями [261].

Многие китайские ученые, использующие сетевое пространство для изучения характеристик пространственного распределения туристов, опираются на методы кластеризации. Например, в исследованиях [219; 265] была определена плотность туристского потока, для чего использовался *метод кластеризации плотности ядра*. В статье [235] с помощью сетевого метода проанализированы пространственно-временные характеристики поведения прибывающих туристов на полуостров Шаньдун (Китай). Во-первых, в исследовании разложены характеристики туристов с помощью алгоритма STL и дан прогноз тенденций въездных турпотоков на полуостров Шаньдун с помощью *модели временных рядов*. Во-вторых, это исследование предлагает метод HSI для извлечения популярных туристских достопримечательностей, предпочитаемых иностранными туристами.

Результаты исследования показали, что модель временных рядов может достаточно точно оценить величину турпотока.

Также следует отметить использование рядом зарубежных ученых для изучения географии турпотоков *графоаналитического метода*. Данный метод заключается в построении графа турпотоков между различными территориями (например, странами или регионами). В центре графа могут быть расположены точки с наибольшим весом (объемом турпотока), т. е. самые посещаемые страны, а по краям – с наименьшим весом, т. е. наименее посещаемые страны [260; 263]. Данный метод позволяет визуализировать большие массивы данных, однако изображения получаются перегруженными и сложными для восприятия.

И, наконец, в статье [260] предложен новый подход к решению проблемы прогнозирования туристского потока в общенациональном масштабе, опирающийся на ансамбль *графовых нейронных сетей*. Данная модель прогнозирования была протестирована в Испании. Задача прогнозирования турпотоков в данном случае связывается с прогнозированием связей, которые позволяют определить происхождение, назначение и актуальность будущих турпотоков. Чтобы решить эту задачу, была предложена структура, включающая различные графовые нейронные сети (GNN). Для обеспечения GNN туристской информацией использовался разнородный набор источников данных. Это, например, записи звонков (CDR), так и сообщения с географическими тегами из онлайн-социальной сети (OSN) Twitter, используемые для фиксации перемещения туристов. Также работа опиралась на открытый набор данных о мобильности людей, опубликованный Министерством транспорта Испании.

Глава 3. Основные черты географии туристских потоков в Европе в первые два десятилетия XXI века

3.1 Динамика въездного и внутреннего турпотока в странах Европы до начала пандемии COVID-19

С начала XXI столетия, и вплоть до объявления пандемии COVID-19 в 2020 году, наблюдался устойчивый, за исключением кратковременного периода в конце первого десятилетия XXI века, рост международного туристского потока в Европе. На рисунке 4 представлена *динамика въездного турпотока* в европейские страны за 2003–2021 годы. Для составления графика использованы данные прибытий (guests) гостиничной статистики из базы ЮНВТО по 45 странам Европы (полностью исключены Ватикан, частично признанные и непризнанные государства по причине отсутствия статистики за весь рассматриваемый период). По Албании и Андорре ввиду отсутствия гостиничной статистики за данный период использована пограничная статистика, исключены однодневные визиты.

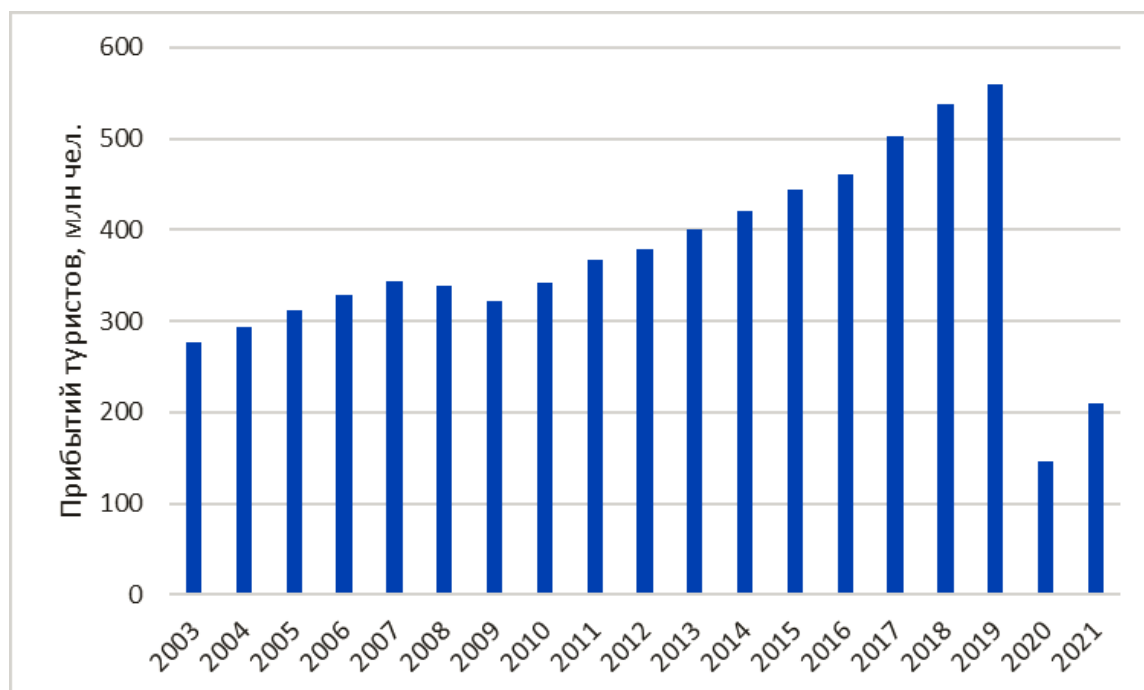

Рисунок 4 – Динамика въездного турпотока в страны Европы в 2003–2021 годах

В целом за период с начала XXI века и до объявления пандемии COVID-19 в 2020 году объем въездного турпотока в странах Европы вырос в два раза. Стабильный рост въездного турпотока в европейских странах был временно прерван в 2008–2009 годах по причине экономического кризиса. В 2020–2021 годы произошло резкое сокращение въездного турпотока вследствие пандемии COVID-19.

Динамика въездного турпотока в период между 2003 и до 2020 годами рассмотрена с помощью следующих показателей:

– доля прибытий в страну от общеевропейского числа прибытий. Этот показатель позволяет выявить удельный вес страны на европейском туристском рынке. Интерес представляет и изменение этой доли в различные периоды;

– индекс разнообразия въездного турпотока (ИРВТп). Этот показатель позволяет выявить диверсифицированность въездного турпотока, т.е. насколько рост обусловлен прибытиями из одной или нескольких ключевых стран;

– индекс соседского турпотока (ИСТп). Данный показатель отчасти является вспомогательным по отношению к предыдущему (ИРВТп). С помощью него можно определить степень зависимости страны от въездного турпотока из соседних стран;

– доля въездного турпотока в суммарном турпотоке (въездной и внутренней, без учета выездного). С помощью данного показателя можно определить степень зависимости страны от въезда туристов извне, ее встроенность в мировой туристский обмен.

В качестве ключевых с точки зрения динамики турпотока в Европе в течение первых двух десятилетий XXI века были выбраны следующие годы:

1) 2003 год. Этот год был принят за начальный в данном исследовании, т. к. начиная с него доступна статистика по въездному турпотоку в страну в разрезе по странам мира. Также он показателен в плане того, что в состав

Евросоюза еще не были приняты 8 постсоциалистических стран Европы, а также Мальта и Кипр;

2) 2007 год. Это последний год перед экономическим кризисом 2008–2009 годов, когда все страны Европы испытали сокращение или стагнацию въездного турпотока. Также он показателен в контексте расширения ЕС на восток (помимо вышеназванных, в 2007 году в ЕС вступили Болгария и Румыния) и более глубокого встраивания стран Восточной Европы в туристский обмен со старыми странами ЕС;

3) 2013 год. Последний год до украинско-российского геополитического кризиса, который привел к сокращению выезда россиян в страны дальнего зарубежья из-за падения курса рубля. Также данный год является промежуточным при анализе по временным периодам первых двух десятилетий XXI века: 6 лет после 2013 года и 6 лет до 2019 года.

4) 2019 год. Год, предшествующий пандемии COVID-19 (с весны 2020 года), которая привела к глобальному обвалу туризма и последующей адаптацией всей сферы туризма под постоянно меняющиеся санитарные ограничения. Этот год для большинства стран также отражает пик въездного туризма вследствие устойчивого роста после кризиса 2008–2009 годов.

Годы пандемии (2020–2022) требуют отдельного рассмотрения.

На рисунках 5–7 представлена динамика доли отдельных стран во въездном турпотоке Европы в 2003–2007, 2007–2013 и 2013–2019 годах. В первый период произошло сокращение доли большинства западноевропейских членов Евросоюза в пользу новых восточноевропейских. Эта тенденция заметна во всех выделенных периодах, однако в 2003–2007 годы она видна наиболее отчетливо.

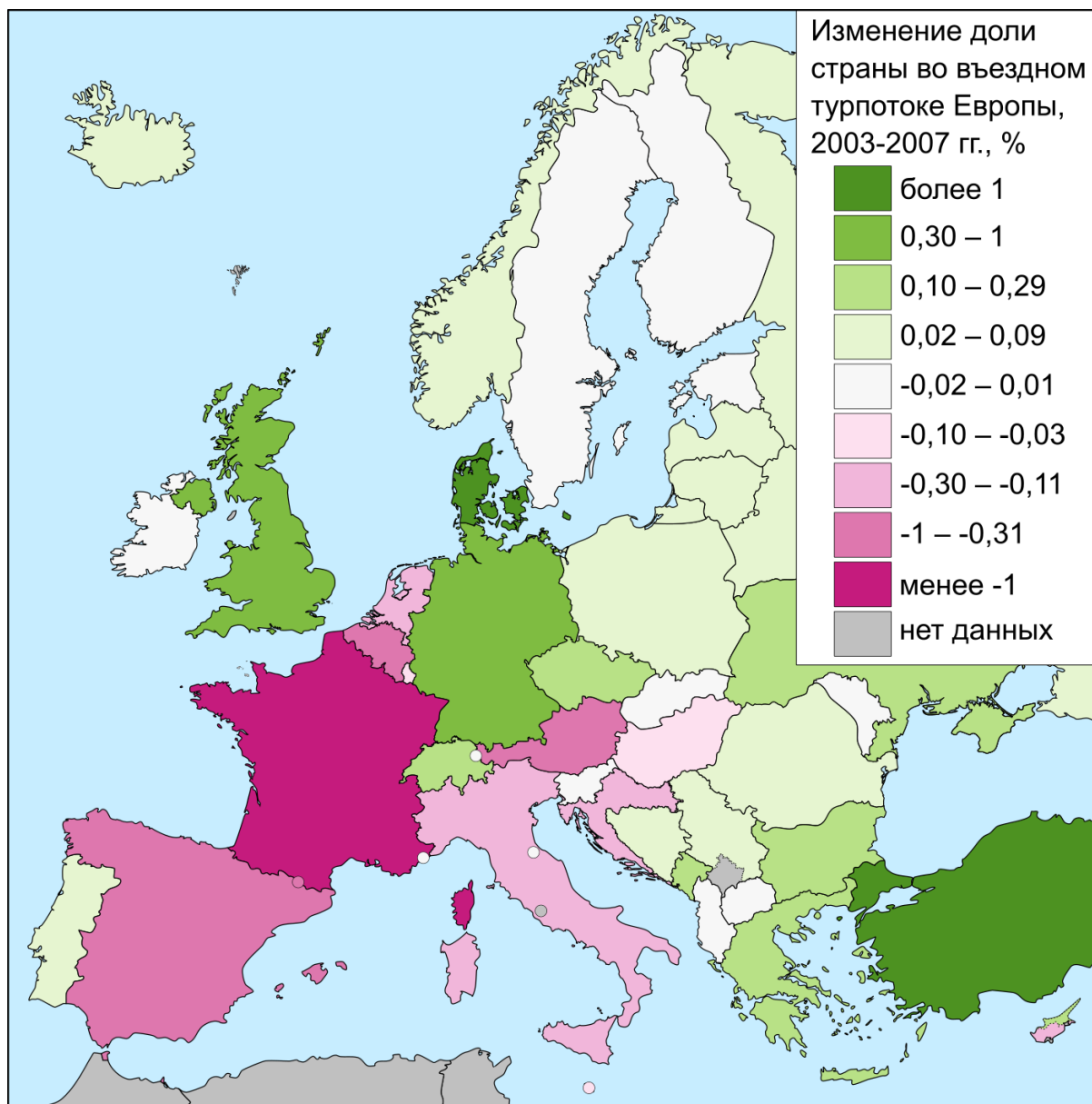

Рисунок 5 – Изменение доли отдельных стран во въездном турпотоке Европы в 2003–2007 гг.

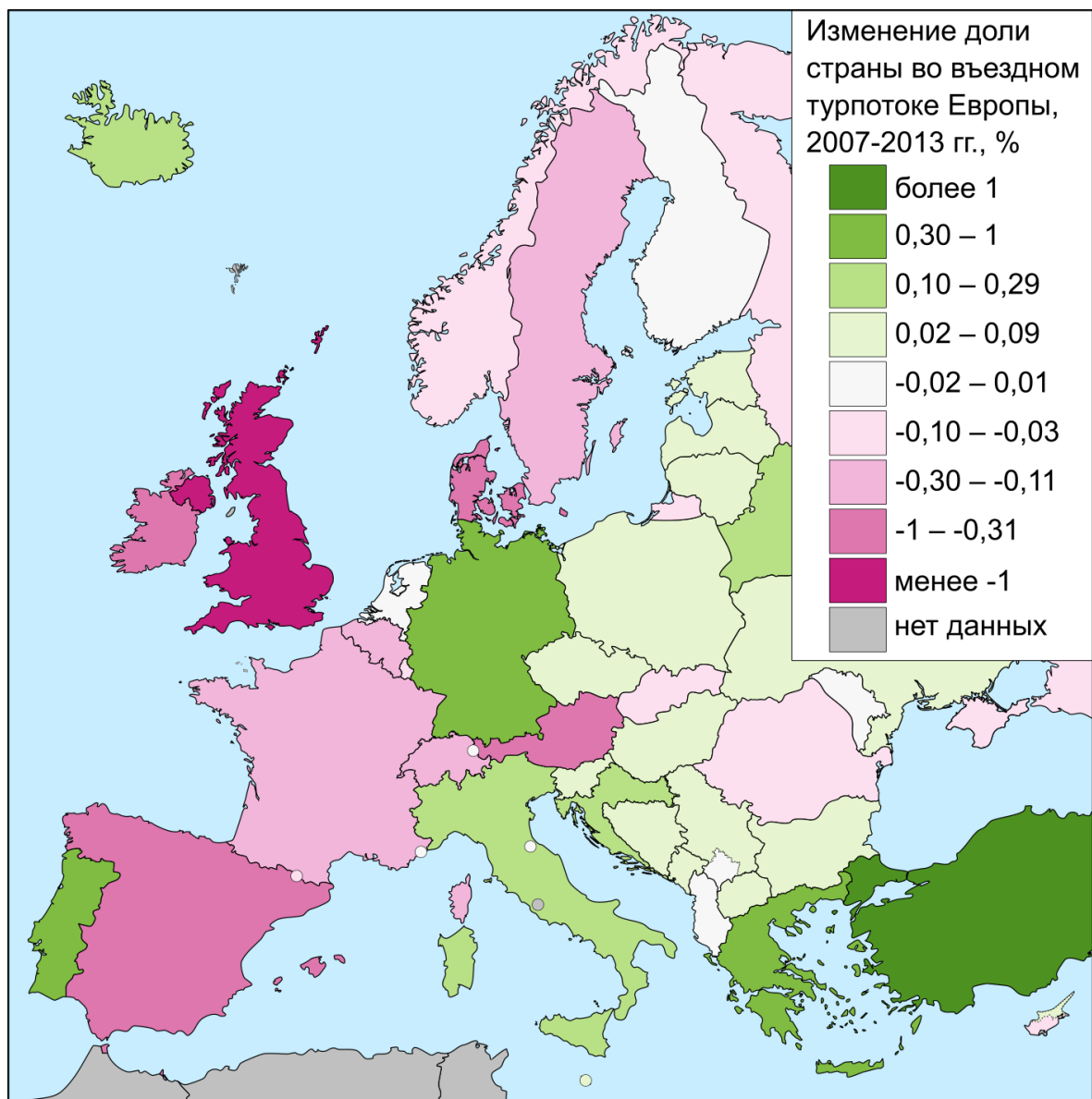

Рисунок 6 – Изменение доли отдельных стран во въездном турпоточе Европы в 2007–2013 гг.

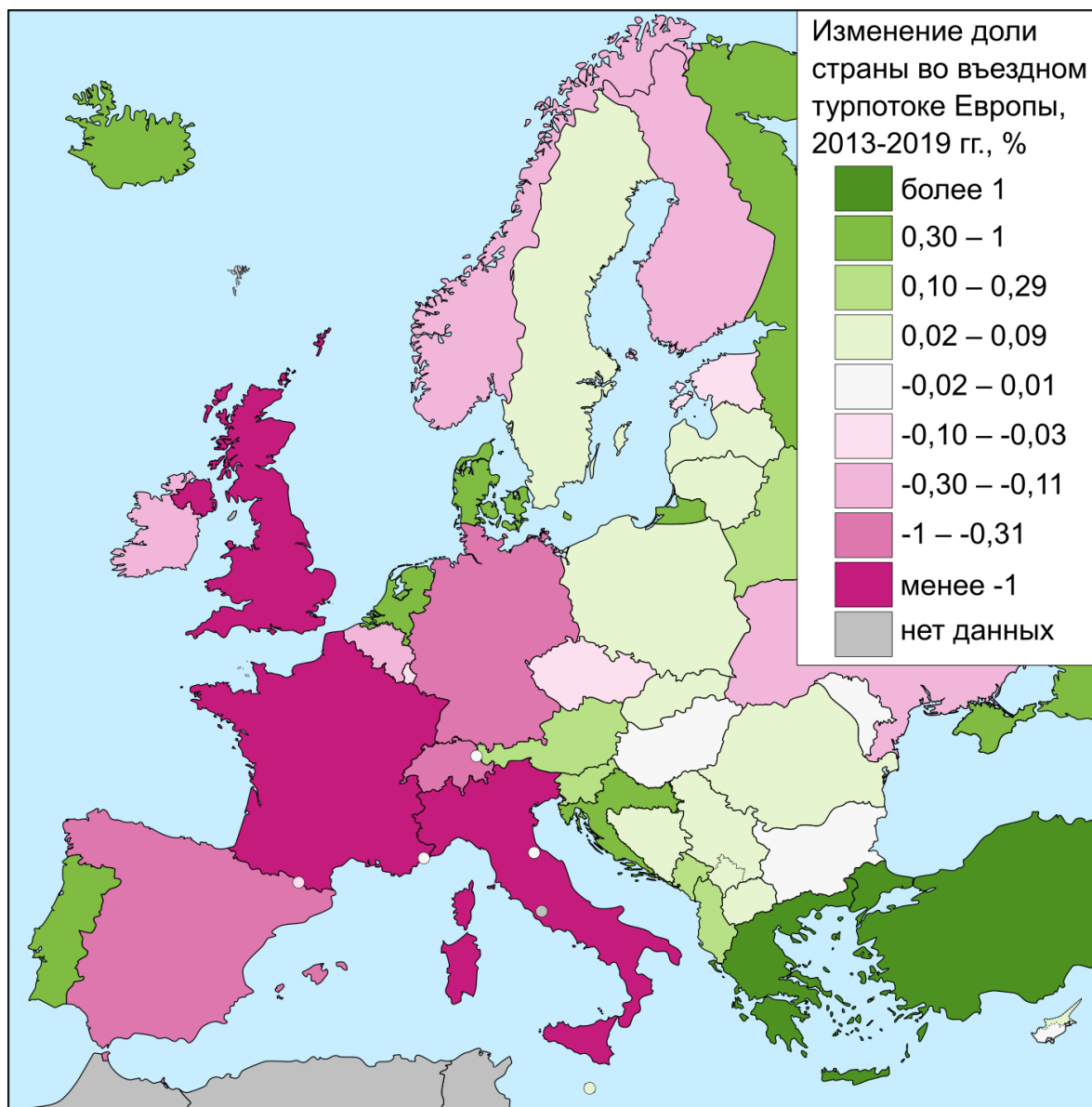

Рисунок 7 – Изменение доли отдельных стран во въездном турпоточе Европы в 2013–2019 гг.

На рисунке 8 показана доля отдельных стран во въездном турпоточе Европы за 2003–2019 годы. Карты позволяют увидеть медленный процесс перераспределения долей от старого западноевропейского ядра в пользу восточноевропейских стран и Турции.

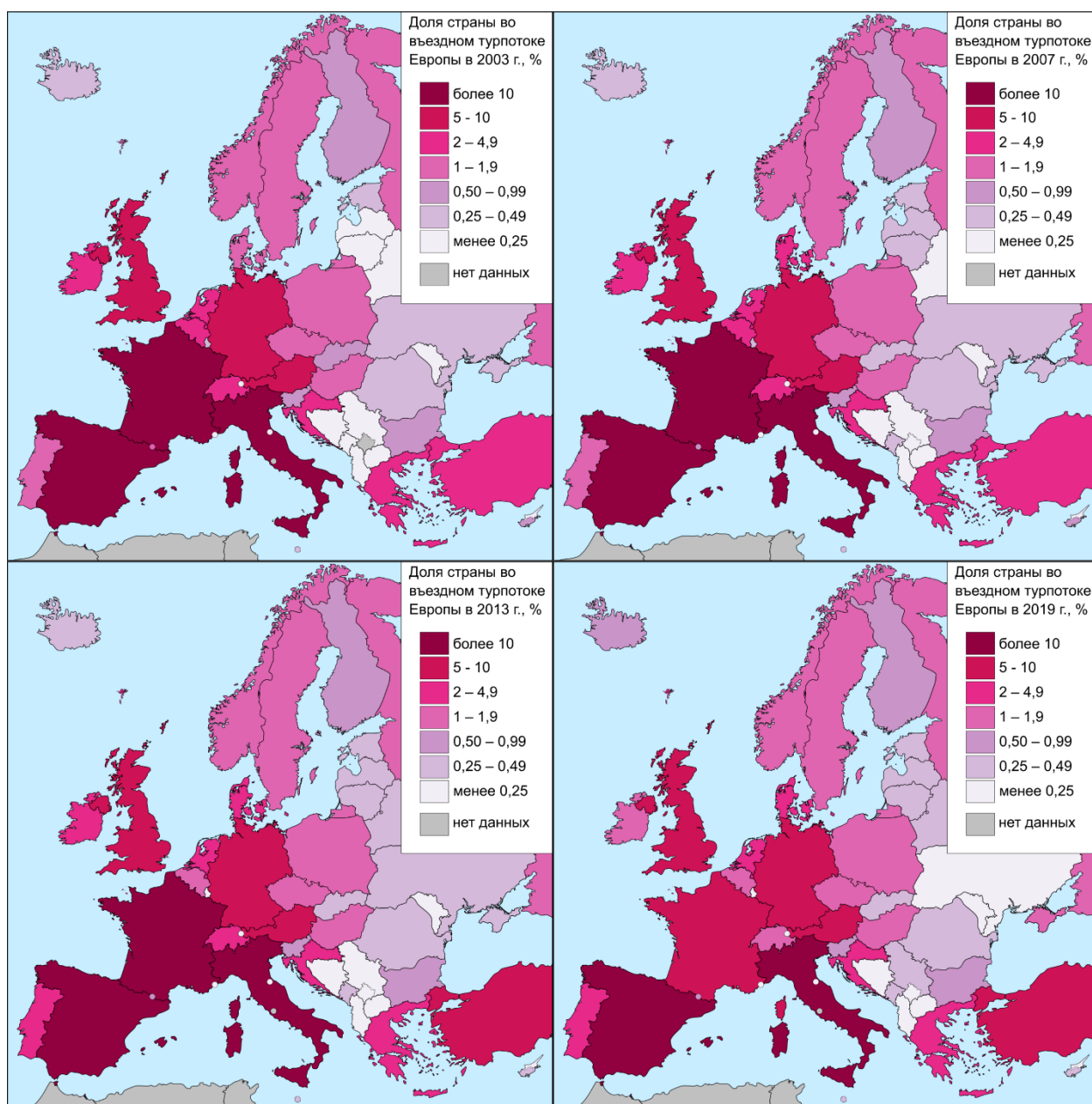

Рисунок 8 – Доля стран во въездном турпотоке Европы в 2003–2019 годы

На рисунке 9 показано *изменение индекса разнообразия въездного турпотока* (ИРВТп) в 2003–2019 годы. Тренд на рост разнообразия прослеживается в большинстве стран, однако со временем он затухает. Это связано с насыщением – при значениях индекса, близких к 1, разнообразие практически не растет. С другой стороны, в некоторых странах проявляется обратный тренд на снижение разнообразия. Например, в России после 2013 года это происходит по геополитическим причинам (внешнеполитический тренд на сближение с Китаем также привел к значительному росту числа

туристов из этой страны). В Молдавии же развитие въездного туризма с низкой базы происходило за счет соседних Украины и Румынии, что прямо повлияло на снижение ИРВТп.

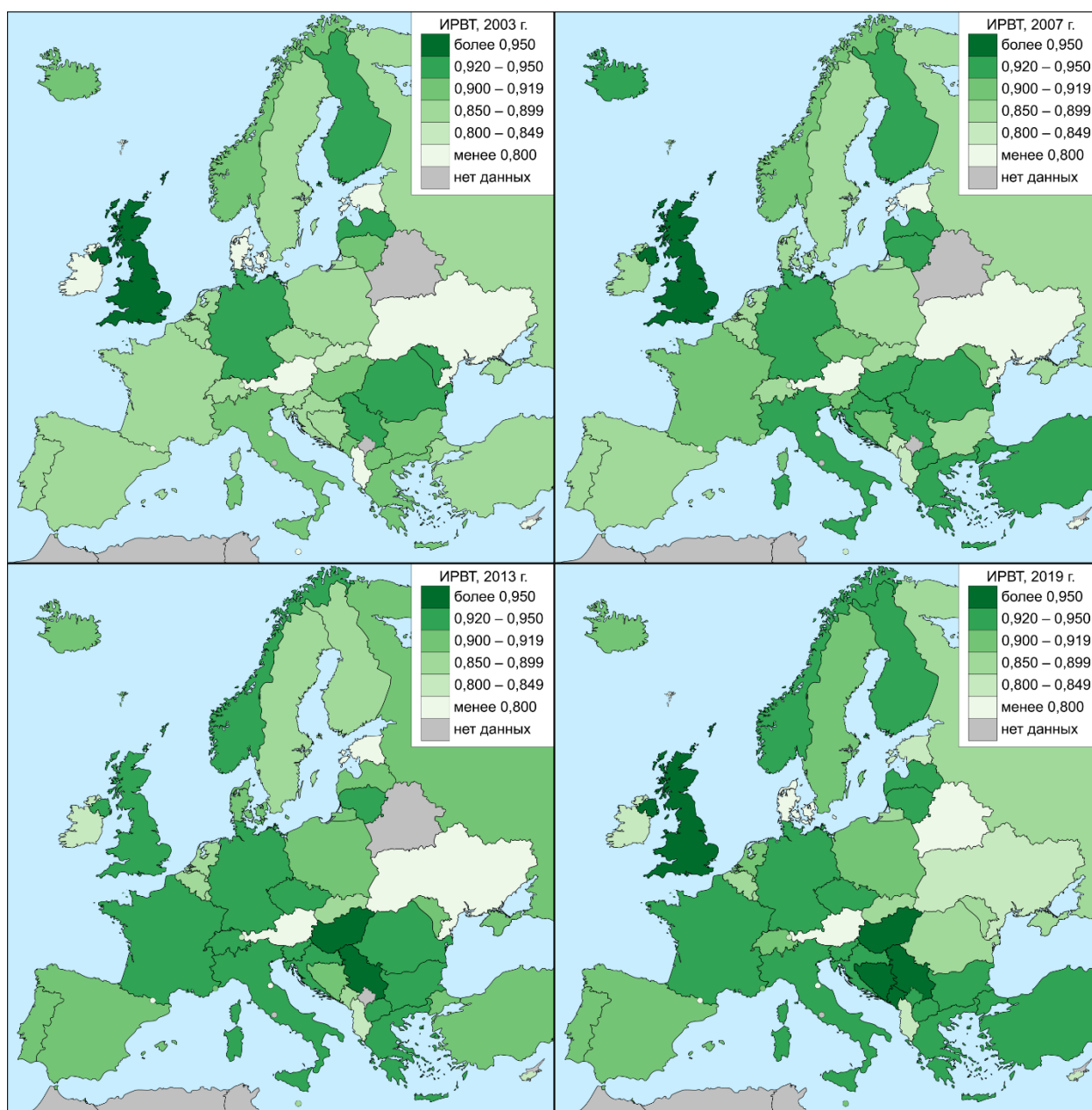

Рисунок 9 – Индекс разнообразия въездного турпотока в 2003–2019 годы

На рисунке 10 показано *изменение индекса соседского турпотока* в период с 2003 по 2019 годы. Данный индекс предложен автором для оценки степени зависимости въездного турпотока в конкретную страну от въездного турпотока из соседних стран. Индекс рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{ИСТ}_{\text{п}} = \frac{\sum \text{СТ}_{\text{п}}}{\sum \text{Т}_{\text{п}}},$$

где ИСТ_п — индекс соседского туристского потока, $\sum \text{СТ}_{\text{п}}$ — сумма въездного туристского потока из соседних стран, $\sum \text{Т}_{\text{п}}$ — суммарный въездной туристский поток в страну [66].

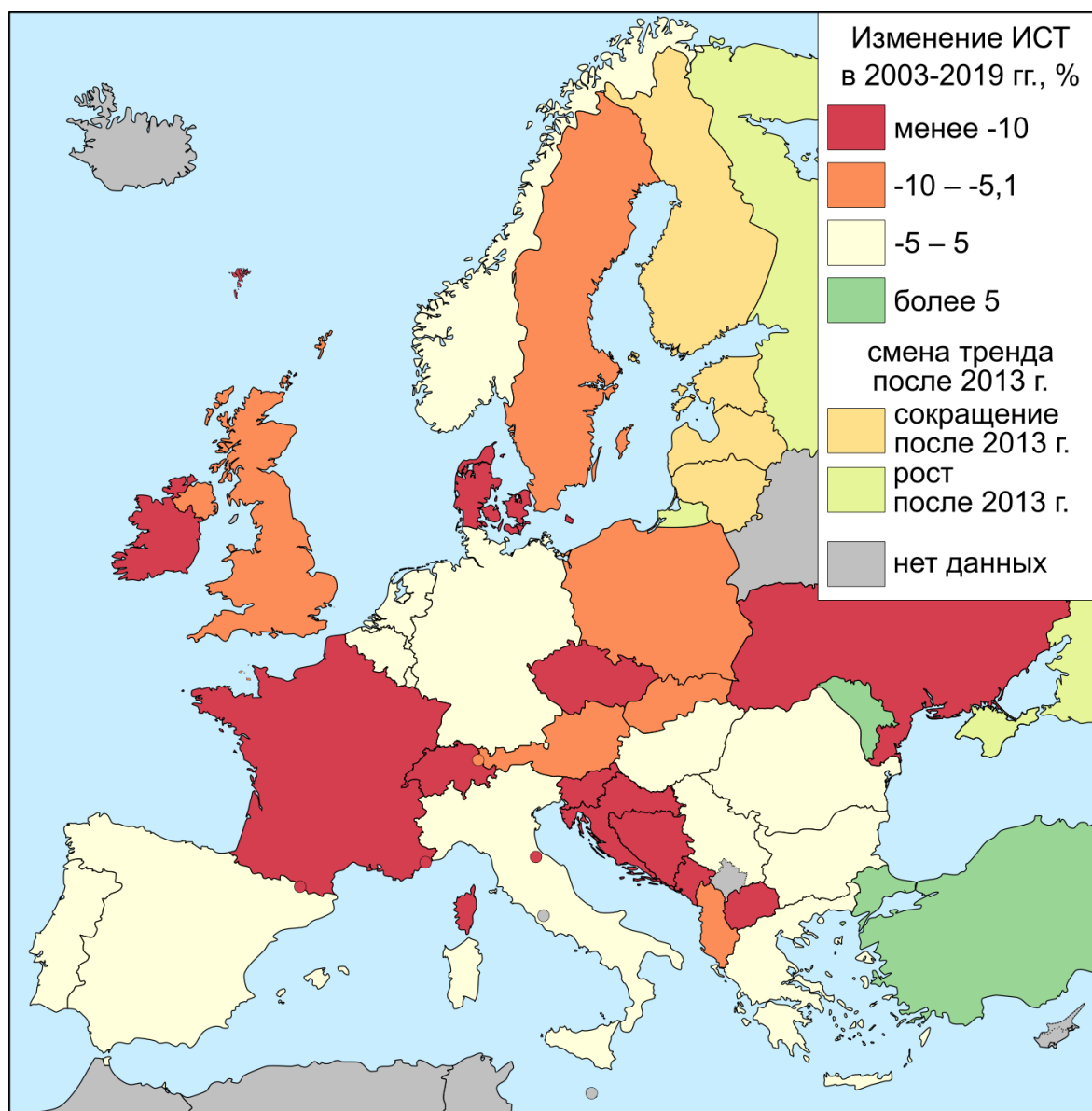

Рисунок 10 – Изменение индекса соседского турпотока в 2003–2019 годы

Динамика индекса соседского турпотока позволяет разделить страны Европы на 4 группы.

1. Страны со снижением ИСТ_п (в первую очередь, это Швейцария, Франция, Ирландия, Дания, Украина, Чехия, Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория и Северная Македония, во вторую очередь –

Великобритания, Швеция, Польша, Словакия, Австрия и Албания). В основном эти страны смогли привлечь туристов из более дальних стран и за счет этого расширить географию прибытий. Исключение – Украина, в которой снижение туристского потока привело также и к сокращению ИСТп (из-за резкого сокращения числа прибытий из России).

2. Страны со стабильным ИСТп (Испания, Португалия, Норвегия, Нидерланды, Бельгия, Германия, Италия, Венгрия, Румыния, Болгария, Сербия и Греция). В них соседский турпоток либо незначителен (например, в Греции), либо не является определяющим в развитии туризма.

3. Россия, страны Балтии и Финляндия. До 2014 года турпоток из России в эти страны Евросоюза рос, что привело в них к росту ИСТп. В России же ИСТп сокращался, так как быстрее рос турпоток из стран европейского дальнего зарубежья. С 2014 года тренд коренным образом изменился: в России начала сокращаться доля туристов из европейского дальнего зарубежья, замещалась она преимущественно китайскими туристами, что привело к росту ИСТп. В странах Балтии и Финляндии количество прибытий из России, равно как и их доля, начало заметно сокращаться, что привело также к сокращению ИСТп.

4. Турция и Молдавия – страны с одновременным ростом объема турпотока и индекса соседского турпотока.

На рисунке 11 показано *изменение доли въездного турпотока* в страны Европы в общей величине турпотока (т. е. включая внутренний) в 2003–2019 годы.

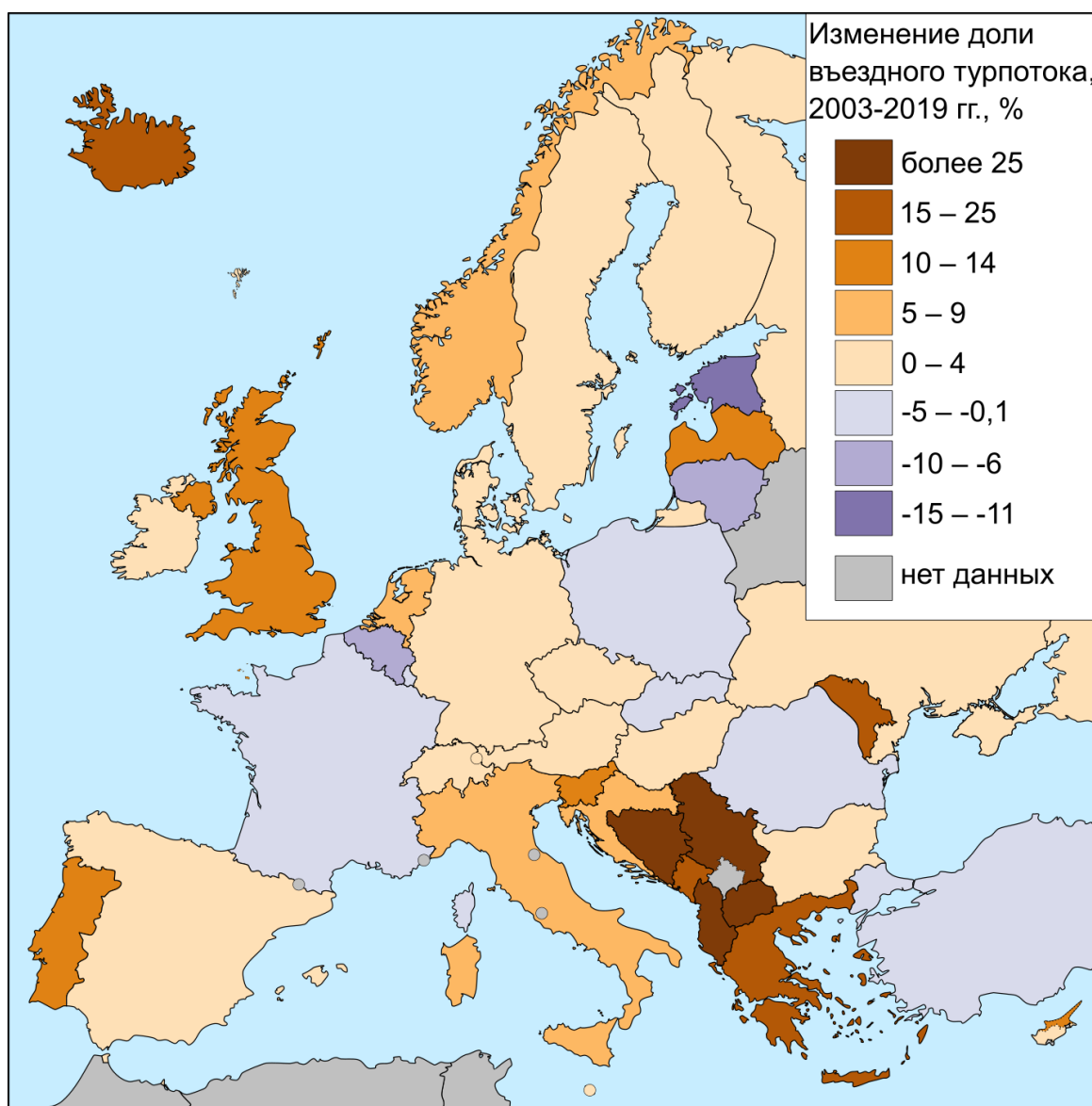

Рисунок 11 – Изменение доли въездного турпотока в 2003–2019 годы

В большинстве стран Европы произошел рост удельного веса въездного турпотока, так как въездной туризм обычно развивается быстрее (возможности внутреннего туризма ограничены численностью населения). Наиболее заметен рост в странах бывшей Югославии, в которых проявился восстановительный рост после войн 90-х годов XX века. Сокращение доли въездного турпотока наблюдалось в странах Балтии и Польше (из-за сокращения выезда из России). В Турции, Румынии и Франции сокращение произошло скорее по причине развития внутреннего туризма.

На рисунке 12 показано изменение доли отдельных стран во въездном турпоточе Европы в 2003–2019 годы. На карте четко выделяется юго-западная часть Европы (особенно Испания, Италия, Австрия, Франция, Великобритания) со снижающейся долей и восточная часть Европы (особенно Греция, Турция) с отдельными вкраплениями на ее севере (Дания) и юго-западе (Португалия) – с ростом доли. То есть в целом четко прослеживается в период с 2003 по 2019 годы сдвиг международных турпотоков с западной в восточную часть Европы.

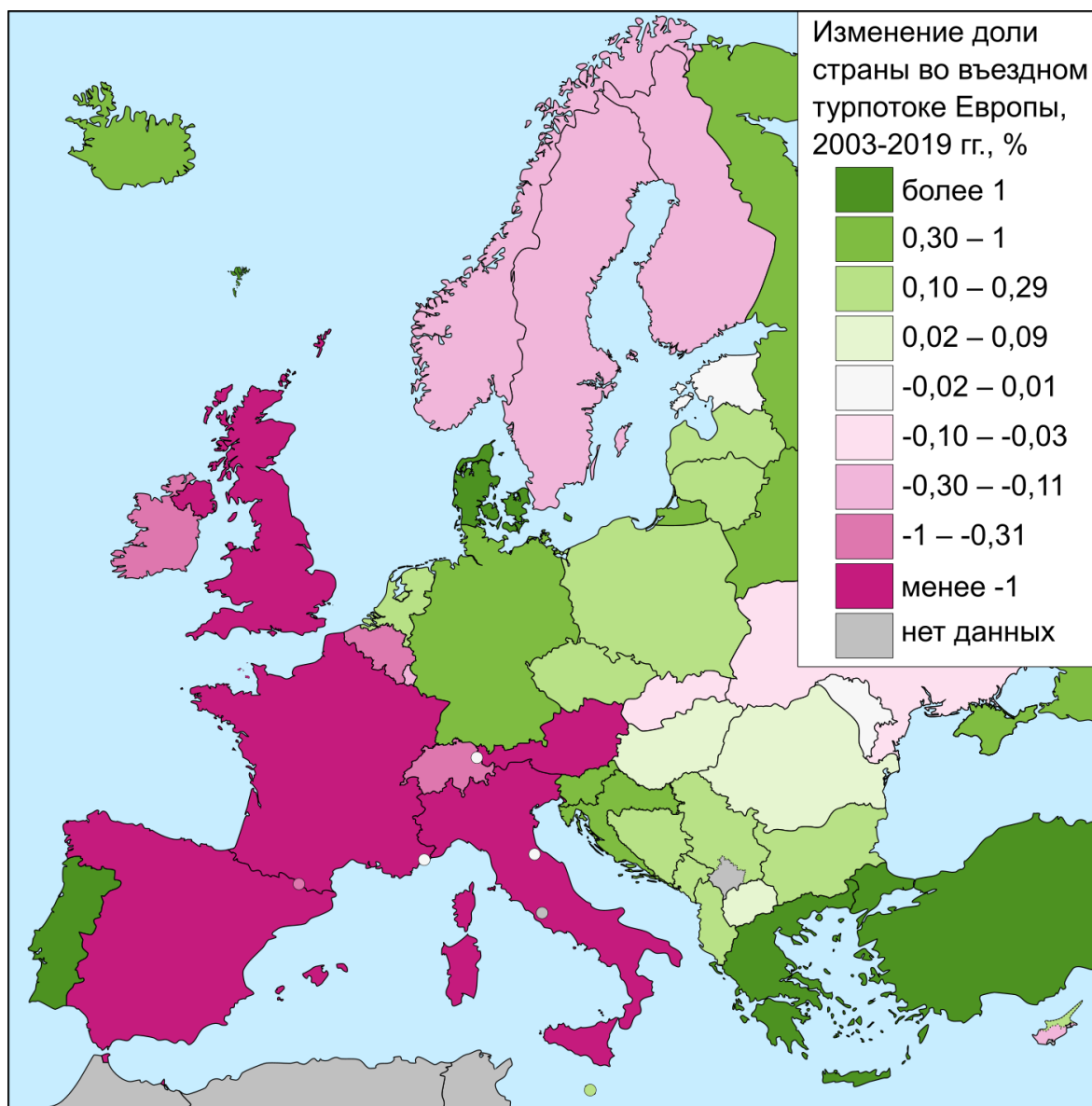

Рисунок 12 – Изменение доли отдельных стран во въездном турпоточе Европы в 2003–2019 годы

На диаграмме (рис. 13) представлена *динамика внутреннего турпотока* в 2003–2021 годы. Для составления графика использованы данные прибытий (guests) гостиничной статистики из базы ЮНВТО по 42 странам Европы (исключены Андорра, Мальта и Сан-Марино – по ним нет статистики). За 2003–2006 годы также нет данных по Черногории (страна отделилась от Сербии в 2007 году), за 2003–2014 годы нет данных по Монако, однако на общую сумму это практически не влияет ввиду незначительной численности населения этих стран.

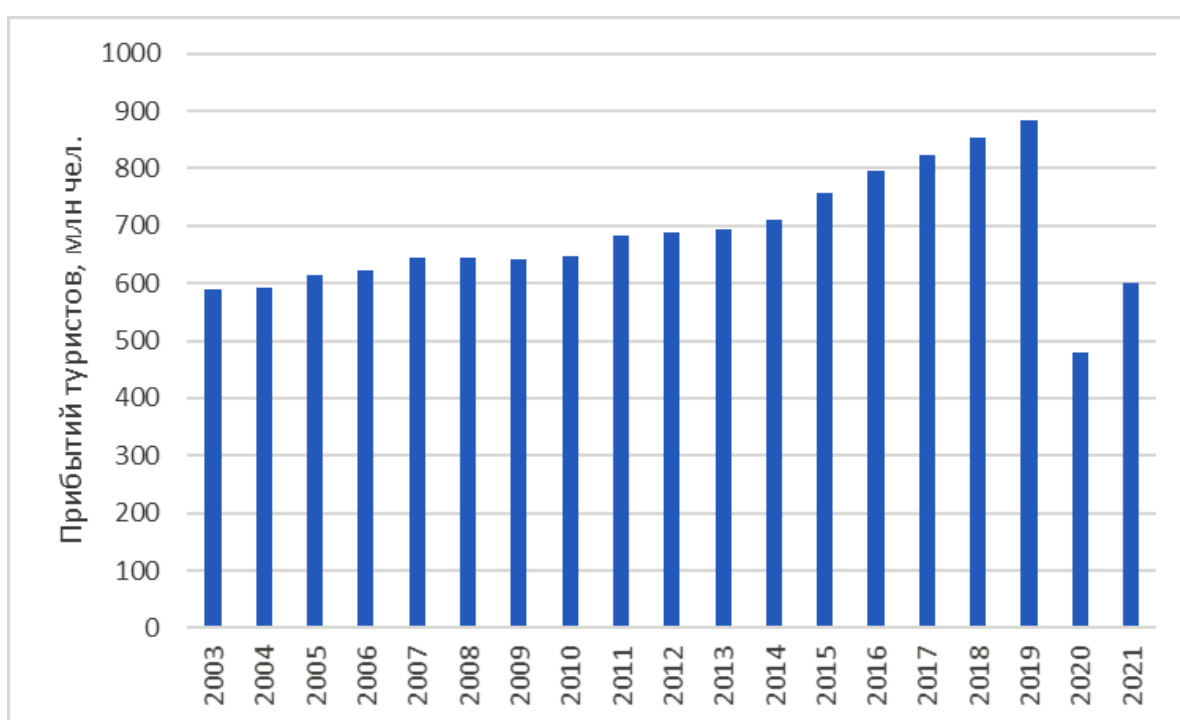

Рисунок 13 – Динамика внутреннего турпотока в странах Европы в 2003–2021 годы

В целом за период с 2003 по 2019 годы объем внутреннего турпотока в странах Европы вырос в 1,5 раза. Нужно отметить, что внутренний турпоток в этот период проявлял большую устойчивость, чем въездной турпоток. Например, во время кризиса 2008–2009 годов он незначительно сократился только в 2009 году. Заметный рост внутреннего турпотока начался с 2015 года,

при этом он рос вместе с въездным турпоток, что говорит о мощном росте туристической индустрии в целом.

Душевой объем внутреннего турпотока в стране зависит прежде всего от душевого ВВП (при условии, что страна не является микросообществом). В богатых странах граждане чаще совершают поездки по своей стране, чем в бедных. Это иллюстрируют графики корреляции на рисунке 14. Они составлены по данным 2003 и 2019 годов (исключены Люксембург, Лихтенштейн и Монако, так как они приводят к сильному искажению результатов). Значение корреляции в 2003 году составило 0,86, а в 2019 году – 0,87, что говорит об очень высокой взаимозависимости показателей.

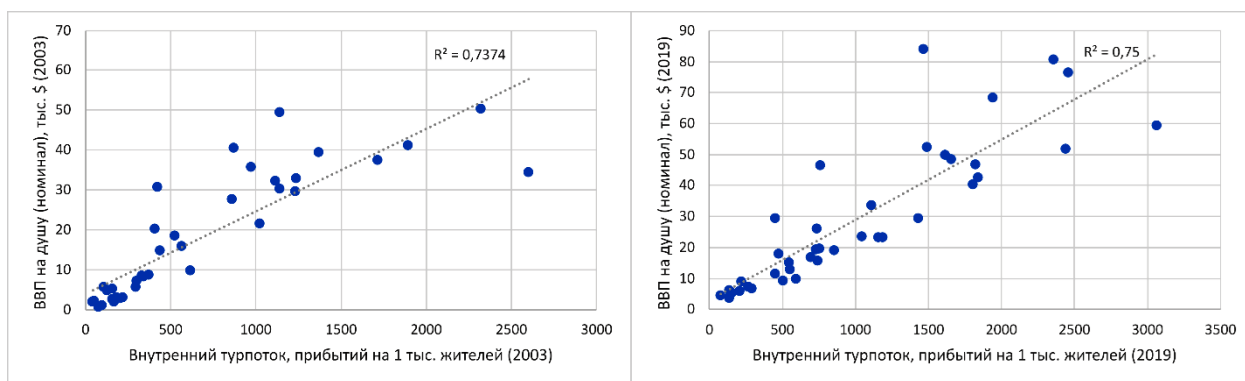

Рисунок 14 – Зависимость душевого объема внутреннего турпотока и душевого ВВП (номинал) в 2003 и 2019 годах

На рисунке 15 представлена динамика внутреннего турпотока (в пересчете на 1000 жителей) в 2003–2019 годах. На этих картах также заметен медленный «сдвиг на восток», связанный с увеличением доходов в странах Восточной Европы, которые вступили в Евросоюз. Отдельно стоит упомянуть Великобританию, в которой произошло сокращение внутреннего турпотока после 2007 года вследствие стагнации экономики.

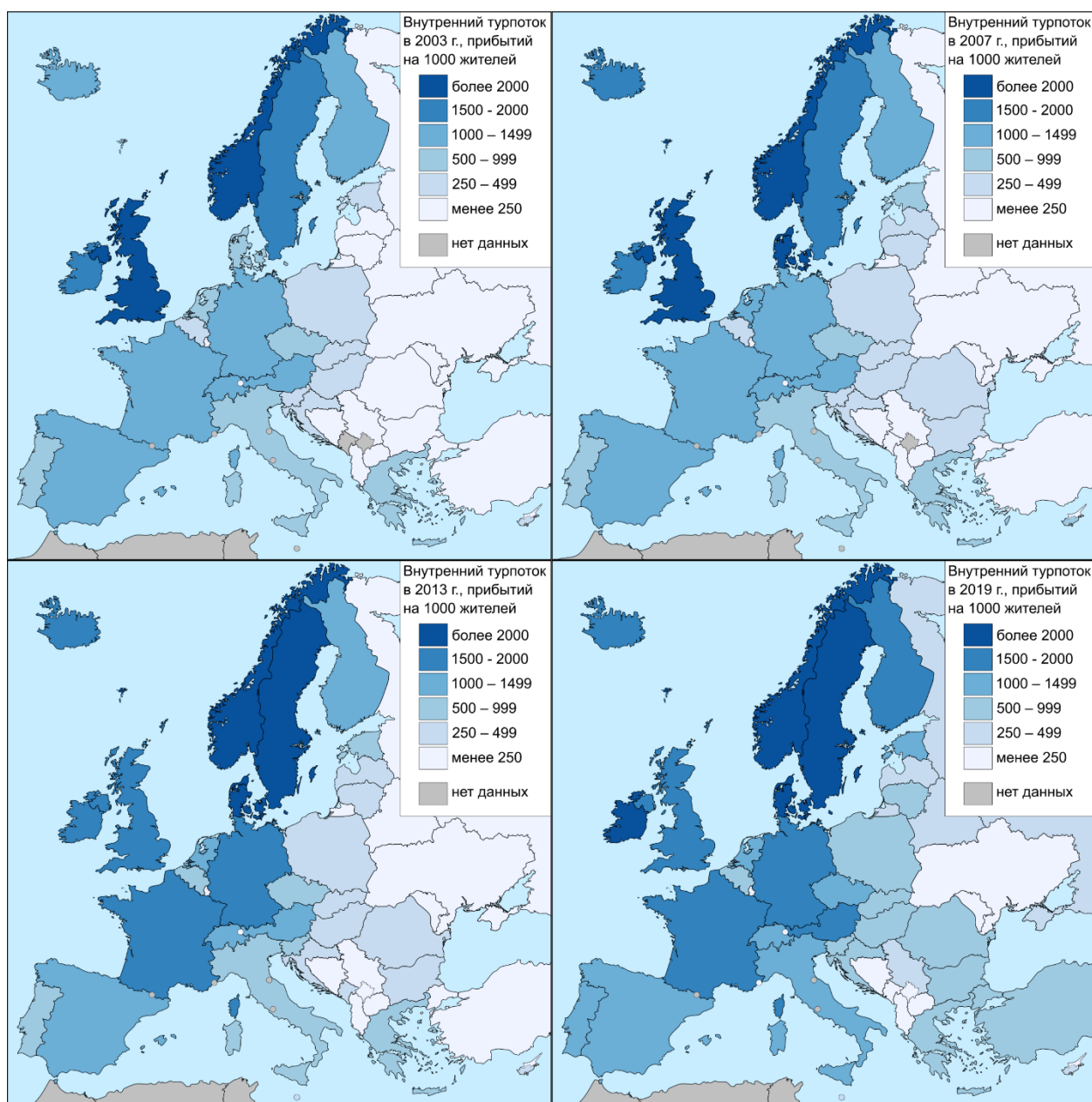

Рисунок 15 – Динамика внутреннего турпотока (в пересчете на 1000 жителей) в 2003–2019 годы

На рисунке 16 показана *доля внутреннего турпотока* в суммарном (въездной и внутренний) в странах Европы в 2003–2019 годы. В период с 2003 по 2019 годы сокращение доли внутреннего турпотока в его общем объеме произошло в Германии, Нидерландах, Великобритании, Исландии, Норвегии, Сербии, Албании, Северной Македонии, Греции, Португалии, Испании, Молдавии, Латвии и Республике Беларусь. Небольшой рост доли внутреннего

турпотока произошел в интервале с 2013 по 2019 годов в Турции, Франции, Румынии, Чехии, Словакии, Эстонии и Литве.

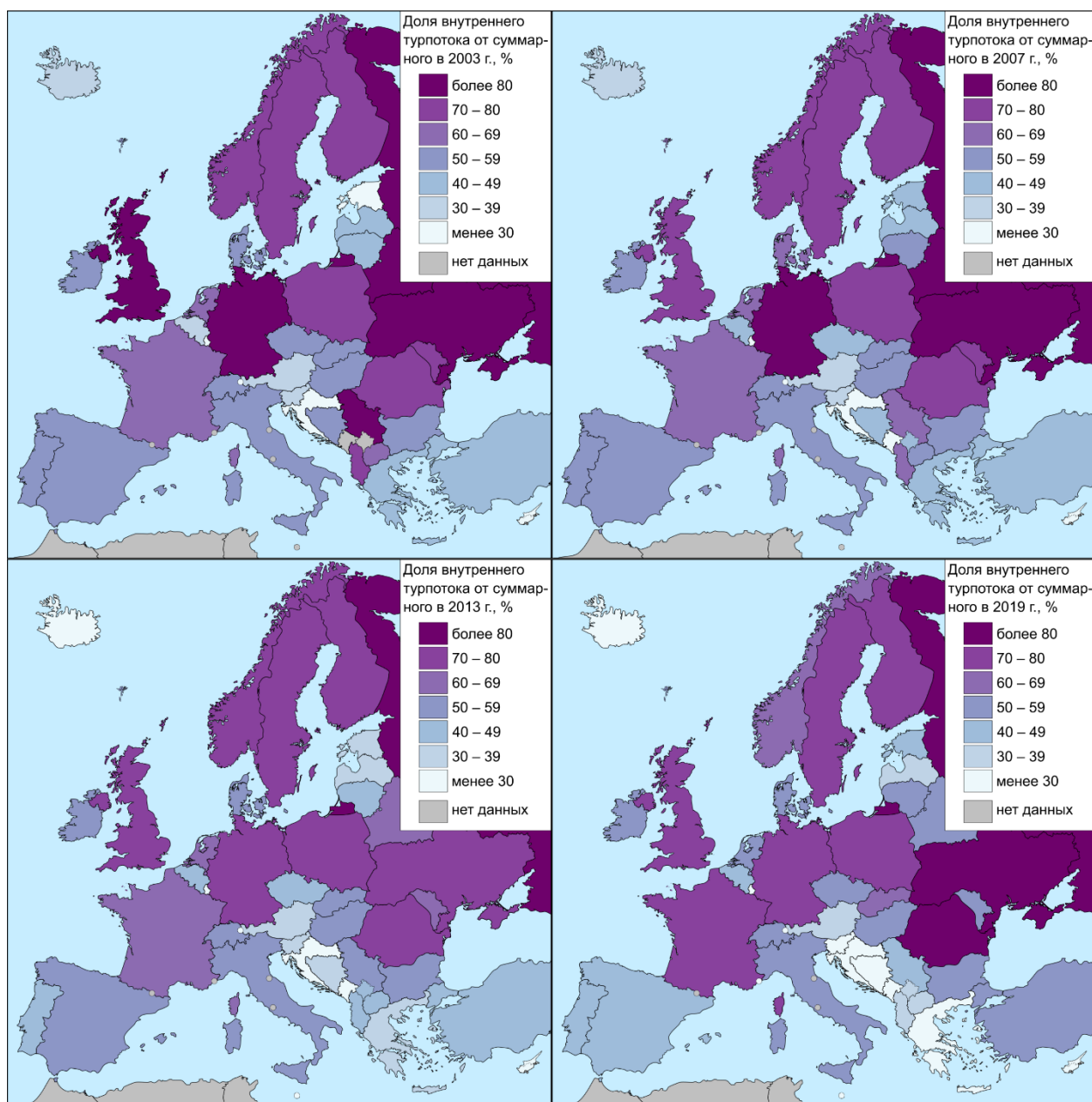

Рисунок 16 – Доля внутреннего турпотока в суммарном (въездной и внутренний) в странах Европы в 2003–2019 годы

Сокращение доли внутреннего турпотока сигнализирует о более глубокой интеграции страны в международный туристский рынок (в большинстве обозначенных стран), в то время как увеличение или стагнация говорит либо о возникновении препятствий для въездного туризма (в небольших странах), либо о сохраняющемся высоком спросе на отдых внутри

страны (в государствах с высокой численностью населения и относительно большой территорией).

В целом в период с 2003 по 2019 годы в европейских странах при двукратном росте международного туристского обмена произошел заметный сдвиг въездного турпотока в восточную часть Европы, особенно в постсоциалистические страны, вошедшие в Евросоюз, а также в Турцию. Также в этот период в большинстве стран Европы прослеживался тренд на рост разнообразия въездного туристского потока, однако со временем он стал затухать из-за приближения к максимально возможной степени разнообразия турпотока. Примерно в половине государств Европы снизилась доля турпотока из соседних стран, в нескольких странах – выросла, в остальных случаях соседский турпоток сохранял стабильный удельный вес в общем объеме въездного турпотока. При этом в большинстве европейских стран обозначилось падение в общей величине туристского потока доли внутреннего турпотока, объем которого вырос только в полтора раза.

3.2 Динамика въездного и суммарного турпотока в европейских странах на региональном уровне

Для анализа региональной динамики турпотоков собрана статистика по 427 регионам Европы с 2003 по 2021 годы. В качестве основы административно-территориального деления (АТД) взято NUTS 2 – наиболее низкий уровень АТД, для которого доступна статистика прибытий за весь период. Однако для некоторых стран взято иное АТД:

- Албания, Молдавия, Босния и Герцеговина, Сан-Марино, Монако и Андорра отсутствуют в сетке АТД NUTS 2, поэтому страны взяты целиком;
- Великобритания – АТД дается по NUTS 1, т.к. по NUTS 2 нет данных по всем годам;

– Финляндия, Эстония, Латвия и Литва – АТД дается по NUTS 3, т.к. имеется национальная статистика по данному уровню, а единицы NUTS 2 слишком крупные;

– Россия, Беларусь и Украина отсутствуют в сетке АТД NUTS 2, поэтому взяты сопоставимые АТЕ: области и субъекты федерации. До 2014 года Крым и Севастополь были в составе Украины, поэтому внутренним турпотокom считался украинский, с 2014 года учитывается как российский;

– зависимые территории: отдельно учтены Фарерские острова (не имеют статистики внутреннего турпотока), британские Нормандские острова (два британских владения, Джерси и Гернси, объединены в одну единицу по причине соседского положения и небольших размеров) и остров Мэн – эти владения не учитываются в национальной статистике Дании и Великобритании. Также учтены испанские города в Африке Сеута и Мелилья и архипелаги Макаронезии, принадлежащие Португалии и Испании (они учтены в статистике турпотоков соответствующих стран). Не учтены французские заморские владения, т.к. они слишком удалены от Европы, однако они и не учитываются в национальной статистике турпотоков Франции (хотя некоторые из них входят в сетку NUTS). Также не учтены британские Гибралтар (нет сопоставимой гостиничной статистики) и военные базы Акروتيري и Декелия на Кипре;

– частично признанные и непризнанные государства: Северный Кипр (Турецкая Республика Северного Кипра) и Косово также учтены как отдельные регионы ввиду де-факто независимого положения и наличия сопоставимой статистики на весь период (Косово – кроме 2003 года). Не учтены Приднестровская Молдавская Республика и появившиеся в 2014 году Луганская и Донецкая народные республики по причине отсутствия сопоставимой гостиничной статистики.

На рисунке 17 показана доля въездного турпотока по регионам европейских стран в 2003 году.

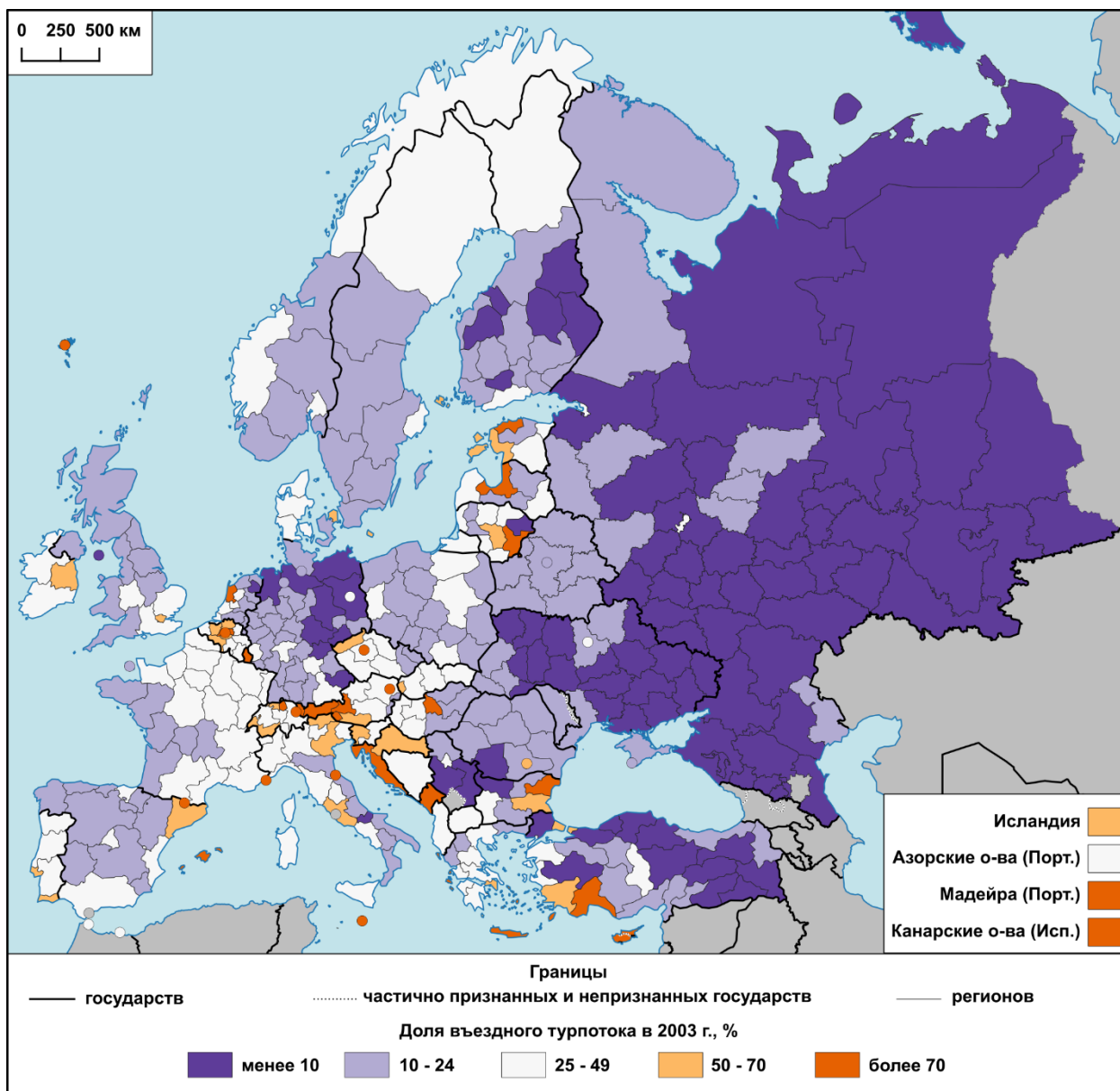

Рисунок 17 – Доля въездного турпотока в регионах стран Европы в 2003 году

Наибольшая концентрация регионов, специализирующихся на въездном туризме, наблюдается в Восточном Средиземноморье и Эгейском море (Анталья, входящая в число лидирующих по количеству прибытий регионов, Кипр, Крит и греческие Спорады), Восточной Адриатике, восточной части Альп. Также выделяется несколько «поясов» столиц, которые специализируются на въездном туризме: столицы Бенилюкса, Балтии и шести стран бывшей Австро-Венгрии, что говорит о значимом трансграничном обмене туристами между ними. Наименее зависимы от въездного турпотока большая часть, Украины, Турции, восточная Германия (бывшая ГДР) и

европейская часть России. Наиболее населенные страны Западной Европы: Великобритания, Франция, Германия, Италия и Испания, за исключением отдельных регионов, менее зависят от въездного турпотока благодаря значительному внутреннему.

На рисунке 18 показана доля въездного турпотока в регионах европейских стран в 2019 году.

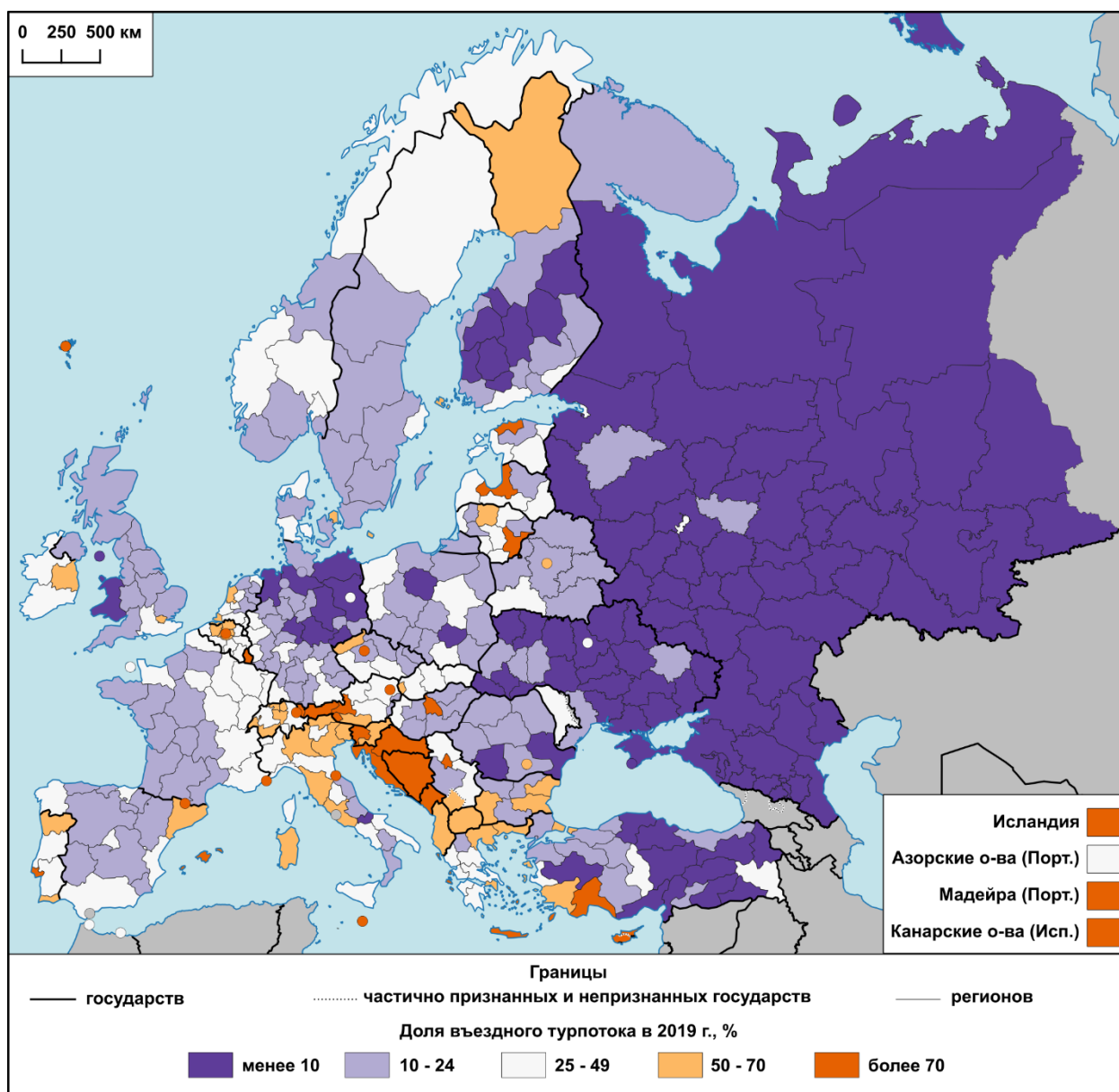

Рисунок 18 – Доля въездного турпотока в регионах стран Европы в 2019 году

Район специализации на въездном туризме в Восточной Адриатике расширился: в 2019 году он включал в себя большую часть бывшей Югославии, а также Албанию и северо-восток Италии. С севера к нему

примыкает часть Швейцарии и Австрии, и Лихтенштейн между ними, с юго-запада – Центральная Италия, а с юго-востока – северо-восточная часть Греции. Остальные районы въездного туризма практически не изменились. На севере Европы усилила специализацию на въездном туризме финская Лапландия. В России наблюдался обратный процесс: из регионов с относительно значимым въездным турпотокom в европейской части страны остались только Москва, Санкт-Петербург, Мурманская, Новгородская, Владимирская и Калининградская области.

На рисунке 19 показано изменение доли въездного турпотока в регионах европейских стран в 2003–2019 годах.

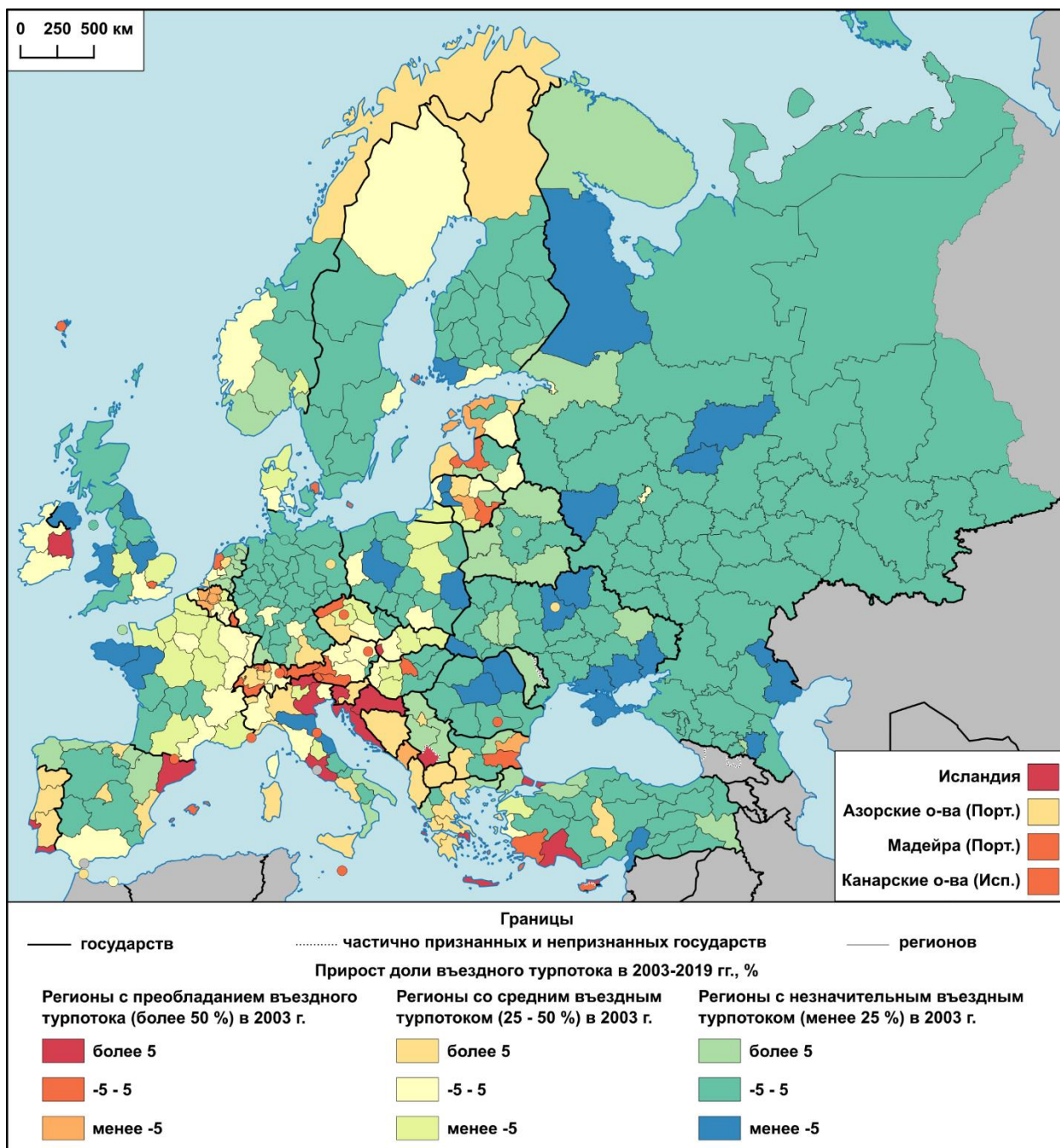

Рисунок 19 – Изменение доли въездного турпотока в регионах стран Европы в 2003–2019 годах

На рисунке 20 показана доля регионов в суммарном турпотоке Европы в 2003 году.

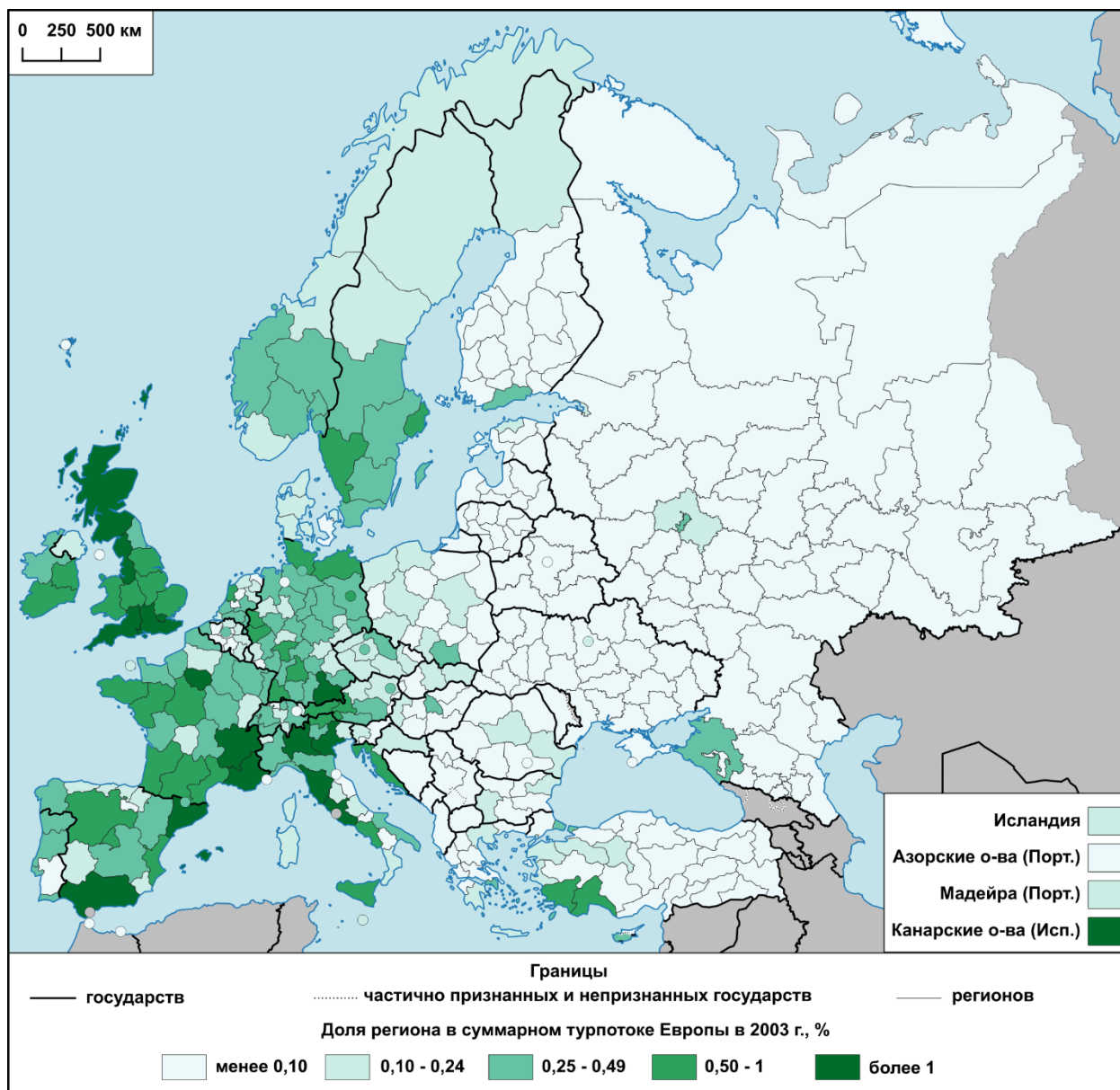

Рисунок 20 – Доля регионов в суммарном турпотоке Европы в 2003 году

Наибольшая концентрация регионов с высоким турпотоком приходится на северо-западную часть Средиземноморья, где сочетаются богатое историко-культурное наследие и песчаные пляжи теплого моря. Этот район сформировался достаточно давно и является главным ядром европейского туризма. Второе место концентрации туристов – остров Великобритания, где выделяются два ключевых района: Южная Англия и Шотландия.

В постсоциалистических странах есть два похожих на северо-западную часть Средиземноморья региона, сопоставимых по объему турпотока – адриатическое побережье Хорватии и уступающий ему относительно более

холодный Краснодарский край. Центры притяжения туристов сосредоточены в отдельных очагах, обычно в столицах. Среди регионов с относительно значимым турпотоком можно выделить несколько курортных приморских (черноморское побережье Румынии и Болгарии, балтийское побережье Польши) и центров горнолыжного туризма, который сочетается с культурно-познавательным (Малопольское воеводство Польши, Трансильвания, северо-восток Чехии, словацкие Татры).

На рисунке 21 показана доля регионов в суммарном турпотоке Европы в 2019 году.

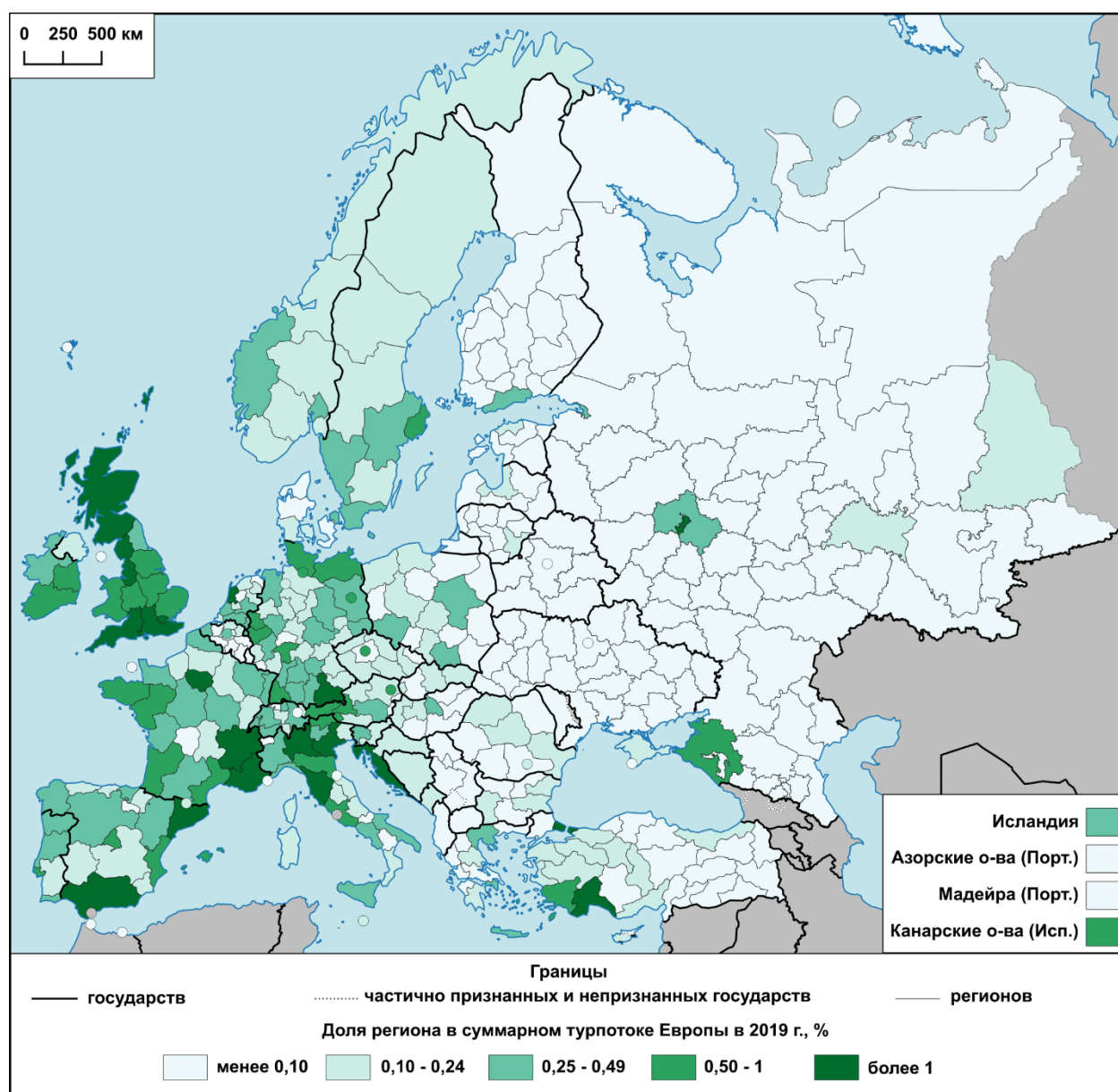

Рисунок 21 – Доля регионов в суммарном турпотоке Европы в 2019 году

По сравнению с 2003 годом, значительное количество западноевропейских регионов снизили свою долю в пользу восточноевропейских, что говорит об опережающих темпах роста турпотока в последних и общем снижении концентрации турпотока в Европе. Хотя прежние ведущие центры туризма сохранили свое влияние, появилось несколько новых и произошли некоторые структурные изменения среди старых. Ключевых изменений два:

1) увеличение доли греческих и турецких курортных регионов благодаря более дешевому отдыху;

2) увеличение доли Краснодарского края и Крыма, связанное с удорожанием отдыха за рубежом для российских туристов. Также в России проявились на общем фоне ещё два региона: Татарстан и Свердловская область;

3) увеличение доли Исландии. Исландия – страна с уникальными ландшафтами, отличающаяся хорошей транспортной доступностью и ставшая особенно популярной у туристов из Китая и США;

4) увеличение доли в некурортных регионах Турции за счет внутреннего турпотока, которое произошло, скорее всего, по причине роста доходов граждан этой сравнительно небогатой, но густонаселенной страны.

Примечательно, что в западноевропейских регионах доля заметно сокращается в основном в периферийных районах, а в восточноевропейских растет в наиболее значимых центрах туризма.

На рисунке 22 показана динамика суммарного турпотока в 2003–2019 годах, т.е. общий прирост турпотока в данный период.

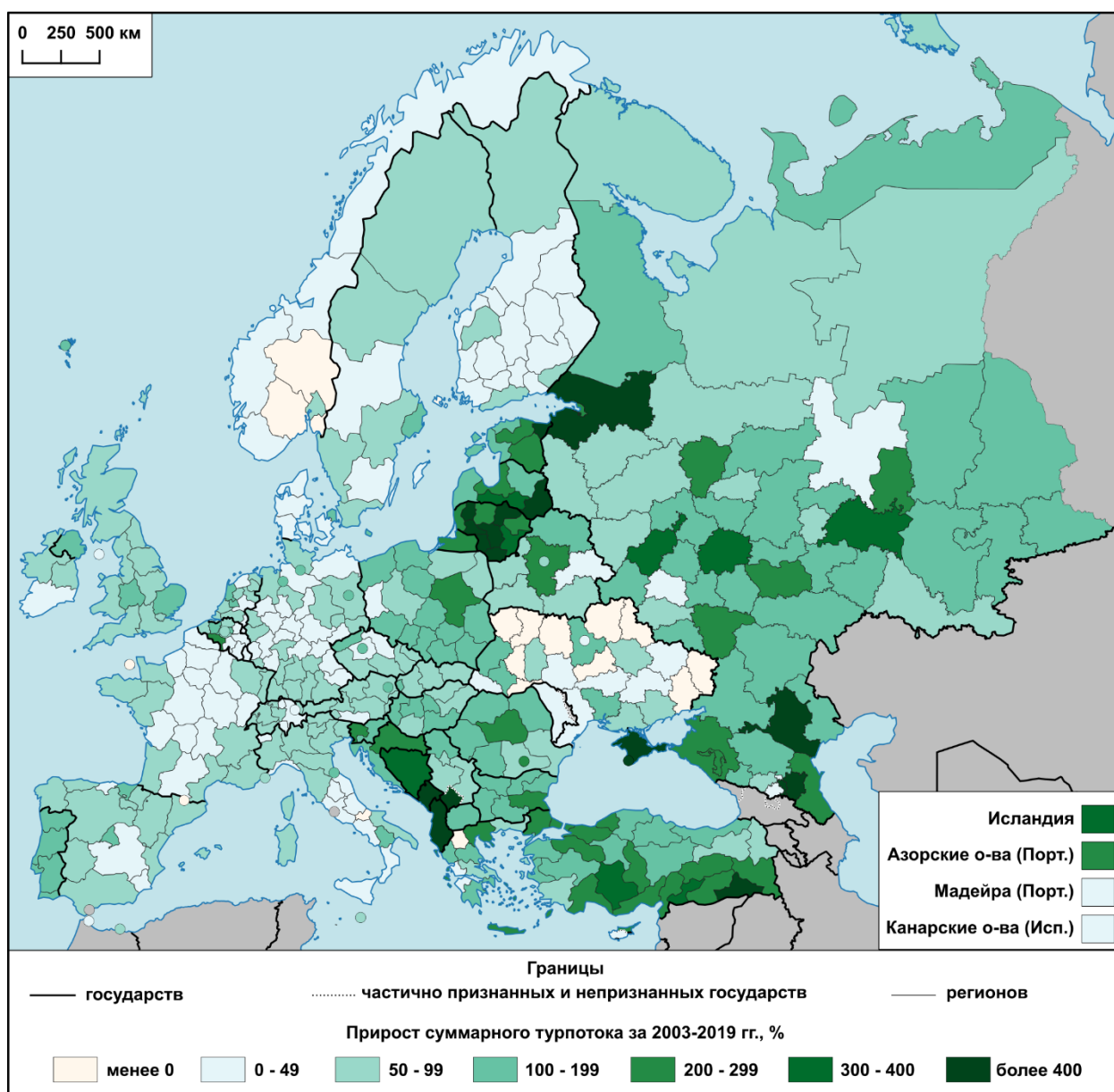

Рисунок 22 – Прирост суммарного турпотока в регионах стран Европы в 2003–2019 годах

По данному критерию можно выделить пять групп регионов.

1. Депрессивные регионы (со спадом турпотока), к которым относится значительная часть областей Украины, в которые стало ездить значительно меньше россиян, особенно Луганская и Донецкая области, в которых велись боевые действия и над старыми административными центрами которых был утрачен контроль со стороны Украины. Некоторые области, имеющие высокий потенциал для роста туризма (Харьковская, Днепропетровская, Одесская, Закарпатская) не смогли в полной мере его реализовать ввиду общей

стагнации экономики, геополитических рисков туризма и, соответственно, отсутствия значимых инвестиций в эту сферу. Также в этой группе единичные периферийные регионы других стран.

2. Стагнирующие регионы (рост турпотока ниже среднего). В эту группу входят: значительная часть регионов Финляндии (спад турпотока из России после 2013 года), некоторые ведущие регионы туризма (Иль-де-Франс, Лацио, Южная Ирландия) и регионы с относительно высоким турпотоком (запад Норвегии, Дания, континентальная («неприморская») часть Франции, значительная часть Южной Италии и Германия за пределами крупнейших городов. Скорее всего, в этой группе наиболее сильно сказывается высокая стоимость отдыха и отсутствие каких-либо уникальных туристских ресурсов, а в случае наиболее загруженных регионов – статистический эффект высокой базы, т. к. в абсолютных значениях прирост в этих регионах был очень высоким.

3. Регионы со средними темпами роста турпотока. Это самая большая группа регионов, включающая в себя в основном западноевропейские регионы с турпотоком выше среднего, в т.ч. ведущие туристские регионы (Северная Италия, Великобритания, Испания, Лазурный и Серебряный берега Франции, Южная Германия, Австрия и др.). В России это в основном регионы Европейского Севера и Северо-Запада, уступающие центральным по причине удаленности от крупных городов и худшей транспортной доступности.

4. Регионы с высокими темпами роста турпотока. Практически все регионы данной группы находятся в Восточной Европе. Состав этой группы неоднороден: в нее входят столицы и крупные городские агломерации (Москва, Бухарест, Варшава, Стамбул, Рига, Вильнюс, а также Татарстан с Казанской агломерацией), пристоличные регионы (Калужская, Тульская области), курортные регионы (Краснодарский край, Анталья, Бургас), центры культурно-познавательного туризма (Трансильвания, Ярославская область). Ведущим фактором роста является включение восточноевропейских стран в

ЕС, а для российских регионов – рост внутреннего туризма из-за удорожания выездного.

5. Регионы с очень высокими темпами роста турпотока. В этой группе находятся как регионы с незначительным турпоток (Чечня, Калмыкия, Косово, некоторые регионы Турции, Литвы, Латвии), так и регионы с высокими абсолютными значениями роста (Исландия, Черногория, Албания, Крым, Ленинградская область). В случае Крыма решающую роль сыграло включение полуострова во внутрироссийский рынок туризма и открытие моста через Керченский пролив в обход закрытой для россиян границы с Украиной. Черногория и Албания – страны, имеющие выгодные туристские ресурсы (теплое морское побережье, культурное наследие), которые привлекли значительные инвестиции в сферу туризма и благодаря невысокой стоимости отдыха смогли значительно увеличить въездной турпоток. Ленинградская область – типичный пример успешного импортозамещения после 2013 года: из-за падения курса рубля и заметного удорожания отдыха в Финляндии, жителям Санкт-Петербурга стало выгоднее отдыхать в пределах соседнего региона, обладающего схожими природно-рекреационными ресурсами. Причины роста турпотока в Исландии были рассмотрены выше.

На рисунке 23 показан удельный вес регионов, сгруппированных по величине въездного турпотока, в общем количестве регионов, а также доля соответствующих групп регионов в общем въездном и внутреннем турпотоках Европы. Всего рассмотрено 427 регионов.

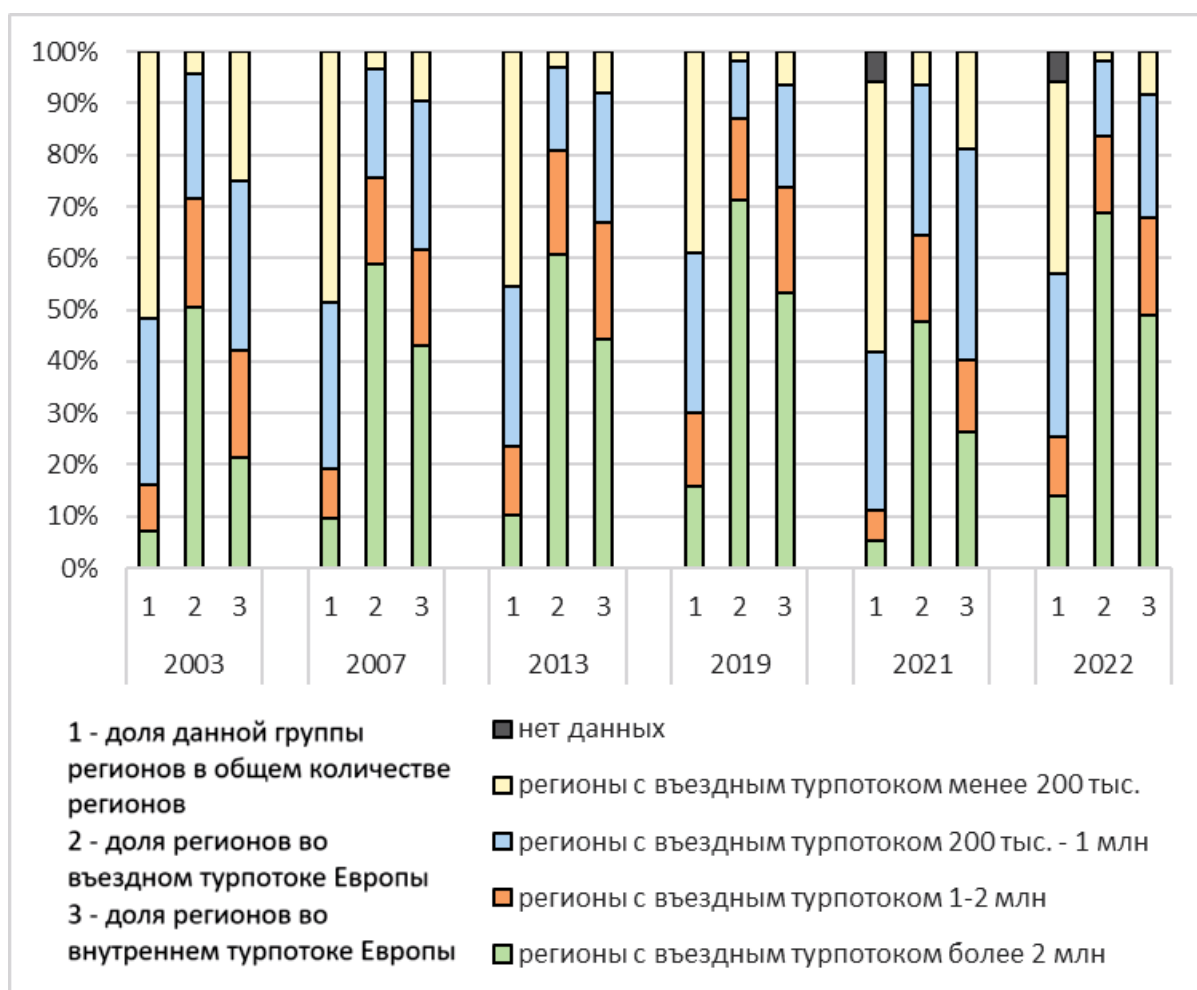

Рисунок 23 – Удельный вес различных групп регионов европейских стран во въездном и внутреннем турпотоках Европы в 2003–2022 годах

Ведущие по въездному турпотоку регионы в 2003 году (30 регионов, или 7% от общего количества) концентрировали половину всего въездного турпотока Европы и пятую часть внутреннего. При этом их количество, как и удельный вес, до пандемии постоянно росли. В 2019 году в этой группе было уже 68 регионов (16% от общего количества), их удельный вес во въездном турпотоке составлял более 70%, а во внутреннем – более половины. При этом значительный рост количества регионов в данной группе произошел только после 2013 года – ранее этому препятствовал кризис 2008–2009 годов, после которого начался период восстановления турпотоков.

Удельный вес во въездном и внутреннем турпотоках во всех остальных группах регионов до пандемии постоянно снижался, что говорит об

увеличении концентрации въездного турпотока в ведущих центрах и увеличении разрыва между ведущими и отстающими регионами. Пандемийный кризис в 2021 году привел к снижению концентрации турпотоков, но уже в следующем 2022 году она еще более усилилась по сравнению с 2019 годом. Более подробно динамика турпотоков в регионах европейских стран в 2022 году будет рассмотрена ниже, вместе с интегральной типологией регионов по реструктуризации турпотоков в период с 2003 по 2022 годы.

Таким образом, в период до начала пандемии COVID-19 наибольшая концентрация регионов стран Европы, специализирующихся на въездном туризме, наблюдалась в Средиземноморье, в Восточных Альпах, а также в ряде европейских столиц и их окружении. В большинстве регионов стран Восточной Европы, а также на северо-востоке Германии, северо-восточной части Турции доля въездного турпотока была наиболее низкой. При этом вплоть до 2019 года нарастала концентрация въездного турпотока в ведущих туристско-рекреационных центрах, и увеличивался разрыв между ними и регионами, отстающими в росте турпотоков. Однако наибольший прирост суммарного турпотока в этот период приходился именно на регионы стран Восточной Европы (кроме Украины), а западноевропейские регионы характеризовались на этом фоне средними темпами прироста суммарного турпотока.

3.3 Влияние пандемии COVID-19 на изменение объема и географии международных турпотоков в Европе

В 2020 году, т. е. первом году пандемии COVID-19, въездной турпоток в странах Европы сократился почти в 4 раза, или же на три четверти (точнее, на 73%) (см. рис. 4), а внутренний турпоток – почти вдвое (точнее, на 45%) (см. рис. 13). Как видно на рисунке 24, максимальное падение величины въездного турпотока (более, чем на 80%) характеризовало такие страны, как

Испания, Черногория, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Кипр, Румыния и Молдавия.

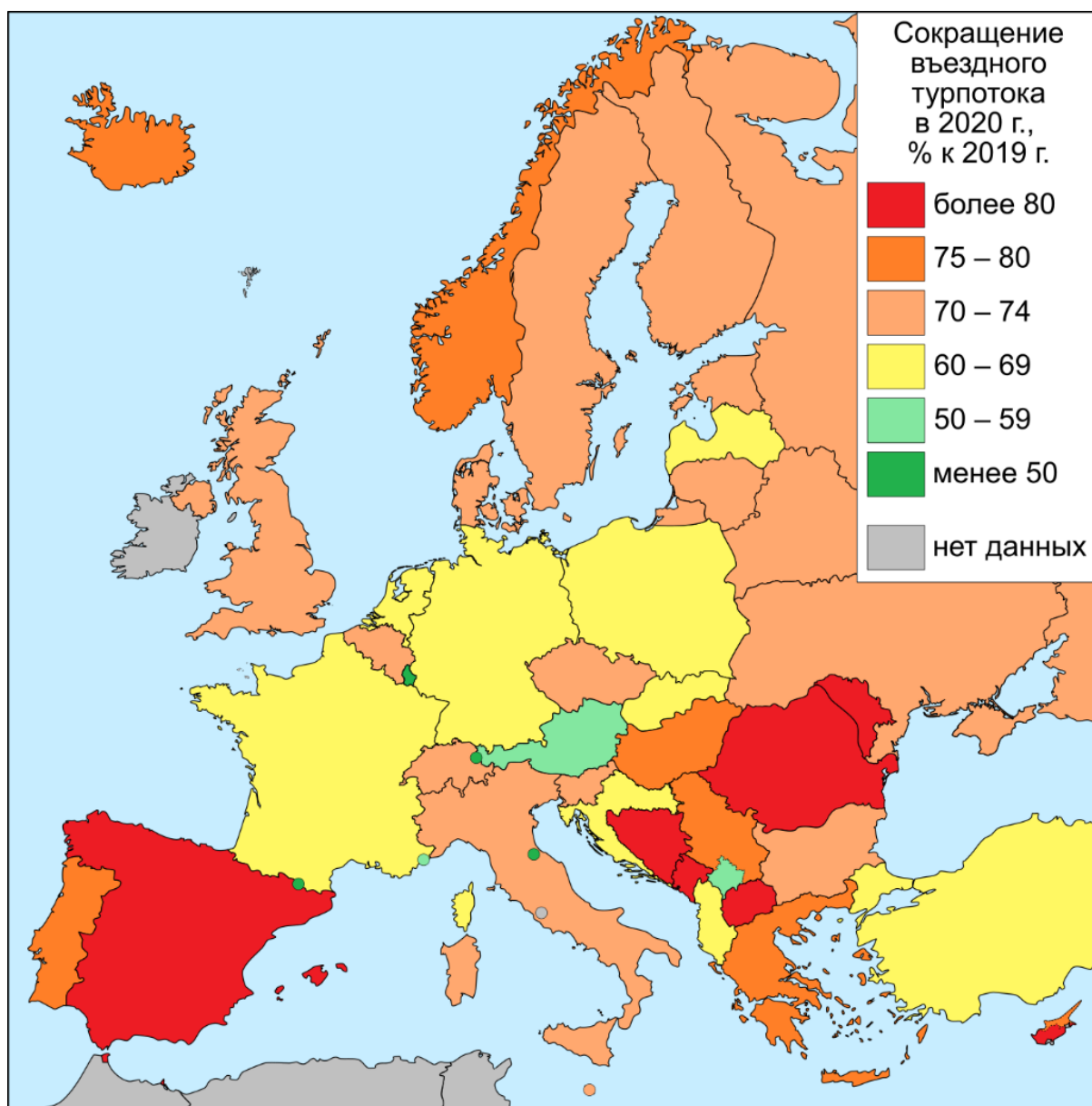

Рисунок 24 – Сокращение въездного турпотока в странах Европы в 2020 году по сравнению с 2019 годом

Во вторую группу по величине падения въездного турпотока (от 75 до 80%, т. е. также выше среднеевропейского падения) попали такие страны, как Португалия, Греция, Сербия, Венгрия, Норвегия и Исландия. Это преимущественно страны, наиболее зависимые от въездного турпотока. В целом же наибольшее падение въездного турпотока пришлось на страны Южной Европы, а также частично – Восточной Европы. Сокращение

въездного турпотока меньше среднеевропейского уровня характеризовало страны Средней Европы (Франция, Нидерланды, Германия, Польша, Словакия), отдельные страны Северной (Латвия) и Южной Европы (Хорватия, Албания), а также Турцию.

Особо следует обратить внимание на несколько территорий с минимальным падением величины въездного турпотока. Это микросоударства Люксембург, Лихтенштейн, Сан-Марино, Монако, Андорра, а также Австрия и самопровозглашенная республика Косово (официально – Автономный край Сербии Косово и Метохия). Последние сохранили значительный туристский обмен с соседними странами благодаря упрощенному пересечению границы (Австрия с Германией, Косово с Албанией, Люксембург – со странами Евросоюза благодаря расположению в нем одной из столиц ЕС, что предопределило значительный «деловой» туробмен).

Величина падения объема въездного турпотока в европейские страны в 2020 году была сопоставлена с индексом Перкаля (рис. 25), который был рассчитан польскими авторами [223] на этот же год.

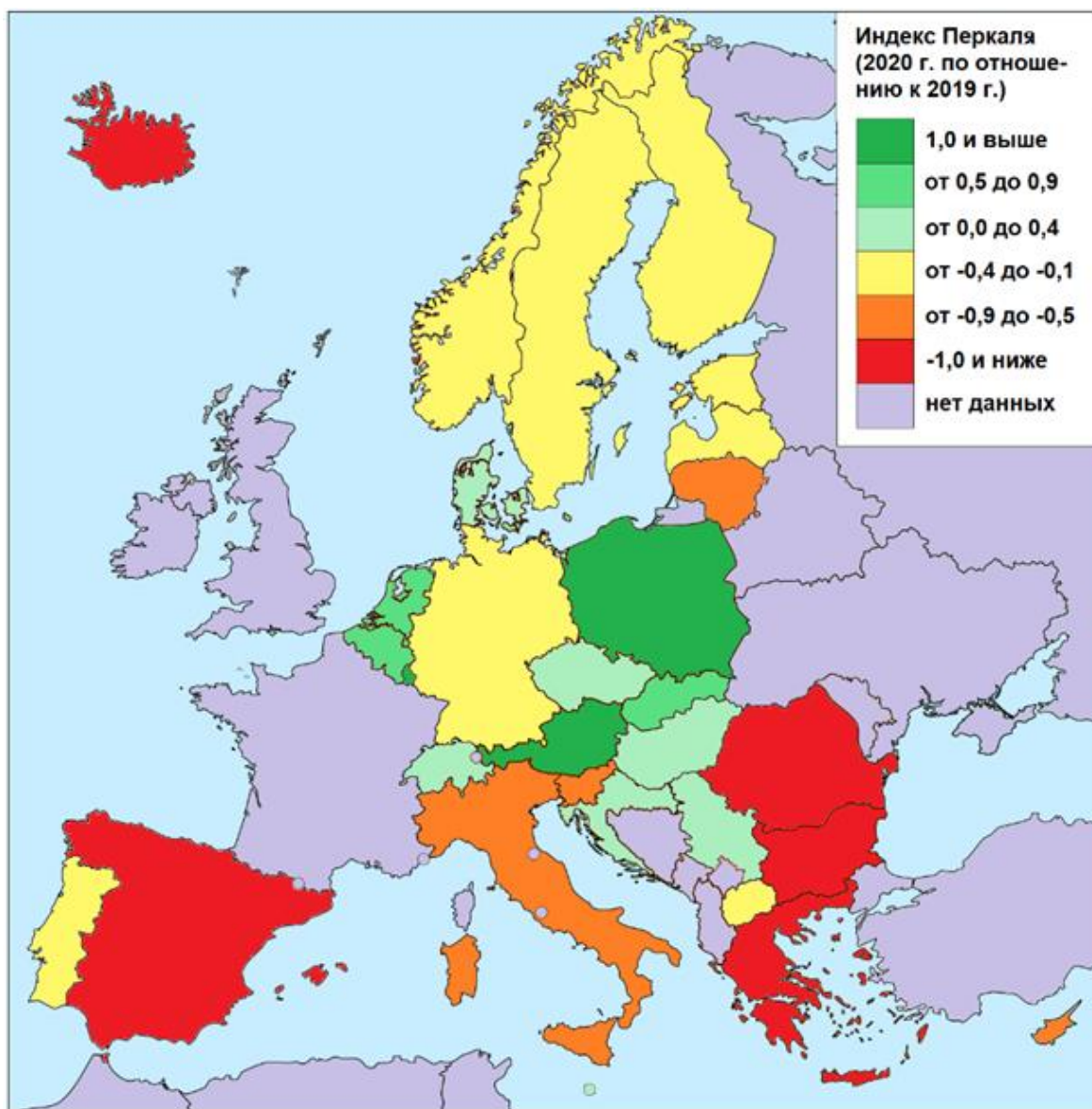

Рисунок 25 – Индекс Перкаля в 2020 году (составлено по [223])

Индекс Перкаля был использован польскими исследователями для оценки глубины кризиса в сфере туризма стран Европы. Для этого авторы предложили опираться на индекс Перкаля. В качестве переменных, использованных для расчета данного индекса, выступили следующие данные:

- 1) процентное изменение числа ночей, проведенных в учреждениях размещения туристов;
- 2) процентное изменение числа международных туристских прибытий;
- 3) процентное изменение доходов от международного туризма;
- 4) процентное изменение численности лиц, занятых в туризме;

5) процентное изменение занятости коек в гостиницах и аналогичных помещениях [223].

Результаты сравнения величины падения въездного турпотока в 2020 году от уровня 2019 года и индекса Перкаля в странах Европы позволили сделать вывод об отсутствии прямой связи между этими двумя показателями. То есть уровень падения въездного турпотока далеко не во всех странах определял глубину кризиса в туристской сфере. И все же следует отметить несколько стран, где данная зависимость являлась очевидной. Во-первых, это Испания, Кипр и Румыния, где глубина кризиса в сфере туризма была напрямую связана с катастрофическим падением въездного турпотока. Во-вторых, это Люксембург и Австрия, которые характеризуются минимальными потерями в объеме въездного турпотока в 2020 году и сохранением относительно благополучной ситуации в сфере туризма.

В группе стран с большим падением въездного турпотока в 2020 году, и одновременно со значительной глубиной кризиса в сфере туризма, оказались Исландия, Италия и Греция, что свидетельствовало об их сильной зависимости от турпотока из других стран. С другой стороны, наименее пострадала туристская сфера целого ряда стран Центральной Европы (Германия, Дания, страны Бенилюкса, Польша, Чехия, Словакия и Австрия), где не очень большим являлось также и падение въездного турпотока. В несколько более худшей ситуации оказались страны Северной Европы.

В целом же причиной отсутствия прямой связи между величиной индекса Перкаля и сокращением объема въездного турпотока в отдельных странах является, судя по всему, разный уровень экономического благополучия стран, и, соответственно, развитости туристской инфраструктуры в них. Так, в первом году пандемии несколько меньше пострадала туристская индустрия в более развитых странах Европы, в то время как в менее развитых странах падение въездного турпотока привело к более катастрофичной ситуации в туристской сфере.

На рисунке 26 показано сокращение въездного турпотока в регионах европейских стран в 2021 году по отношению к 2019 году.

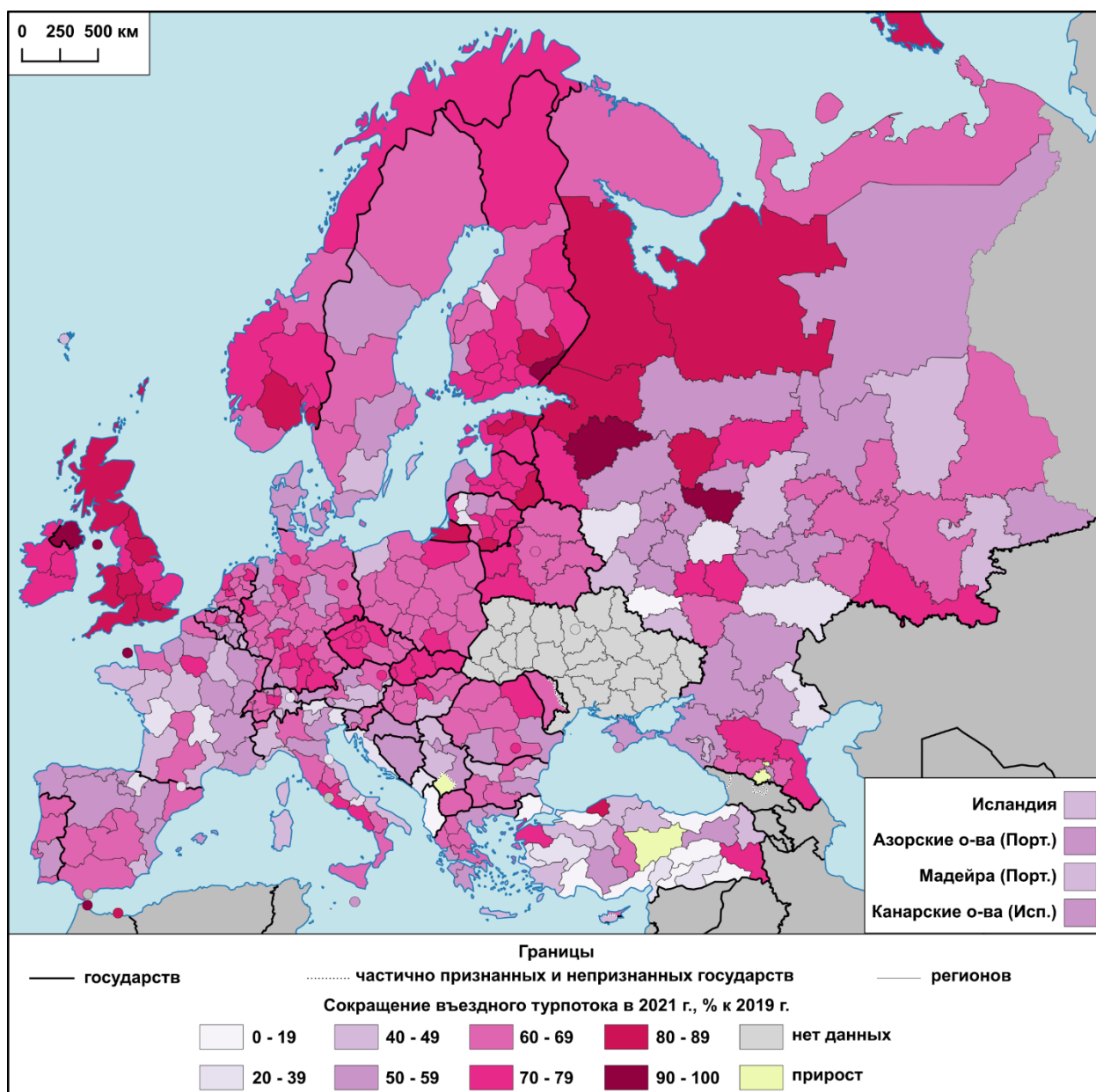

Рисунок 26 – Сокращение въездного турпотока в регионах европейских стран в 2021 году по отношению к 2019 году

Сокращение въездного турпотока произошло повсеместно, исключение составляют лишь три региона с относительно небольшим объемом въездного турпотока (Косово, Северная Осетия и турецкий Кайсери-Сивас-Йозгат). Очень сильное сокращение произошло почти во всех ключевых для въездного

туризма регионах Европейского Севера, Северо-Запада и Центральной России.

Поскольку ограничения на въезд и выезд затронули прежде всего турпотоки между странами ЕС и не входящими в него, наиболее выражены изменения на границе этих стран – в различных трансграничных регионах. В частности, пострадали наиболее зависящий от российских туристов финский регион Южная Карелия, северо-Восточная Эстония, Латгалия, в меньшей степени – смежные с ними регионы. Великобритания пострадала целиком, так как не зависела от политики ограничений, вводимых странами ЕС (в 2021 году они начали смягчаться), при этом собственные ограничения на въезд были более жесткими. Ирландия и Норвегия, в значительной степени зависящие от авиаперевозок, которые в 2021 году восстанавливались медленно, а также имеющие довольно изолированное сухопутное положение, тоже попали в группу с наиболее низкими темпами восстановления въездного турпотока.

В центральной части Европы сильнее других сокращение наблюдалось в большинстве регионов германской Баварии, Чехии, Словакии. Часть этих регионов, расположенных в горной местности и предгорьях, специализируется на горнолыжном туризме в зимний сезон, которые пострадал сильнее: зимой 2020–2021 годов и в меньшей степени 2021–2022 годов санитарные ограничения ужесточались ввиду подъема заболеваемости.

Наименьшее сокращение въездного турпотока наблюдалось в регионах восточной Адриатики и турецкой Анталье, которые летом 2021 года достигали почти полного восстановления турпотока до уровня 2019 года или даже превышали его в отдельные месяцы. Вероятно, мягкая политика ограничений для туристов, турбизнеса и компаний, связанных с пассажирскими перевозками, а также более низкий уровень цен по сравнению с западносредиземноморскими курортами позволили пройти год с наименьшими потерями. Отдельно нужно упомянуть Стамбул, аэропорт которого в 2020–2022 годах стал самым загруженным в Европе и

одновременно главным европейским хабом, благодаря чему турпоток в городе сократился незначительно.

На рисунке 27 показано изменение внутреннего турпотока в регионах европейских стран в 2021 году по отношению к 2019 году.

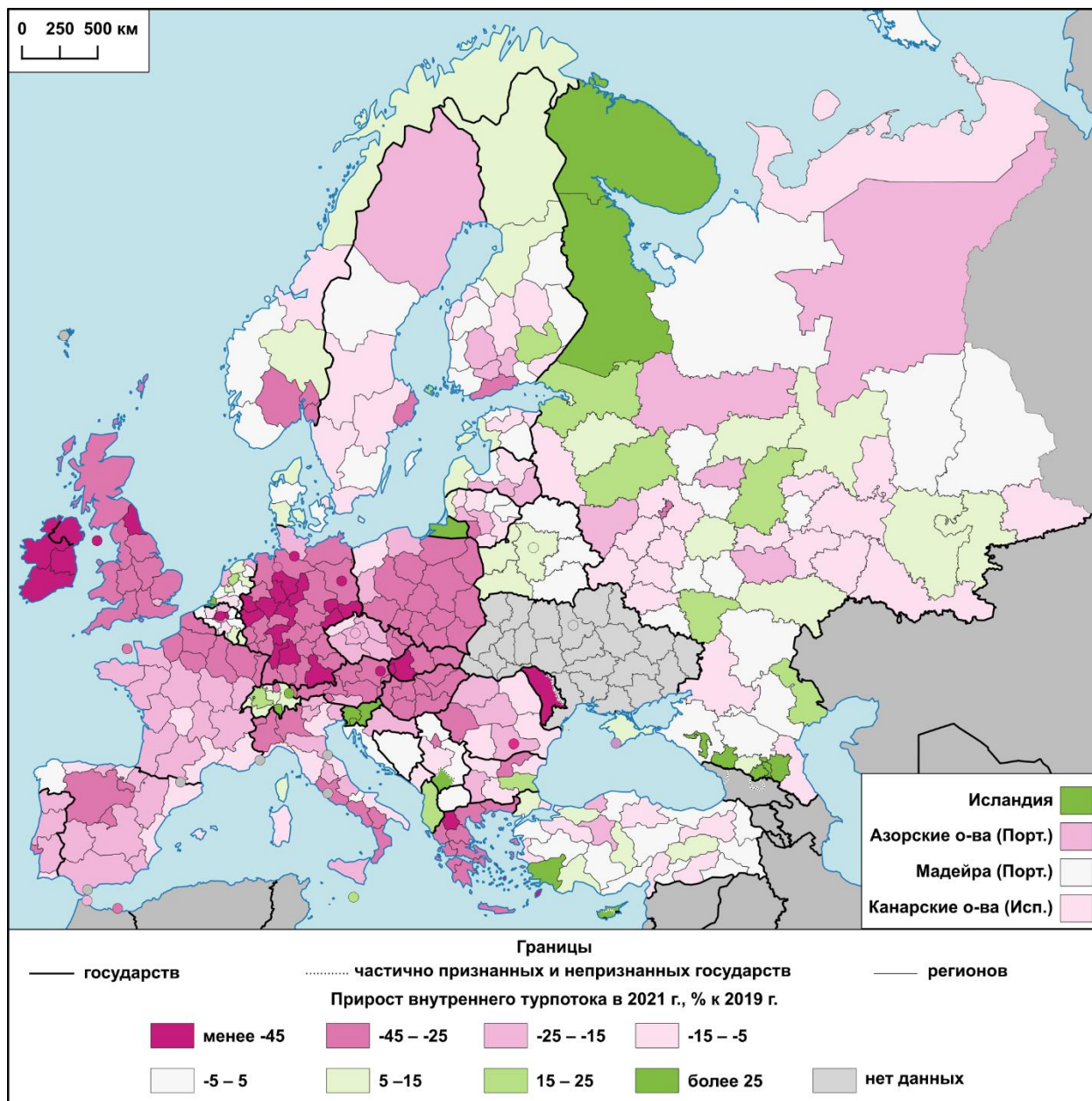

Рисунок 27 – Изменение внутреннего турпотока в регионах европейских стран в 2021 году по отношению к 2019 году

Внутренний турпоток во многих странах стал стабилизирующим фактором для сферы туризма в целом, особенно в летние месяцы, когда высокий сезон совпадал со смягчением санитарных ограничений. Однако

жесткость ограничений определялась в основном не на региональном, а на общегосударственном уровне, что наглядно демонстрирует карта: во многих странах нет ни одного региона с заметным приростом внутреннего турпотока, а там, где такие регионы есть, большинство регионов испытало меньшее сокращение внутреннего турпотока. Россия немного отклоняется от этого правила ввиду значимости и разнообразия региональных ограничений: от довольно жёстких, как в Псковской области, где при заселении в гостиницы строго требовались ПЦР-тесты или сертификаты о вакцинации, до мягких, как в Тверской области, где таких требований не вводили.

Для стран, где наблюдался прирост внутреннего турпотока в отдельных регионах, характерна следующая особенность: в столице (или крупнейшем городе) внутренний турпоток сокращался, а в других регионах – заметно прирастал. Это отмечается в Норвегии, Дании, Финляндии, Нидерландах, Бельгии, Швейцарии, Сербии, Турции, Болгарии. Также в странах Балтии это выразилось в приросте турпотока в приморских регионах, где есть курорты (Клайпеда, Юрмала, Пярну). Чаще всего прирост наблюдался в приморских регионах, где доступен пляжный отдых, но бывает и в горных районах (Северный Кавказ, Лапландия, Северная Норвегия, Швейцария).

На рисунке 28 показано изменение внутреннего турпотока в регионах европейских стран в 2021 году по отношению к 2019 году.

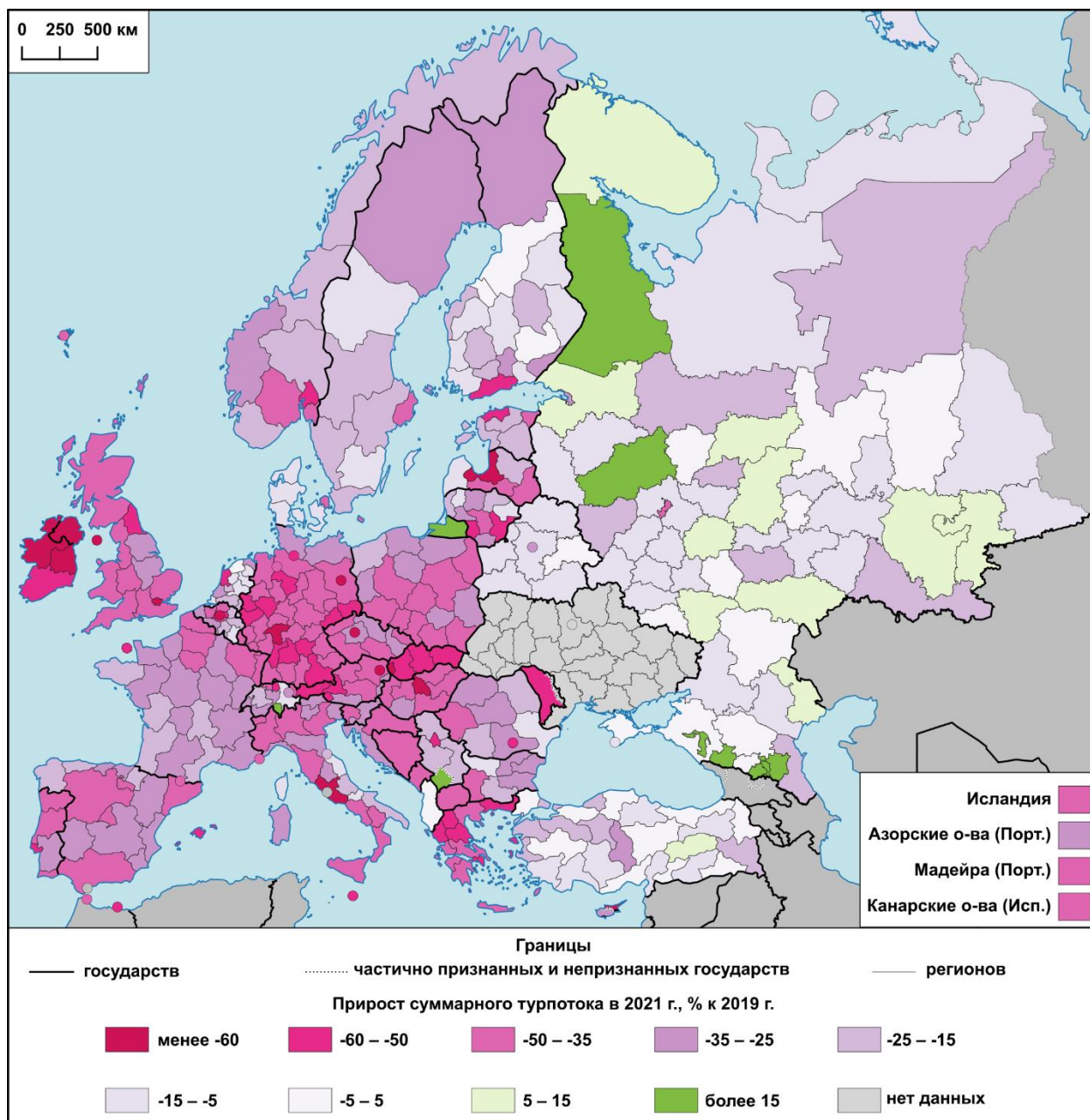

Рисунок 28 – Изменение суммарного турпотока в регионах европейских стран в 2021 году по отношению к 2019 году

Данная карта позволяет понять, какие регионы смогли добиться замещения въездного турпотока внутренним, а также глубину кризиса туризма в регионах в целом.

Замещения въездного турпотока удалось добиться только в регионах с невысоким въездным турпотоком (менее 200 тыс. на 2019 год). Исключение – швейцарский кантон Тичино (более 500 тыс.). Почти все регионы этой группы – российские. Менее пострадали по сравнению с другими регионы Беларуси,

Дании, части Финляндии и Швеции, Нидерландов и Бельгии, Турции. Однако в большинстве стран, испытавших более сильное сокращение турпотока, региональные различия не столь существенны.

Таким образом, можно отметить следующие пространственные закономерности в падении величины въездного турпотока в странах Европы в начальный период пандемии COVID-19. Во-первых, въездной турпоток фактически обрушился в большинстве стран Южной Европы (особенно средиземноморских), специализировавшихся на рекреации (пляжном отдыхе) на уровне всего Европейского туристского макрорегиона. Во-вторых, въездной турпоток резко сократился в менее развитых странах Юго-Восточной Европы, а также в России, с начала пандемии оказавшейся отрезанной от туристского рынка Шенгенской зоны. В-третьих, в структуре прибытий иностранных туристов в страны, отличающиеся минимальным сокращением въездного турпотока, увеличилась доля туристов из соседних стран. Лишь в отдельных регионах европейских стран в период пандемии удалось нарастить внутренний турпоток, что позволило частично компенсировать значительное падение объема въездного турпотока.

Глава 4. Географическая реструктуризация туристских потоков в Европе в начале третьего десятилетия XXI века

4.1 Классификация стран Европы по степени замещения въездного турпотока в период пандемии COVID-19

В период пандемии COVID-19 фактически во всех европейских странах для компенсации потерь в туристской сфере, связанных с падением объема въездного турпотока, была попытка нарастить объемы внутреннего турпотока. Чтобы оценить степень замещения въездного турпотока внутренним в период пандемии для начала нужно рассмотреть, какой была доля внутреннего турпотока в его общем объеме перед началом пандемии. С помощью рисунка 29 можно проследить различия стран Европы по доле внутреннего турпотока в его общей величине в 2019 году (точнее, суммы въездного и внутреннего турпотока, т. к. объем выездного турпотока оценить крайне сложно).

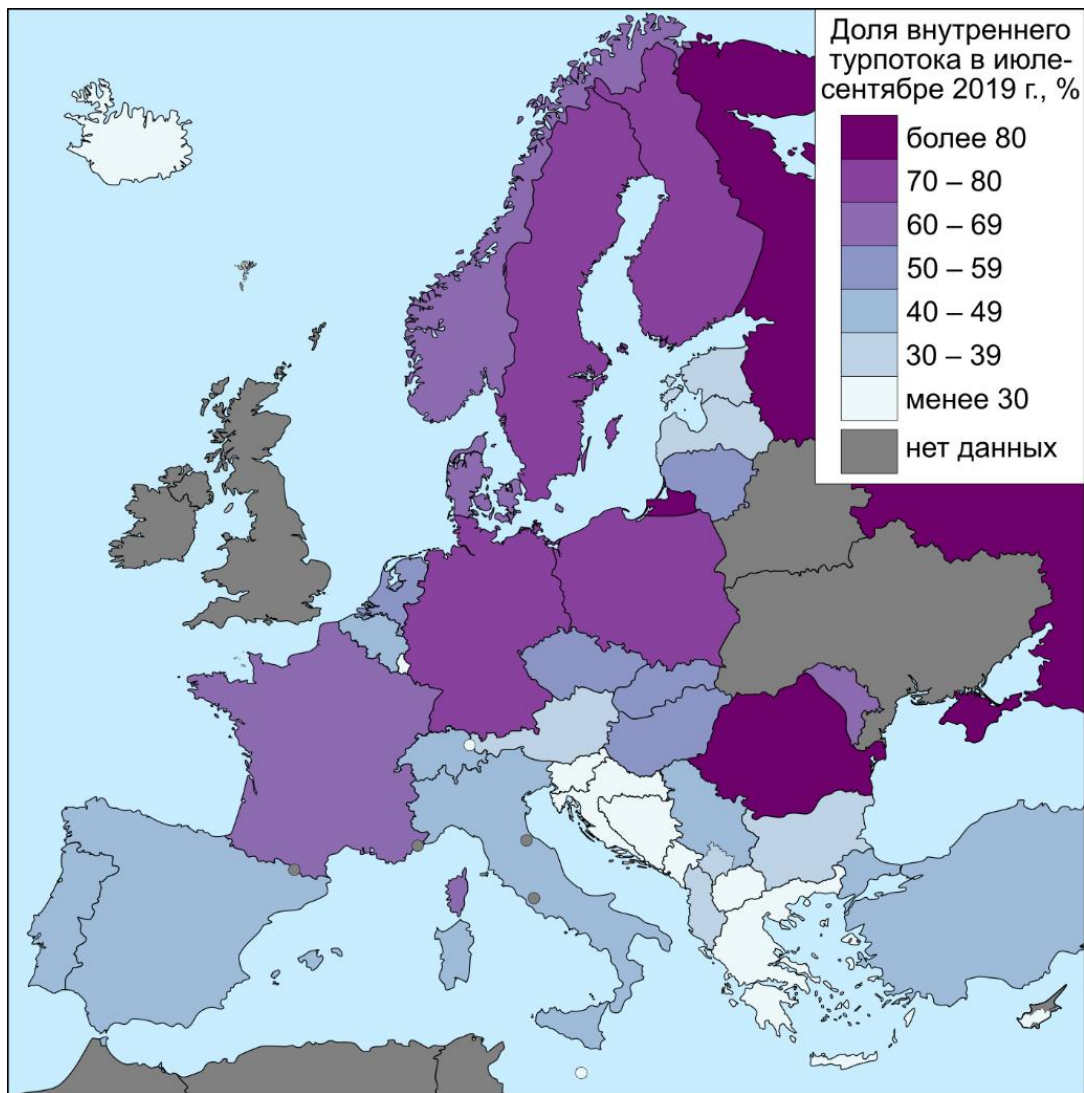

Рисунок 29 – Доля внутреннего турпотока в странах Европы в июле-сентябре 2019 года

Во-первых, обращает на себя внимание различие между Севером и Югом Европы, что связано с тем, что страны Южной Европы используются как общеевропейская рекреационная зона, и в них высока доля туристов из других стран, в первую очередь, из Средней и Северной Европы. Во-вторых, следует обратить внимание на несколько стран Северной Европы, которые также были ориентированы больше на въездной туризм. Это Исландия и страны Балтии (особенно Эстония и Латвия).

К странам с наименьшей долей внутреннего турпотока относятся бывшие югославские республики, Греция, Кипр и микросоударства, по которым имеется туристская статистика (Лихтенштейн и Люксембург). В

последних имеется развитая туриндустрия и транспортная инфраструктура, благодаря чему они обслуживают значительный въездной турпоток. Иная причина низкой доли внутреннего турпотока в странах бывшей Югославии. В них сохранился значительный трансграничный туристский обмен благодаря языковому и культурному сходству проживающих в них народов. Чуть в меньшей степени это выражено в вошедших в Евросоюз Словении и Хорватии.

Для оценки степени замещения въездного туристского потока внутренним в период пандемии COVID-19 было предложено использовать показатель, названный *индексом замещения въездного турпотока* [56]. Специфика расчета данного показателя, связанная с выбранными временными интервалами, была рассмотрена выше. Отдельно был рассчитан индекс для 2020, 2021 и 2022 годов. Была предложена следующая формула для расчета показателя:

$$\text{ИЗВТп} = \frac{\text{Тур}_{\text{внутр}2020/2021/2022} - \text{Тур}_{\text{внутр}2019}}{\text{Тур}_{\text{въезд}2019}},$$

где ИЗВТп – индекс замещения въездного турпотока, $\text{Тур}_{\text{внутр} 2020/2021/2022}$ – величина внутреннего турпотока в июле-сентябре 2020, 2021 или 2022 г., $\text{Тур}_{\text{внутр} 2019}$ – величина внутреннего турпотока в июле-сентябре 2019 г., $\text{Тур}_{\text{въезд} 2019}$ – величина въездного турпотока в июле-сентябре 2019 г.

Величина индекса замещения въездного турпотока в июле-сентябре 2020 года по сравнению с соответствующими месяцами 2019 года представлена на рисунке 30. Как видно на карте, страны Европы поделились почти поровну на те, где произошел рост внутреннего турпотока, и где этого не произошло. Лишь в нескольких странах величина индекса замещения въездного турпотока в 2020 году оказалась высокой – свыше 20% (Словения и Чехия), или относительно высокой – от 10 до 20% (Исландия, Норвегия, Дания, Нидерланды, Швейцария, Мальта, Сербия, Северная Македония и Литва).

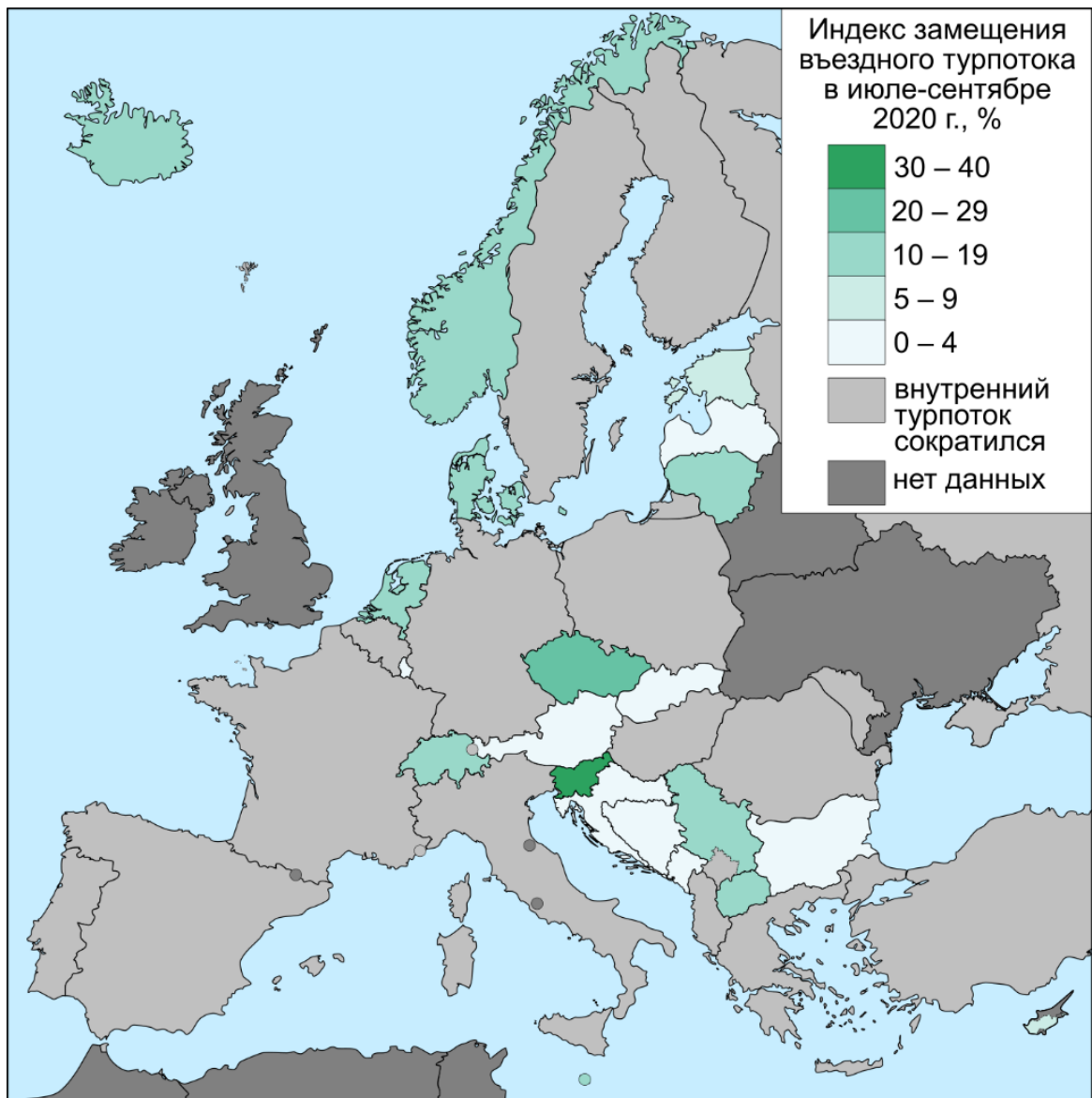

Рисунок 30 – Индекс замещения въездного турпотока в июле-сентябре 2020 года

Те страны, где произошло частичное замещение въездного турпотока внутренним в 2020 году, исходя из изначальной доли внутреннего турпотока, распадаются на две группы. В первую группу входят страны с достаточно низкой долей внутреннего туристского потока (менее 30%). Это, в первую очередь, Исландия, Словения, Северная Македония и Мальта. Для этих стран замещение въездного турпотока имело решающее значение для сохранения туристской сферы, ранее ориентированной на въездной туризм. Замещению в

данном случае способствовало снижению загрузки номерного фонда гостиниц и ограничения по выезду туристов за границу.

Лидером в Европе по замещению въездного турпотока внутренним в июле-сентябре 2020 года стала Словения. В этой стране произошел рост внутреннего турпотока фактически во всех районах, в большей степени (почти втрое) – в ее горной западной части (в Юлийских Альпах с горой Триглав). В эту же группу вошли Исландия, Северная Македония и Мальта. В них значение ИЗВТп превышало 10%. В Исландии восстановление внутреннего туристского потока до уровня 2019 года произошло уже в мае 2020 года, в то время как в других европейских странах был строгий локдаун. Это произошло благодаря островному положению государства и быстрому затуханию вспышки заболеваемости. Но из-за того, что объем въездного турпотока ранее превосходил численность населения страны, замещение въездного турпотока внутренним было не столь заметным. В Северной Македонии увеличился внутренний турпоток на западе страны – в районе Охридского озера и в национальном парке Маврово. При этом в столице страны объем внутреннего турпотока сократился.

Во вторую группу с высоким значением индекса замещения въездного турпотока вошли страны со средним удельным весом внутреннего туристского потока (от 30 до 60%). Лидером по замещению въездного турпотока в этой группе являлась Чехия. Внутренний турпоток в этой стране вырос во всех районах, но особенно выделялся в этом плане курорт Карловы Вары. В Нидерландах произошло сокращение внутреннего турпотока в наиболее урбанизированных провинциях страны (Северная и Южная Голландия), но увеличилось – во всех остальных провинциях, особенно во Фрисландии и Утрехте. В Литве объем внутреннего турпотока вырос почти везде, кроме городов Вильнюса и Шауляя. Аналогично сократился внутренний турпоток в столичных регионах Дании и Сербии, и вырос – во всех других районах этих стран. В Швейцарии объем внутреннего турпотока

уменьшился в более крупных городах страны (особенно в Цюрихе, Женеве и Базеле), в остальных кантонах наблюдался рост внутреннего турпотока.

В 2021 году явное большинство европейских стран сумело перейти к замещению въездного турпотока внутренним, о чем свидетельствует карта со значениями ИЗВТп в июле-сентябре 2021 года (рис. 31). Исключение составило только семь стран, где произошло сокращение внутреннего турпотока (Россия, Молдавия, Румыния, Греция, Германия, Лихтенштейн и Португалия). Еще по ряду стран нет данных, позволяющих отследить заместительный эффект.

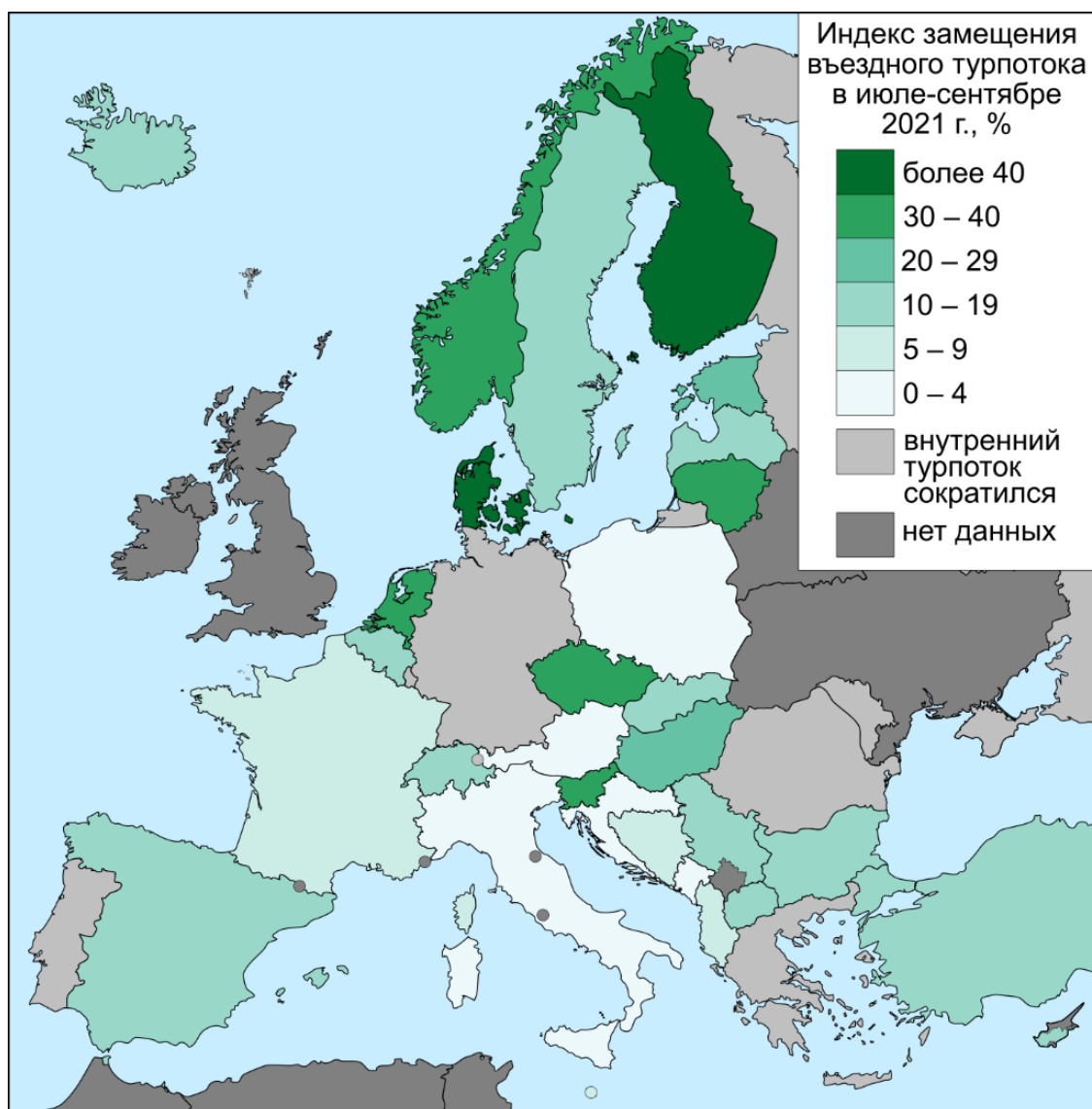

Рисунок 31 – Индекс замещения въездного турпотока в июле-сентябре 2021 года

Лидерами по величине ИЗВТп в 2021 году стали Дания и Финляндия (вторая лишилась значительного въездного турпотока из России). Также были высоки значения индекса в Литве, Швеции, Нидерландах, Чехии и Словении. Страны с изначально высокой долей внутреннего турпотока в общей его величине по итогам 2021 года можно распределить на две группы в зависимости от величины индекса замещения въездного турпотока. В первой группе стран отмечается хотя бы небольшой заместительный эффект. Это Франция, Польша, Швеция и Финляндия. Во второй группе стран данный эффект не проявился вообще. Это Россия, Молдавия, Румыния и Германия.

В трех странах с изначально низкой долей внутреннего турпотока в 2021 году не наблюдался заместительный эффект. Это Португалия, Греция и Лихтенштейн. Однако нужно отметить, что эти страны вошли в число лидеров по степени восстановления въездного турпотока в этом году. Также нужно отметить Люксембург, где в 2021 году закончилось проявление заместительного эффекта.

В 2022 году количество стран, где не наблюдался заместительный эффект, изменилось незначительно (шесть вместо семи в 2021 году), однако изменился состав этой группы государств. К сокращению внутреннего потока перешли Словакия и Италия, в то время как Россия, Греция и Португалия нарастили свой внутренний турпоток, достаточный для частичного замещения въездного турпотока (рис. 32).

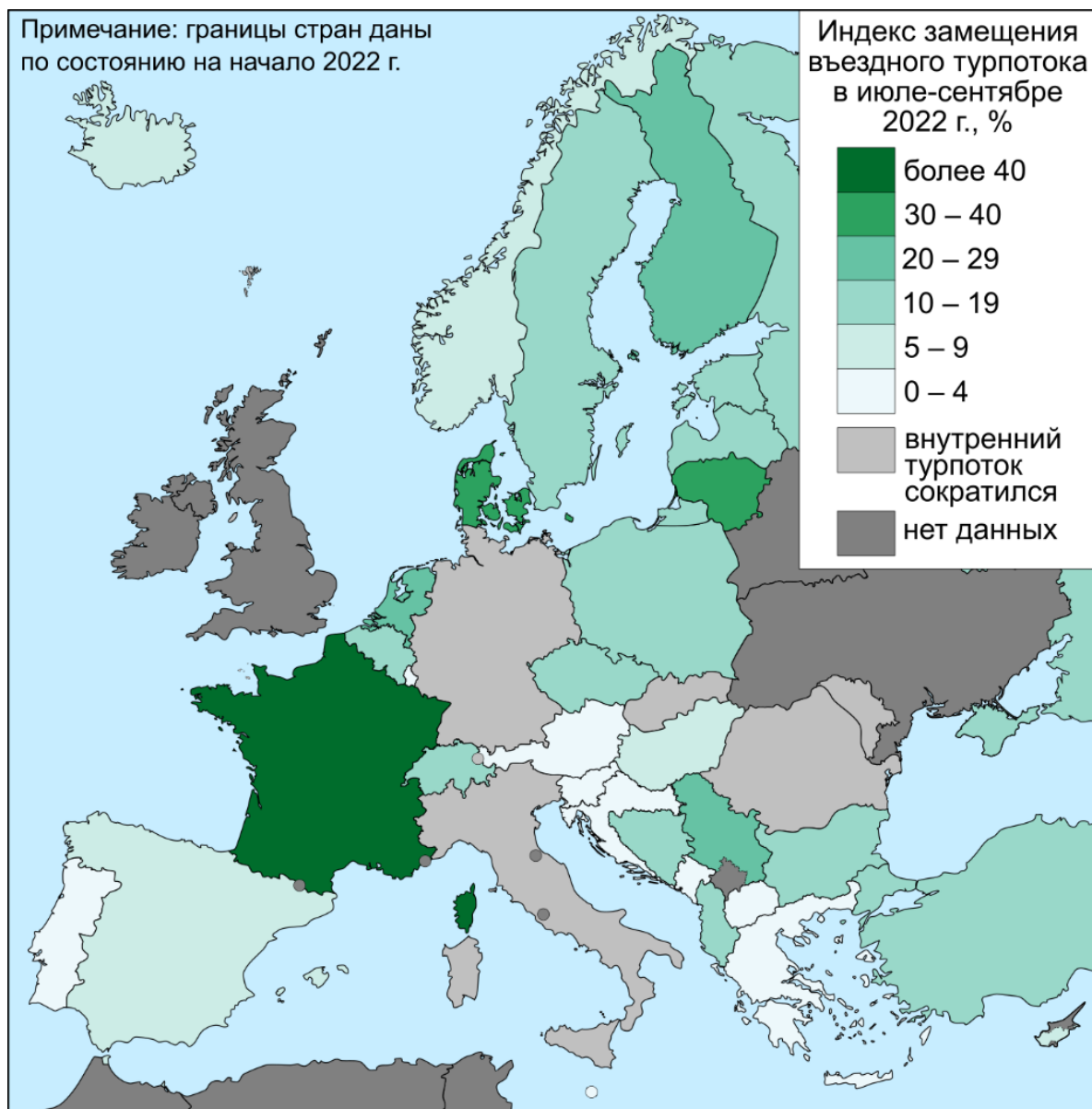

Рисунок 32 – Индекс замещения въездного турпотока в июле-сентябре 2022 года

Лидером по величине индекса замещения въездного турпотока в 2022 году стала Франция. В первую тройку стран по степени замещения въездного турпотока внутренним вошли также Дания и Литва. Также в лидирующую группу стран по данному индексу вошли Финляндия, Нидерланды и Сербия.

В целом же можно говорить о сохранении тенденции роста внутреннего турпотока в европейских странах в 2022 году, что позволило частично компенсировать резкое сокращение въездного турпотока на начальном этапе пандемии COVID-19. Среди стран с первоначально большой долей

внутреннего турпотока так и не смогли в 2022 году восстановить внутренний турпоток только Германия, Румыния и Молдавия, среди стран со средней и малой долей – Словакия, Италия и Лихтенштейн.

Таким образом, использование индекса замещения въездного турпотока, рассчитанного на период с июля по сентябрь 2020, 2021 и 2022 годов (по сравнению с соответствующим периодом 2019 года), позволило выявить следующие закономерности в изменении географии внутренних турпотоков в странах Европы вследствие пандемии COVID-19. Во-первых, произошел рост числа прибытий в сравнительно малонаселенных периферийных районах стран, обладающих, в первую очередь, значительными рекреационными ресурсами. Во-вторых, произошло сокращение прибытий в столицах стран и других крупных городах.

В целом же в большинстве стран Европы в 2021 и 2022 годах удалось частично компенсировать катастрофическое падение объема въездного турпотока, произошедшее на начальном этапе пандемии. Если в 2020 году рост внутреннего турпотока произошел только в половине стран Европы, то в 2022 году заместительный эффект от роста внутреннего турпотока не наблюдался только в шести европейских странах. Лидерами по степени замещения въездного турпотока внутренним в 2022 году по сравнению с 2019 годом стали Франция, Дания, Литва, Финляндия, Нидерланды и Сербия.

4.2 Классификация стран Европы по степени восстановления турпотока в начале третьего десятилетия XXI века

Для оценки степени восстановления въездного туристского потока в странах Европы в период, последовавший после снятия наиболее жестких ограничений, связанных с пандемией COVID-19, был использован такой показатель, как *индекс восстановления турпотока* [71]. Данный показатель рассчитывается по формуле:

$$\text{ИВТ}_{\text{п}} = \frac{\text{МТ}_{\text{п}}}{\text{БМТ}_{\text{п}}} * 100\%,$$

где ИВТ_п – индекс восстановления въездного турпотока, рассчитывается в %, МТ_п – месячный турпоток в текущем месяце, БМТ_п – базовый месячный турпоток того же месяца в 2019 году.

С помощью ИВТ_п можно рассмотреть как ситуацию с *восстановлением въездного турпотока* по Европе в целом, так и по отдельным странам. В качестве дополнительного показателя, характеризующего изменение роли страны в европейском туристском рынке, выступает доля страны во въездном турпоточе Европы.

Благодаря расчету ИВТ_п на уровне всех стран Европы по месяцам с начала 2020 года по март 2022 года (рис. 33) было выделено шесть периодов, отличающихся по динамике данного показателя.

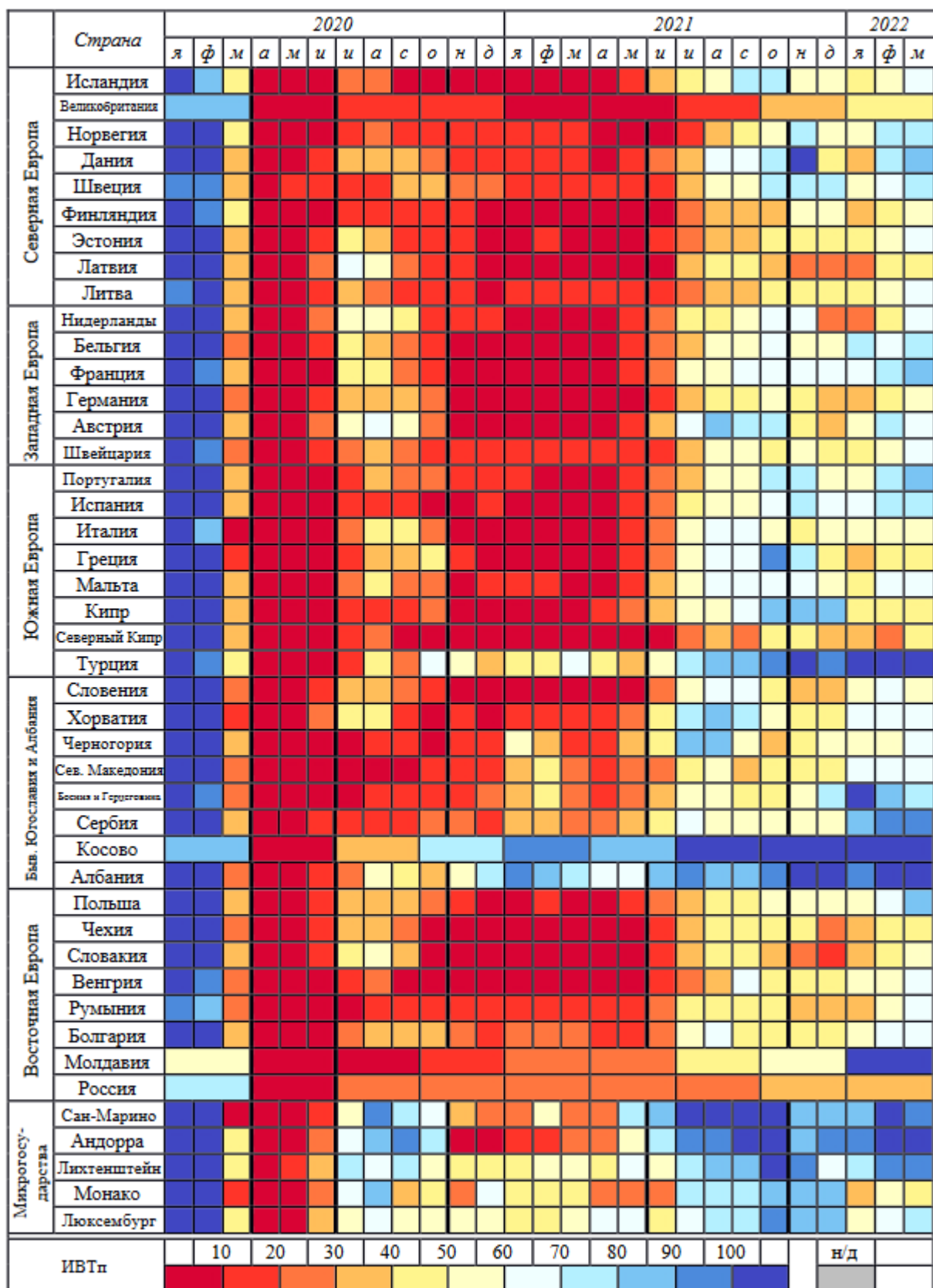

Рисунок 33 – Динамика индекса восстановления въездного туристского потока в странах Европы по месяцам 2020, 2021 годов и начала 2022 года

1. *Начальный период пандемии* (с января по март 2020 года). В предшествующих пандемии месяцах (январь и февраль) объем въездного турпотока был даже немного выше уровня 2019 года. Первой удар пандемии приняла на себя туристская сфера Италии. В марте турпоток сократился во всех странах Европы, так как во второй половине месяца в них был объявлен локдаун и введен строгий карантин.

2. *Первый общий локдаун* (с апреля по июнь 2020 года). Это был период максимального падения въездного турпотока в Европе, в апреле и мае его величина превысила 90%. На этом фоне в мае несколько выделялась Швеция, где не был введен строгий локдаун. При этом уже в июне ряд европейских стран ослабил строгие ограничительные меры на въезд. Въездной турпоток начал постепенно восстанавливаться в европейских микространствах.

3. *Первое частичное восстановление турпотока* (с июля по октябрь 2020 года). Данный период несколько отличается по месяцам и общей длительности в разных странах Европы. Но в целом он приходится на теплый сезон, соответствующий традиционному пику турпотока. В большинстве стран заключительным месяцем этого периода стал октябрь, в ряде стран – сентябрь. Значительная часть въездного турпотока приходилась на соседние страны. Можно отметить успешность в этот период проекта «Балтийского туристского пузыря», объединившего Эстонию, Латвию и Литву. Также выделяется Австрия, где был разрешен свободный въезд туристов из Германии. Относительно более успешно на фоне других европейских стран въездной турпоток начал восстанавливаться в таких государствах, как Италия, Франция, страны Бенилюкса и Хорватия.

4. *Второй локдаун* (с ноября 2020 года по май 2021 года). Данный период приходится на холодный сезон с традиционным зимним пиком заболеваемости. С 2021 года начинается массовая вакцинация населения, и потому второй локдаун стал не таким строгим, как первый. В этом периоде наиболее успешно шло восстановление въездного турпотока в Турции, Албании и в странах, образовавшихся после распада Югославии. Весной 2021

года началась новая волна COVID-19 (штамм «дельта»), поэтому многие страны продлили второй локдаун. В этот период обозначилось новое направление медицинского туризма. Им стал вакцинный туризм, который затронул в первую очередь страны, где не были доступны признанные Евросоюзом вакцины (в частности, это коснулось России и Республики Беларусь).

5. *Второе частичное восстановление турпотока* (с июня по октябрь 2021 года). Благодаря массовой вакцинации в Евросоюзе в очередной теплый сезон были ослаблены ограничения и открыты границы для вакцинированных, или даже невакцинированных в случае наличия ПЦР-теста. Пик восстановления въездного турпотока в этом периоде пришелся на август и сентябрь. Некоторые страны в отдельные месяцы достигли полного восстановления въездного турпотока, т. е. вышли на уровень 2019 года. Этого удалось сделать Дании и трем микросоударствам (Лихтенштейн, Андорра и Сан-Марино).

6. *Волна «омикрона»* (с ноября 2021 года по март 2022 года). В этот период, несмотря на рост заболеваемости, не был объявлен массовый локдаун. Некоторые страны, наоборот, начали снимать ограничения на въезд. Но ряд стран (Нидерланды, Чехия, Словакия и Латвия) ввели очередной локдаун. Большинство стран испытало в этот период небольшое сокращение въездного турпотока, перейдя к восстановлению въездного турпотока только по окончании волны «омикрона».

По аналогии с индексом восстановления въездного турпотока для периода с начала 2020 года по март 2022 года почти для всех европейских стран был рассчитан *индекс восстановления внутреннего турпотока* (рис. 34). Исключение составили три европейских микросоударства (Монако, Андорра и Сан-Марино), по которым не публикуются данные по внутреннему туризму. Внутренний турпоток в этих микросоударствах включен во въездной. Также не были найдены в открытом доступе данные по объему внутреннего турпотока Великобритании.

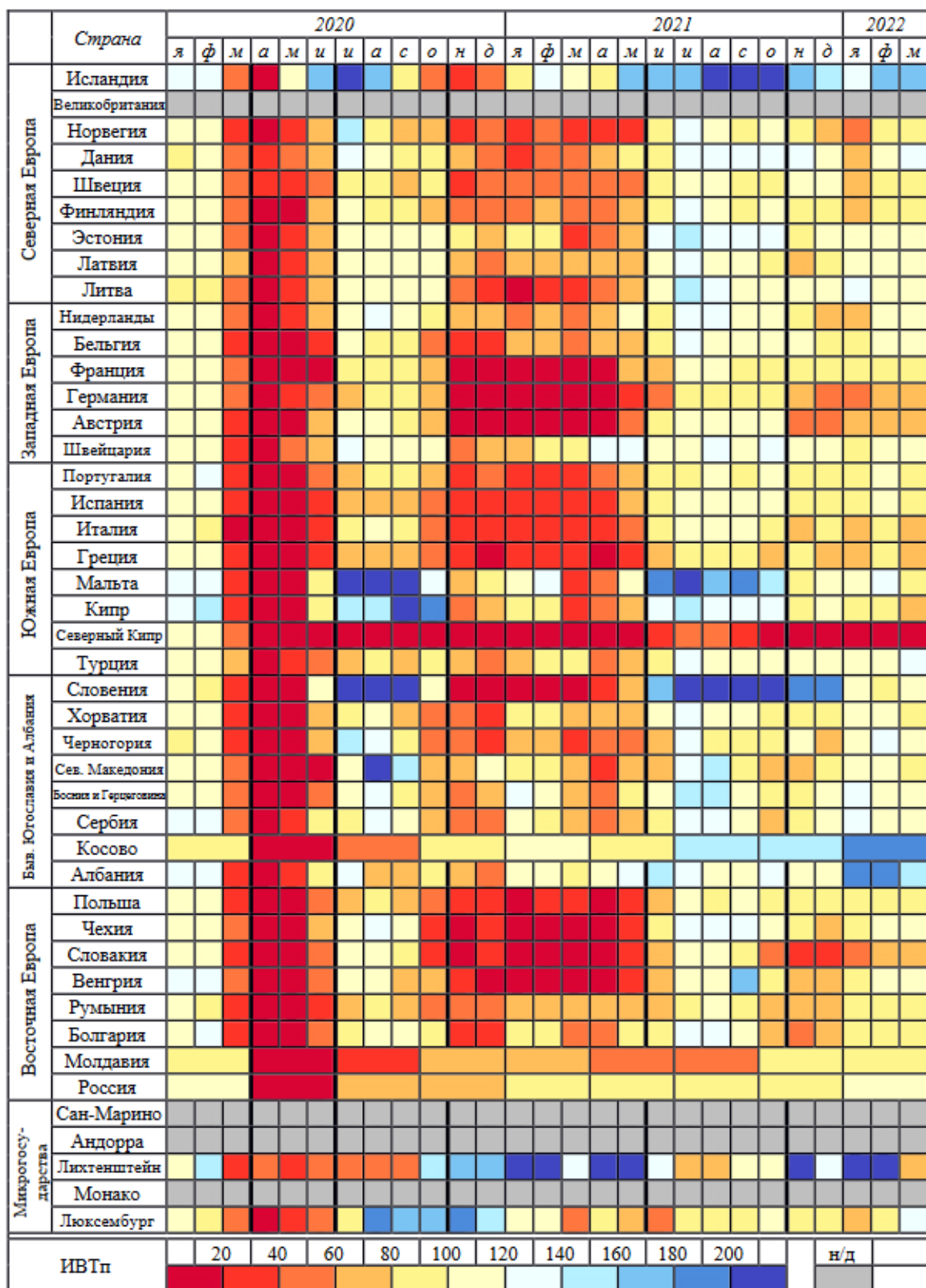

Рисунок 34 – Динамика индекса восстановления внутреннего туристского потока в странах Европы по месяцам 2020, 2021 годов и начала 2022 года

Как и в случае с динамикой въездного турпотока, рассчитанные значения индекса восстановления внутреннего турпотока в интервале с января 2020 года по март 2022 года позволили выделить шесть периодов, различающихся по величине индекса.

1. *Начальный период пандемии* (с января по март 2020 года). В январе и феврале 2020 года величина внутреннего турпотока в странах Европы примерно соответствовала уровню соответствующих месяцев 2019 года. Значительное сокращение внутреннего турпотока, как и въездного, произошло в марте.

2. *Первый общий локдаун* (с апреля по июнь 2020 года). На этот период пришелся наибольший спад внутреннего турпотока во всех европейских странах. Однако, всеобщим этот спад оказался только в апреле. Начиная с мая в ряде стран начинается ослабление ограничений для внутренних туристов. При этом, первой европейской страной, в которой был восстановлен внутренний турпоток, стала Исландия. Этому способствовало островное положение государства и затухание вспышки заболеваемости. К тому же Исландия стала первой в Европе страной, где объем внутреннего турпотока превзошел показатели 2019 года. В июне внутренний турпоток удалось восстановить нескольким небольшим государствам (Сербия, Словения, Мальта и Кипр).

3. *Первое частичное или полное восстановление внутреннего турпотока* (с июля по октябрь 2020 года). В большинстве стран в тот период индекс восстановления внутреннего турпотока приблизился к 100%, а в некоторых – даже превысил этот уровень. То есть в ряде стран началось частичное замещение въездного турпотока внутренним. Однако в странах с большой численностью населения, где в туризме сохранялись строгие ограничения (Россия, Турция, Румыния, Польша, Германия, Франция, Италия и Испания), так и не произошло восстановления внутреннего турпотока ни в одном из месяцев этого периода. Также не восстановился внутренний турпоток в Швеции, даже несмотря на то, что в ней не был введен локдаун в

первую волну пандемии. При этом лидерами по восстановлению внутреннего турпотока стали небольшие страны: Исландия, Люксембург, Мальта, Северная Македония и Кипр.

4. *Второй локдаун* (с ноября 2020 года по апрель 2021 года). В ряде больших и средних стран (Германия, Франция, Австрия, Венгрия, Чехия и Словакия) индекс восстановления внутреннего турпотока заметно снизился, но в некоторых странах (Швейцария, Албания, Эстония) ситуация изменилась незначительно.

5. *Второе восстановление турпотока* (с мая по октябрь 2021 года). Несмотря на относительно большую открытость границ по сравнению с летним сезоном 2020 года, в большинстве стран Европы внутренний турпоток не уменьшился, и часто даже превышал уровень 2019 года. В этом плане особо выделялись малые страны. Лишь волна штамма «дельта» на время приостановила процесс роста внутреннего турпотока.

6. *Волна «омикрона»* (с ноября 2021 года по март 2022 года). В этот период произошло кратковременное снижение индекса восстановления внутреннего турпотока. По окончании волны «омикрона» большинство европейских стран или подошли вплотную к уровню 2019 года, или же превзошли его.

То есть в целом динамика внутреннего турпотока в странах Европы характеризовалась более быстрым восстановлением, чем динамика въездного турпотока. Однако надежды на замещение въездного турпотока внутренним в большинстве стран не оправдали себя. Лидерами по восстановлению внутреннего турпотока стали малые страны Европы с высокой долей туризма в их экономике. Вероятно, это было связано с тем, что туристская инфраструктура этих стран, будучи ранее перегруженной, стала доступнее для своих граждан.

На рисунке 35 показана динамика индекса восстановления въездного турпотока в странах Европы с января 2020 года по сентябрь 2023 года. Индекс рассчитан по сумме прибытий во все 42 исследуемые страны. В качестве

источников использована национальная статистика туризма стран Европы. Из выборки исключены Ватикан, Ирландия, Украина и Беларусь (отсутствует статистика прибытий по месяцам или кварталам), а также частично признанные и непризнанные страны (наиболее значимыми для туризма являются Северный Кипр и Косово), по которым также недостаточно данных для построения полного ряда.

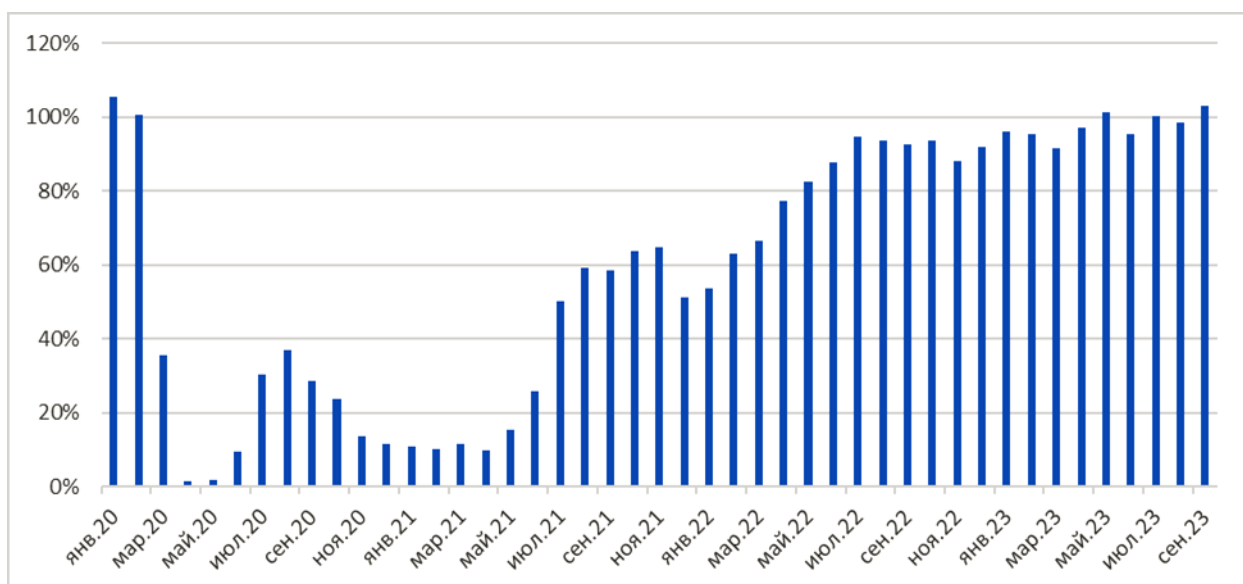

Рисунок 35 – Индекс восстановления въездного турпотока (к соответствующему месяцу 2019 года)

Диаграмма позволяет выделить основные этапы кризиса, которые тесно связаны с этапами самой пандемии и введенными властями ограничениями для туристов, исходя из представлений об опасности в данный момент.

Самыми суровыми для туризма были весенний локдаун 2020 года (почти нулевое количество прибытий) и длительный локдаун 2020–2021 годов, продлившийся с ноября по май 2021 года (в это время суммарное количество прибытий не превышало 20% от уровня 2019 года). Волна «омикрона», прошедшая в ноябре 2021 года – марте 2022 года, не привела к сильному спаду турпотока, так как в большинстве стран жители уже прошли вакцинацию или переболели, поэтому жестких ограничений не вводилось.

В летний период всегда происходило частичное восстановление турпотока, так как власти обычно ослабляли ограничения как по причине достигнутых успехов по снижению заболеваемости, так и по причине необходимости поддержать сферу туризма, не дав ей разориться, а также реализовать отложенный спрос на отдых граждан. Однако в условиях незавершившейся пандемии восстановление турпотока было медленным из-за различных ограничений на въезд в страну и сократившегося числа международных авиарейсов, маршрутов поездов и автобусов. Даже летом 2022 года, когда почти все ограничения на въезд были сняты, еще не произошло полного восстановления въездного турпотока. С июля 2022 года значение ИВТп не опускалось ниже 90% (за исключением ноября 2022 года). Причины этого следует рассмотреть более подробно с помощью анализа значений ИВТп в разрезе по странам (рис. 36).

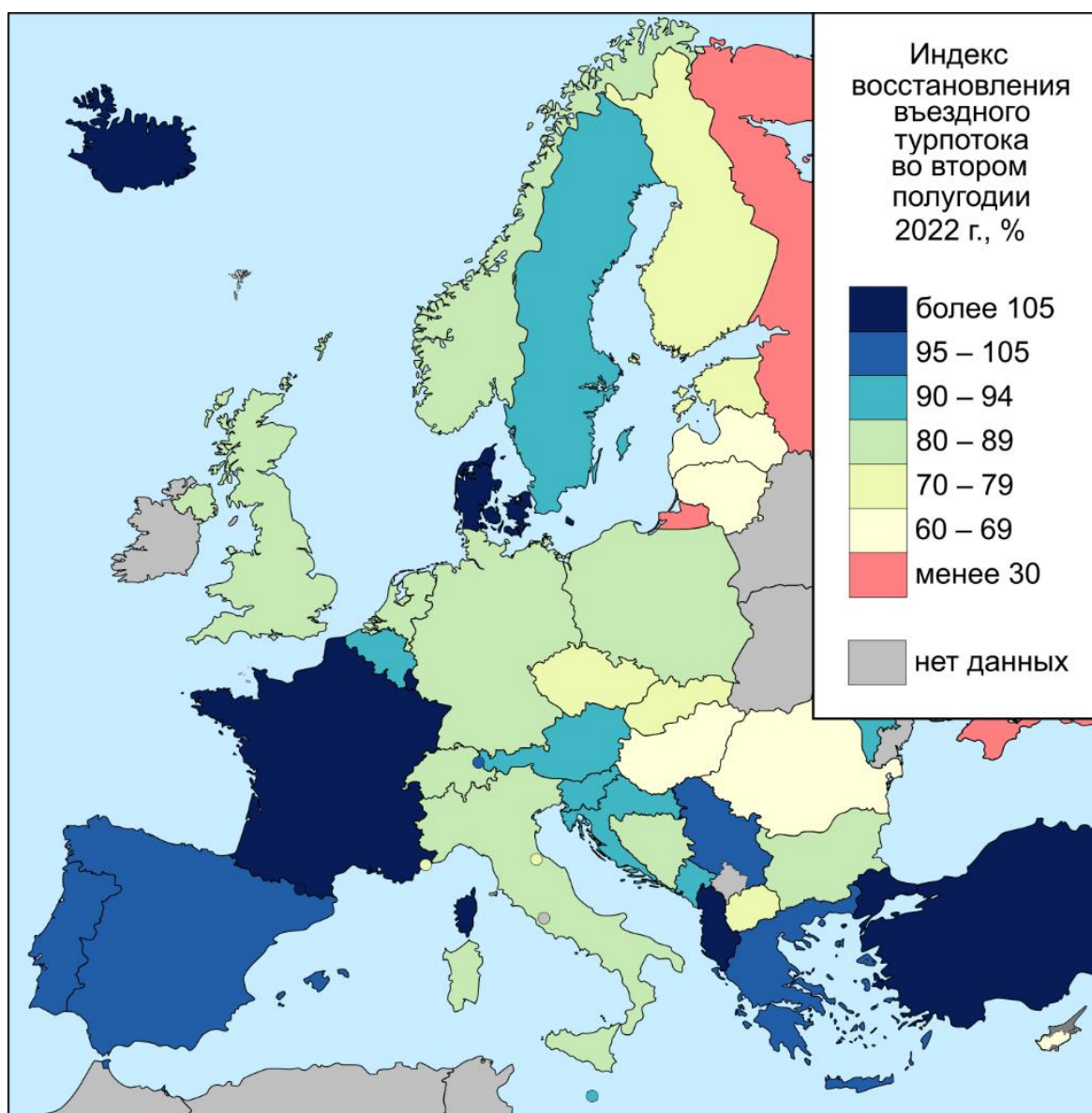

Рисунок 36 – Индекс восстановления турпотока в странах Европы во втором полугодии 2022 года

На страны с высоким уровнем восстановления (более 95%) приходится 47% прибытий в данном полугодии. В основном это страны, специализирующиеся на пляжном отдыхе (Португалия, Испания, Франция, Албания, Греция, Турция). Исключение составили Дания и Исландия (экотуризм), а также Сербия (культурно-познавательный туризм, рост за счет турпотока из России).

Худшие показатели восстановления демонстрируют три группы стран:

1. Страны Евросоюза, которые сильно зависели от турпотока из России и/или из Республики Беларусь: Финляндия, Эстония, Латвия и Литва. Восстановлению турпотока помешало введенное летом 2022 года ограничение на въезд для российских туристов. Также в эту группу попадает Кипр, но по другой причине: турпоток россиян на остров зависел от количества прямых авиарейсов, и резко сократился после их отмены в марте 2022 года. На всех перечисленных странах также сказались ограничение выдачи шенгенских виз для россиян (отмена упрощенного режима и закрытие консульств).

2. Некоторые страны Восточной Европы, в которых турпоток в значительной степени зависит от объема авиаперевозок (Венгрия, Чехия, Словакия). Так, по данным статистической службы Венгрии, в 2022–2023 годах пассажиропоток аэропорта Будапешта (им. Ф. Листа) из Великобритании составил лишь 50–60% от уровня 2019 года, а из Германии – 60–70%. Эти две страны в 2019 году лидировали по числу прибытий в Венгрию (по гостиничной статистике), и восстановление турпотока из них наиболее существенно влияет на общую величину прибытий. В региональной структуре въездного турпотока примерно две трети приходится на Будапешт, и именно он отстает по уровню восстановления турпотока. Остальные регионы Венгрии, ориентирующиеся в основном на обслуживание туристов из соседних стран, уже восстановились до уровня 2019 г.

3. Россия – единственная страна третьей группы. В России большая часть въездного турпотока в 2019 году приходилась на Украину, Казахстан и Китай. В 2022–2023 годах Украина перестала быть основным источником туристов из-за военных действий, а Китай – из-за сохранявшихся пандемийных ограничений на выезд из страны. Турпоток из европейских стран также практически иссяк по причине прекращения прямого авиасообщения, финансовых санкций и геополитической напряженности.

На рисунке 37 показана динамика ИВТп за первые 9 месяцев 2023 года.

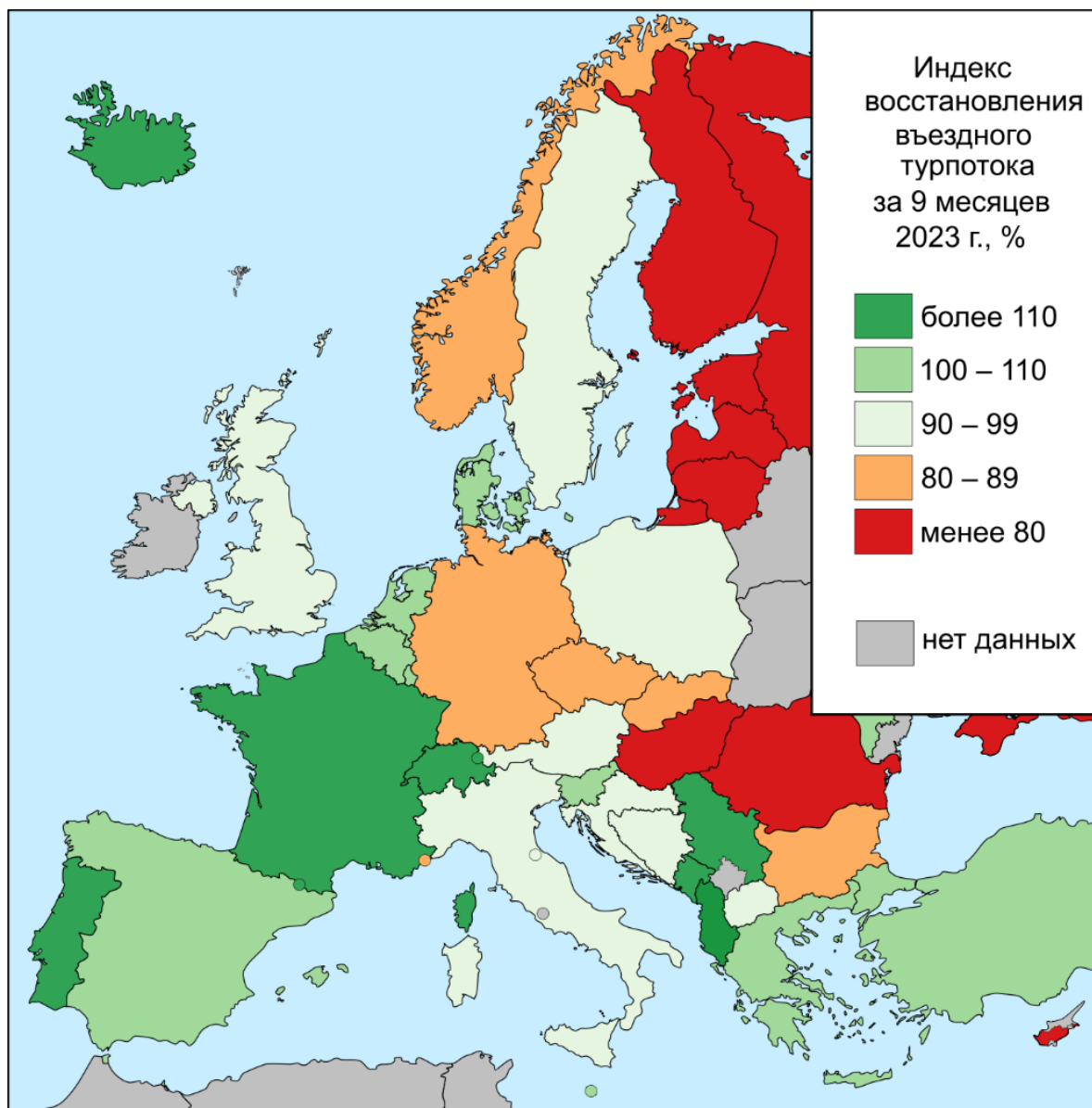

Рисунок 37 – Индекс восстановления турпотока в первые 9 месяцев 2023 года

Принципиальных изменений за 9 месяцев 2023 года не произошло. Лишь небольшие изменения произошли в группе лидеров по восстановлению въездного турпотока (к которым прибавились Швейцария и Черногория), почти те же страны остались в группе аутсайдеров (Россия, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Венгрия, Румыния и Кипр).

Относительная устойчивость сложившегося положения может быть объяснена как трудностями в экономике крупнейших европейских стран – основных генераторов въездного турпотока, так и сохраняющимся политическими ограничениями на въезд российских туристов в границах с

Россией страны Евросоюза. Этим странам пока не удалось заместить российский турпоток. Россия же практически лишилась въездного турпотока, и пока удастся замещать его внутренним по причине резкого сокращения международных авиарейсов в пользу внутренних.

Произошедшую после пандемии реструктуризацию въездных турпотоков можно продемонстрировать с помощью долей на рынке европейского въездного туризма. На рисунке 38 приводятся две карты для удобства сопоставления: изменение доли страны во въездном турпоточе Европы за 9 месяцев 2023 года (по сравнению с тем же периодом 2019 года) и собственно доля страны во въездном турпоточе Европы в первые 9 месяцев 2023 года.

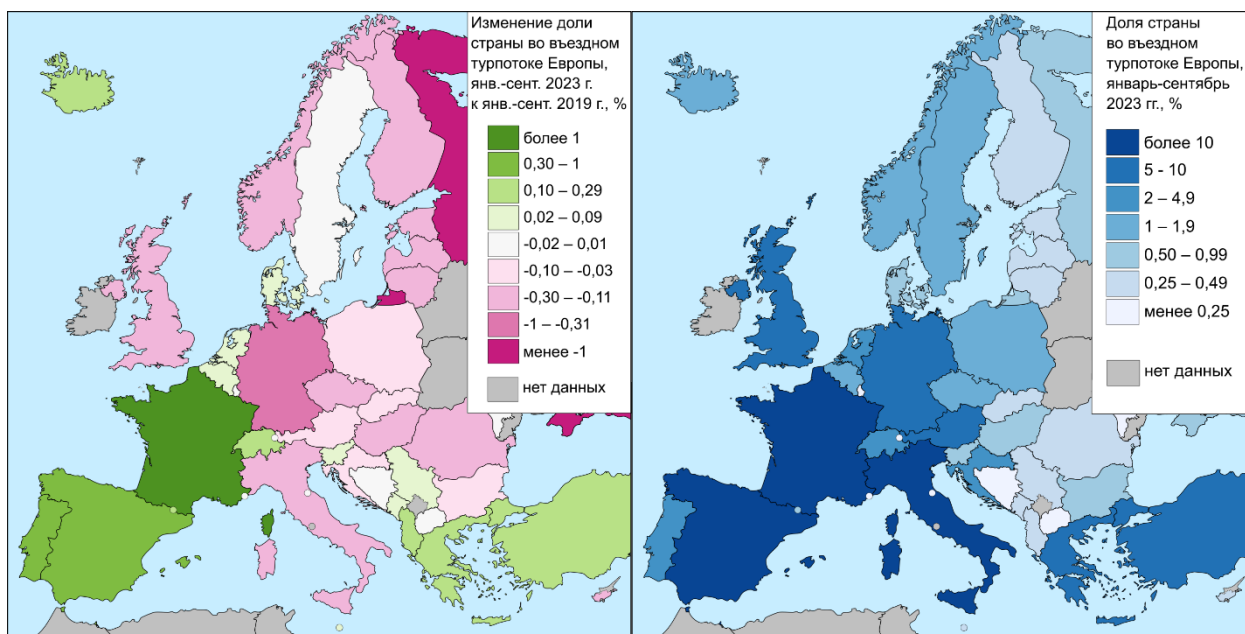

Рисунок 38 – Изменение доли страны во въездном турпоточе Европы за 9 месяцев 2023 года (по сравнению с тем же периодом 2019 года) и собственно доля страны во въездном турпоточе Европы в первые 9 месяцев 2023 года.

Как видно из приведенных карт, страны из одной и той же «весовой категории» демонстрируют разнонаправленную динамику, за исключением группы стран с наименьшей долей (менее 0,25%), вес которых практически не изменился.

Наиболее крупные туристские страны Южной Европы, кроме Италии, увеличили свою долю, что говорит о росте спроса на пляжный отдых в теплых странах. Отдельно стоит выделить Францию, которую окружают наиболее населенные страны Европы и которая удобна для поездок из них ввиду небольших расстояний. Из стран, не специализирующихся на пляжном отдыхе, рост показали в основном соседи Франции и Германии: страны Бенилюкса и Швейцария (страны средней «весовой категории», имеющие в сумме 8% всего въездного турпотока в Европе), а также Дания, что, скорее всего, сигнализирует о сокращении средней дальности поездок туристов из крупных стран и выборе более дешевых вариантов отдыха. Также рост доли продемонстрировали Исландия и Словения, специализирующиеся на экотуризме и горном туризме, и Сербия, которая стала одной из немногих европейских стран, доступной для россиян.

Уменьшение доли в европейском въездном туризме фиксируется в Великобритании и странах Скандинавии с довольно дорогим отдыхом, странах Восточной Европы (причины были описаны выше), а также Италии, в которой примерно 15% прибытий приходилось на США и Китай, авиасообщение с которыми не восстановлено в полной мере.

По состоянию на второе полугодие 2023 года были определены следующие тенденции въездного туризма в Европе после пандемии: 1) усиление геополитического фактора в формировании въездных турпотоков – наиболее пострадали страны, находящиеся на стыке геополитического разлома, в т.ч. Россия; однако Сербия стала исключением, она сумела нарастить въездной турпоток; 2) спрос на пляжный туризм вырос по сравнению с 2019 годом, что отразилось на странах, специализирующихся на нем; 3) по причине слабого роста доходов или даже их падения в крупнейших странах Европы дальность поездок туристов сократилась, отчего выиграли страны между Францией и Германией и некоторые другие малые страны Западной Европы;

восточноевропейские страны, даже те, которые не зависели от российского турпотока, оказались в невыгодном положении.

4.3 Типология регионов стран Европы по степени пространственной реструктуризации турпотока в XXI веке

Для оценки пространственной реструктуризации турпотоков в Европе в начале третьего десятилетия XXI века были выбраны три ключевых года, которые отличаются по объему и структуре турпотоков, а интервалы между ними имеют специфические черты. Это 2019, 2021 и 2022 годы. Первый (2019 год) является последним допандемийным годом, отражающим результат ускоренного роста турпотоков в Европе в первых двух десятилетиях XXI века. Второй (2021 год) характеризует падение турпотоков на пике пандемии COVID-19. Третий (2022 год) отражает начало восстановления турпотоков на заключительном этапе пандемии. На сравнении объемов въездного, внутреннего и суммарного турпотоков по регионам европейских стран 2021 и 2022 годов к 2019 году, а также 2019 года к 2003 году (период стабильного роста турпотоков) и построена интегральная типология регионов по реструктуризации турпотоков в XXI веке.

Если особенности динамики турпотоков в Европе на региональном уровне в период с 2003 по 2019 годы, а также падение объемов турпотока к 2021 году были рассмотрены выше, то динамика объемов турпотоков в 2022 году оказалась пока не рассмотренной. На рисунке 39 показан прирост въездного турпотока в 2022 году по отношению к 2019 году.

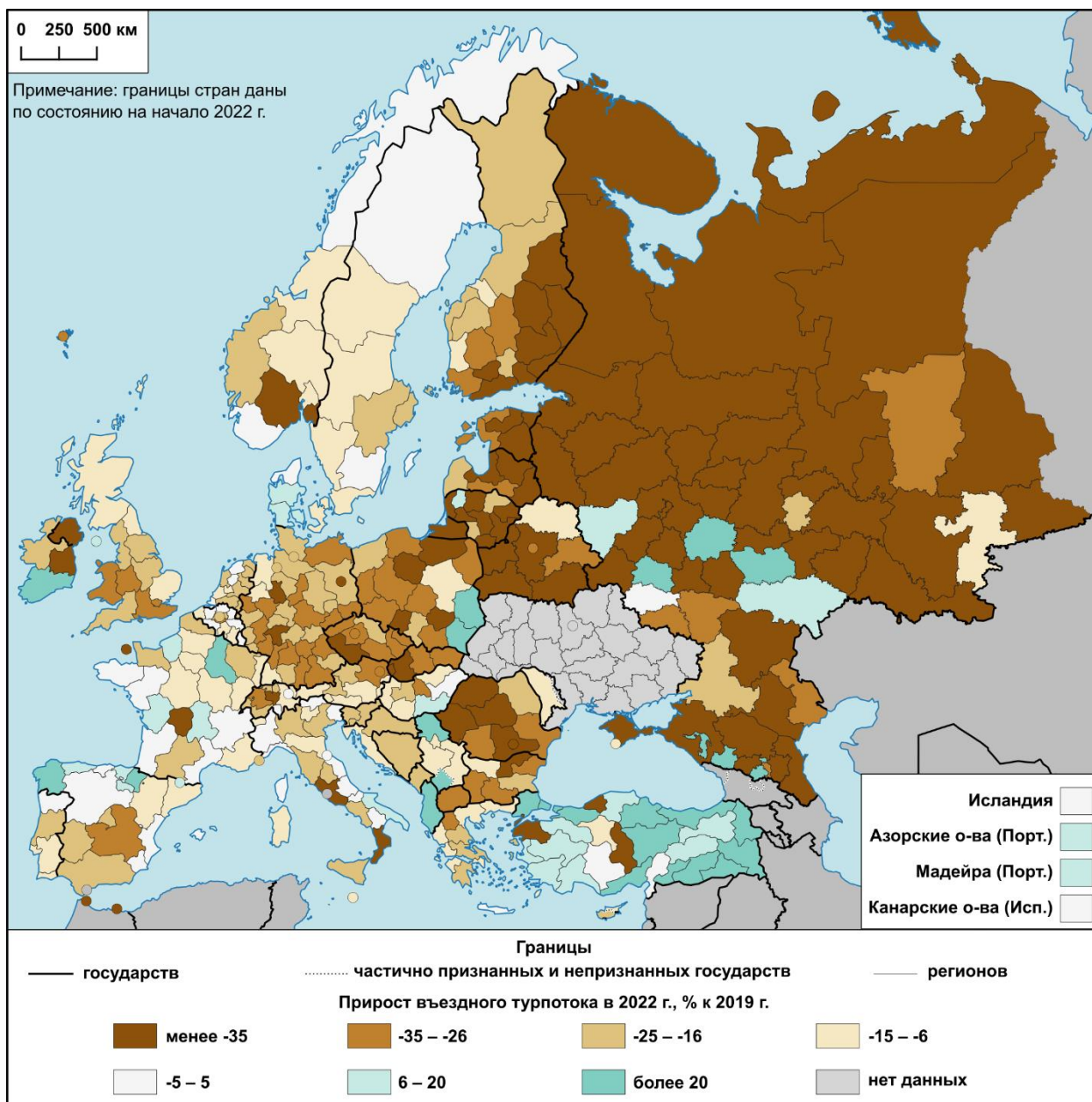

Рисунок 39 – Прирост въездного турпотока в 2022 году по отношению к 2019 году

При анализе региональной динамики въездного турпотока за 2022 год следует помнить, что в первую половину года еще действовали в той или иной мере санитарные ограничения, и потому полное восстановление произошло лишь в редких регионах с не самым высоким турпотоком. Кроме того, в 2022 году практически все регионы, по которым есть данные, показали прирост по отношению к 2021 году, поэтому целесообразнее оценивать степень восстановления по отношению к допандемийному 2019 году.

Украинские беженцы, скорее всего, не оказали существенного влияния на въездной турпоток соседних стран. Исключение – два граничащих с Украиной воеводства Польши, через которую шел основной поток беженцев, они явно выделяются среди остальных воеводств и регионов соседних стран. Также выделяются граничащие с Украиной регионы России, но ввиду незначительного объема въездного турпотока и отсутствия региональных данных по странам прибытия сложно говорить о наличии выраженной зависимости.

В европейской части России большинство регионов демонстрируют самые низкие темпы восстановления в Европе, что связано с прекращением прямого авиасообщения с большинством европейских стран и финансовыми санкциями, ограничивающими возможность расплачиваться иностранными банковскими картами. Кроме того, во многих ключевых для въездного турпотока регионах значительная часть приходилась на туристов из Китая, который в 2022 году еще ограничивал выезд своих граждан за рубеж из-за пандемии. Рост в некоторых регионах связан с эффектом низкой базы.

В сопредельных с Россией регионах сложилась схожая кризисная ситуация, связанная уже с введенными в середине 2022 года ограничениями на въезд для российских туристов.

В некоторых странах Европы (Великобритания, Германия, Чехия, Словакия, Польша, Румыния, Болгария) темпы восстановления низкие и по регионам существенно не отличаются, что говорит либо о позднем снятии санитарных ограничений, либо о завязанности логистики туристов на один авиахаб, пассажиропоток в котором также не восстановился до уровня 2019 года.

Во Франции, Испании и Италии степень восстановления въездного турпотока зависит от регионов: регионы с малым и средним турпоток достигли или близки к достижению уровня 2019 года, в то время как регионы-лидеры (Иль-де-Франс, Венето, Лацио, Андалусия) проигрывают по темпам восстановления. С одной стороны, здесь проявляется эффект высокой базы:

сложно достичь высочайших абсолютных показателей 2019 года (более 10 млн прибытий) в условиях незавершенного восстановления пассажирских перевозок. С другой, эти регионы страдали от последствий сверхтуризма, и неполное восстановление – это скорее благо для них, порой даже заложенное в долгосрочных стратегиях развития.

На рисунке 40 показан прирост внутреннего турпотока в 2022 году по отношению к 2019 году.

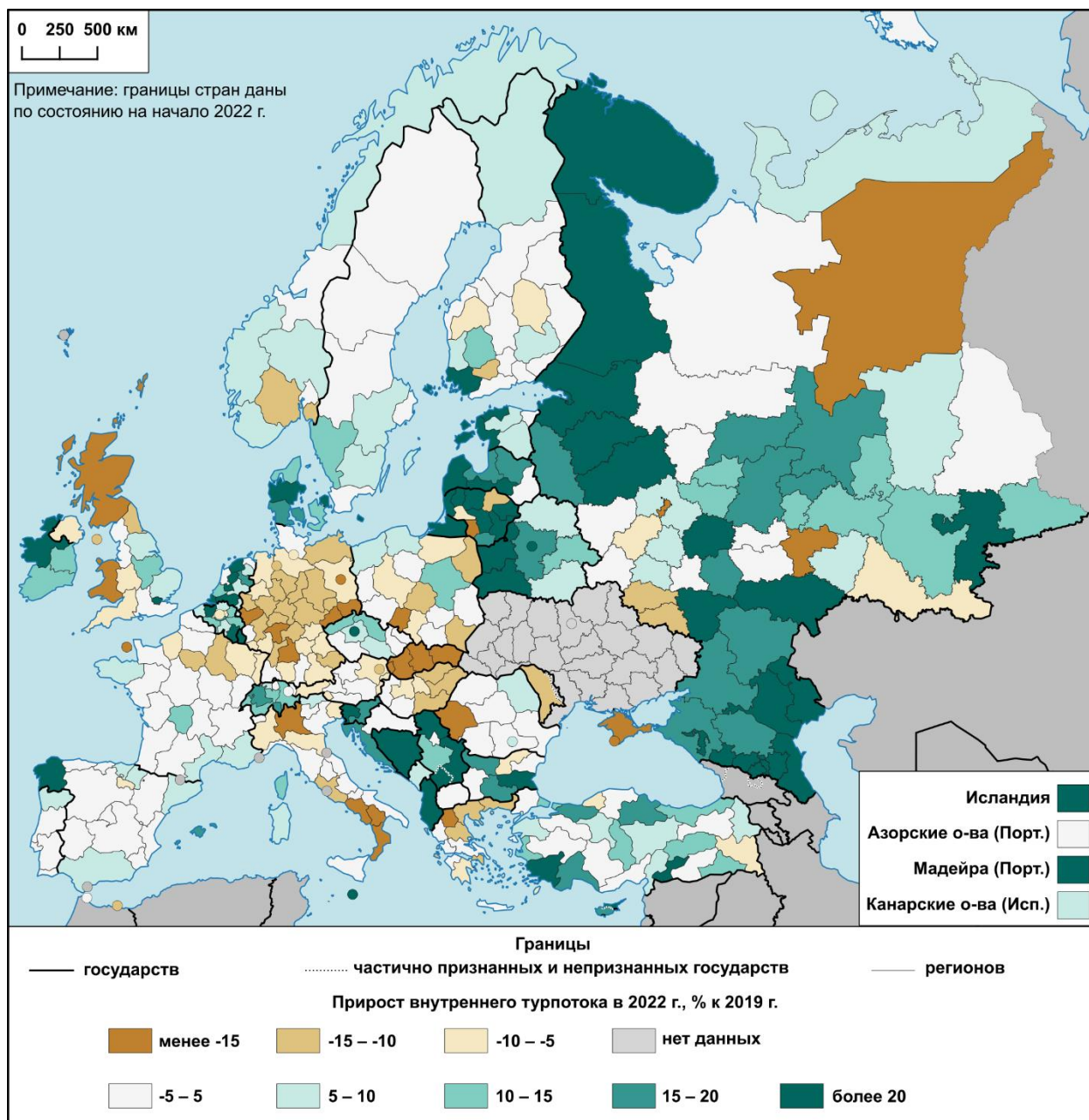

Рисунок 40 – Прирост внутреннего турпотока в 2022 году по отношению к 2019 году

В 2022 году восстановление внутреннего турпотока произошло в большинстве регионов Европы.

В числе аутсайдеров входили почти все регионы Германии, Словакии, Венгрии, значительная часть регионов Великобритании, Италии, Греции. Из российских регионов наихудшие темпы восстановления наблюдались в Крыму, Курской и Белгородской областях, где были закрыты аэропорты и появилась угроза безопасности для туристов ввиду близости зоны боевых действий, а также Москва, падение внутреннего турпотока в которой, возможно, связано с резким сокращением количества авиарейсов за рубеж.

Регионы-лидеры по приросту внутреннего турпотока остались те же, что и в 2021 году. К ним добавились регионы Ирландии, Чехии и почти все приморские регионы Балтийского моря.

На рисунке 41 представлен прирост суммарного турпотока в 2022 году по отношению к 2019 году.

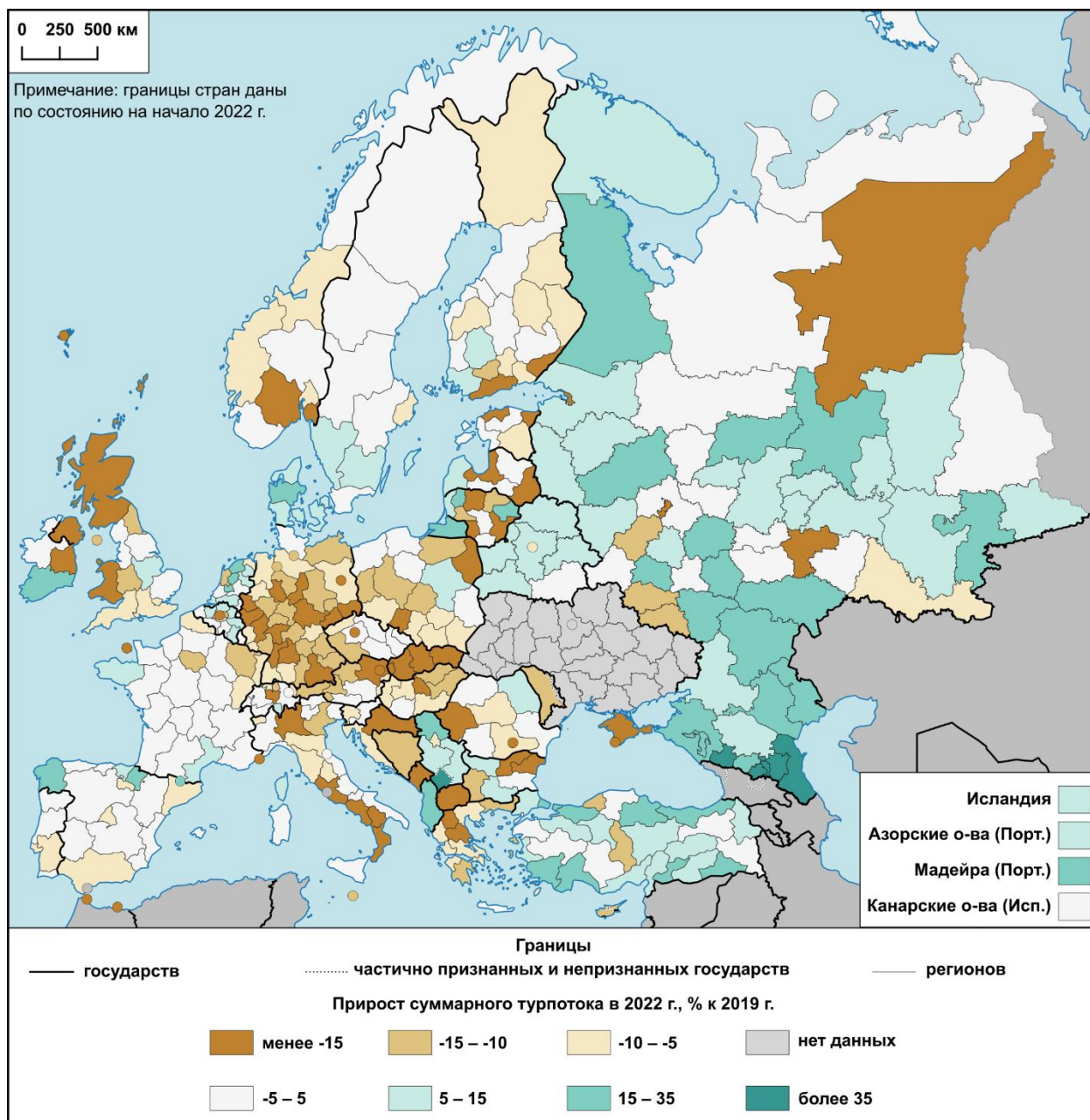

Рисунок 41 – Прирост суммарного турпотока в 2022 году по отношению к 2019 году

Полного или почти полного восстановления достигло большинство регионов малых стран, Франции, Испании, Турции, Сербии, Беларуси, России. Отдельно выделяется Южная Ирландия.

Южные приморские регионы Италии, регионы Восточной Адриатики и все регионы Греции, кроме Крита, а также Кипр и Мальта, т.е. значительная часть регионов массового пляжного туризма, в 2022 году восстановились не полностью.

Значительная часть регионов Великобритании, Германии, Словакии, Австрии, Венгрии, Польши также еще не прошли этап восстановления турпотока.

Интегральная типология регионов стран Европы по динамике турпотоков в период с 2003 по 2022 годы построена на основе темпов роста турпотоков в три разных периода: 1) увеличения объемов турпотоков (2019 год к 2003 году); 2) падения турпотоков во время пандемии (2021 год к 2019 году); 3) восстановления турпотоков после пандемии (2022 год к 2019 году). Регионы были разделены по медиане темпов роста турпотока на две крупные группы: с более высокими темпами роста и с более низкими относительно среднеевропейских в данный период. В типологию не включены украинские регионы ввиду отсутствия данных за 2021 и 2022 годы.

На рисунке 42 показана типология регионов стран Европы по темпам роста въездного турпотока в период с 2003 по 2022 годы (с разбивкой на три временных интервала).

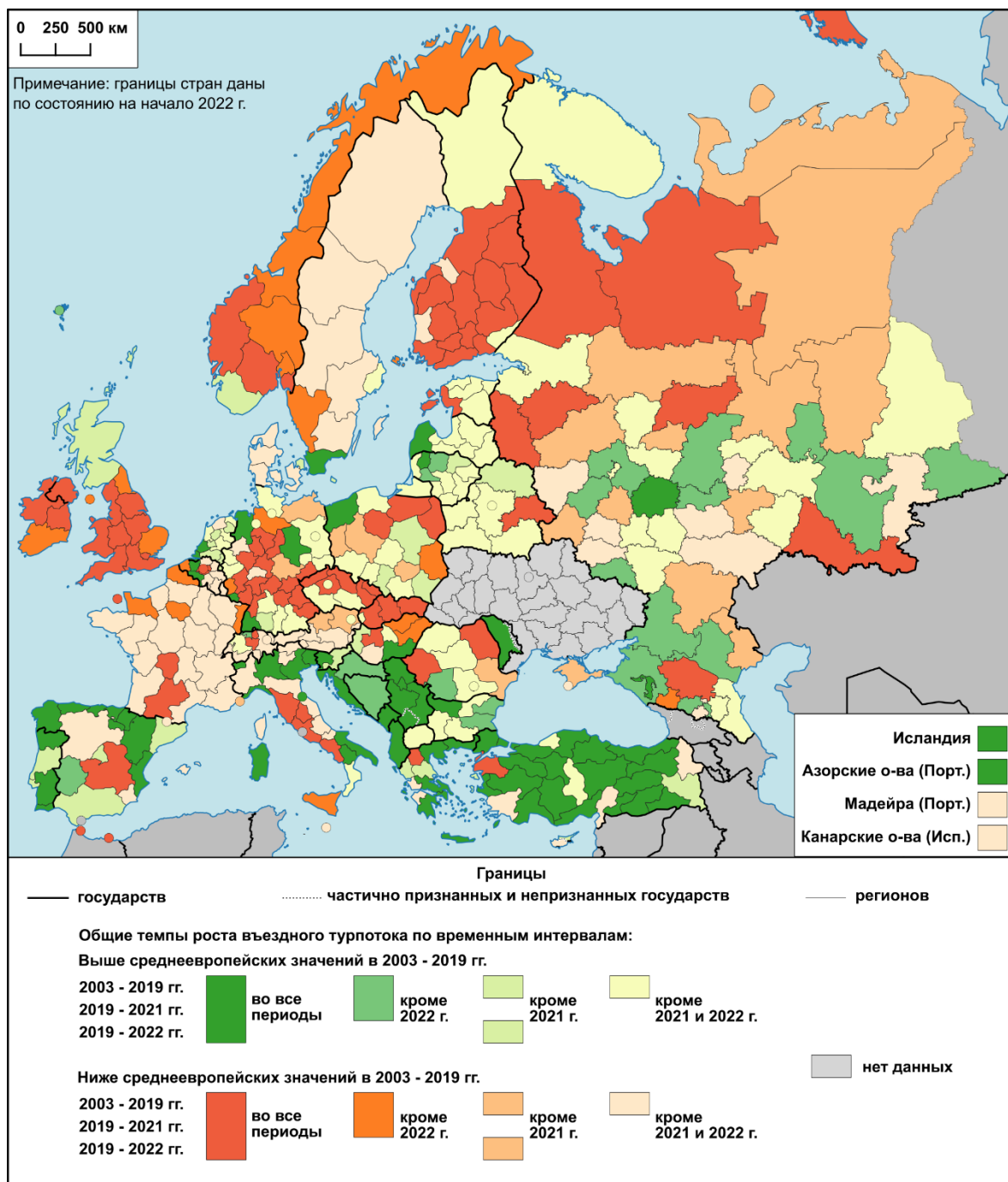

Рисунок 42 – Типология регионов по общим темпам роста въездного турпотока по временным интервалам 2003–2019, 2019–2021 и 2019–2022 ГОДОВ

В соответствии с особенностями динамики въездного турпотока в разные временные интервалы выделены две крупные группы регионов.

I. Регионы с более высокими темпами роста въездного турпотока в 2003–2019 годах (на карте показаны оттенками зеленого и желтого цветов).

Как уже говорилось ранее, они расположены в основном в странах Восточной и Южной Европы. Они разделены на 4 подгруппы:

1) *регионы-лидеры*, которые обладают высокими темпами роста въездного турпотока до 2019 года, наименее сильным падением турпотока в 2021 году и полным (или почти полным) восстановлением турпотока в 2022 году. Это регионы, интерес туристов к которым устойчиво растет. Значительная часть регионов этой подгруппы имеет небольшой турпоток, т. е. в абсолютных значениях рост (или падение в пандемию) могут быть практически незаметны на общем фоне. Можно сказать, что это регионы развивающегося туризма. Показательно, что таких регионов нет во Франции и Англии, т. е. в странах, наиболее посещаемых туристами. Наибольшая концентрация таких регионов наблюдается на Балканах и в Турции, а также в Испании и Португалии. Преимущества этих стран – теплый климат с возможностью пляжного отдыха, а также высокая концентрация историко-культурных достопримечательностей. Для стран бывшей Югославии характерен скорее восстановительный рост после военных конфликтов 1990-х годов;

2) *регионы устойчивого роста въездного турпотока с замедленными темпами восстановления после пандемии* (в 2022 году). Эта подгруппа похожа на предыдущую, а замедленные темпы восстановления объясняются либо более сильным снижением в январе-феврале 2022 года, либо замедленным восстановлением транспортного сообщения. Вторая подгруппа регионов немногочисленна, они в основном географически расположены рядом с регионами первой подгруппы;

3) *регионы устойчивого роста въездного турпотока, более сильно пострадавшие в пандемию* (в 2021 году), но восстановившиеся в 2022 году. Таких регионов тоже немного, в основном они находятся в Нидерландах, Испании, Португалии, Польше, Великобритания (Шотландия) и некоторые другие. Эти регионы пострадали скорее от введенных ограничений, чем от других факторов;

4) *регионы устойчивого роста въездного турпотока, более сильно пострадавшие в пандемию (в 2021 году) и не восстановившиеся в 2022 году.* Это более обширная подгруппа, значительная часть таких регионов расположена в приграничье стран Балтии и Финляндии, Беларуси и России, где ограничения на пересечение границы действовали сначала по эпидемиологическим, а потом и по геополитическим причинам.

II. Регионы с более низкими темпами роста въездного турпотока в 2003–2019 годах (на карте показаны оттенками красного и оранжевого цветов):

5) *регионы с медленным ростом въездного турпотока, сильнее пострадавшие в пандемию и с низкими темпами восстановления.* Это, как правило, наиболее посещаемые туристами регионы, интерес к которым угасает, или регионы, не специализирующиеся на развитии туризма (туристская периферия), например, центральная часть Германии или большая часть регионов Финляндии;

6) *регионы с медленным ростом въездного турпотока, сильнее пострадавшие в пандемию и с высокими темпами восстановления в 2022 году.* Таких регионов немного, они в основном примыкают к предыдущей группе. Выявить причину быстрого восстановления въездного турпотока затруднительно, хотя в некоторых случаях возможно влияние трансграничного турпотока (Норвегия, Венгрия);

7) *регионы с медленным ростом въездного турпотока, менее пострадавшие в пандемию, но с низкими темпами восстановления в 2022 году.* Большая часть таких регионов находится в европейской части России, и они имеют незначительный въездной турпоток;

8) *регионы с медленным ростом въездного турпотока, менее пострадавшие в пандемию и с высокими темпами восстановления в 2022 году.* Данных регионов особенно много в Швеции, Дании, Франции, Австрии, Швейцарии, есть несколько в Италии. В этой группе много альпийских регионов, в которых развит трансграничный туризм, несколько крупных

пляжных (в Италии и Франции). Большое количество французских регионов в этой группе, скорее всего, из-за более мягких ограничений для туристов во время пандемии и более быстрого снятия ограничений после ее завершения.

На рисунке 43 показана типология регионов европейских стран по темпам роста внутреннего турпотока в период с 2003 по 2022 годы.

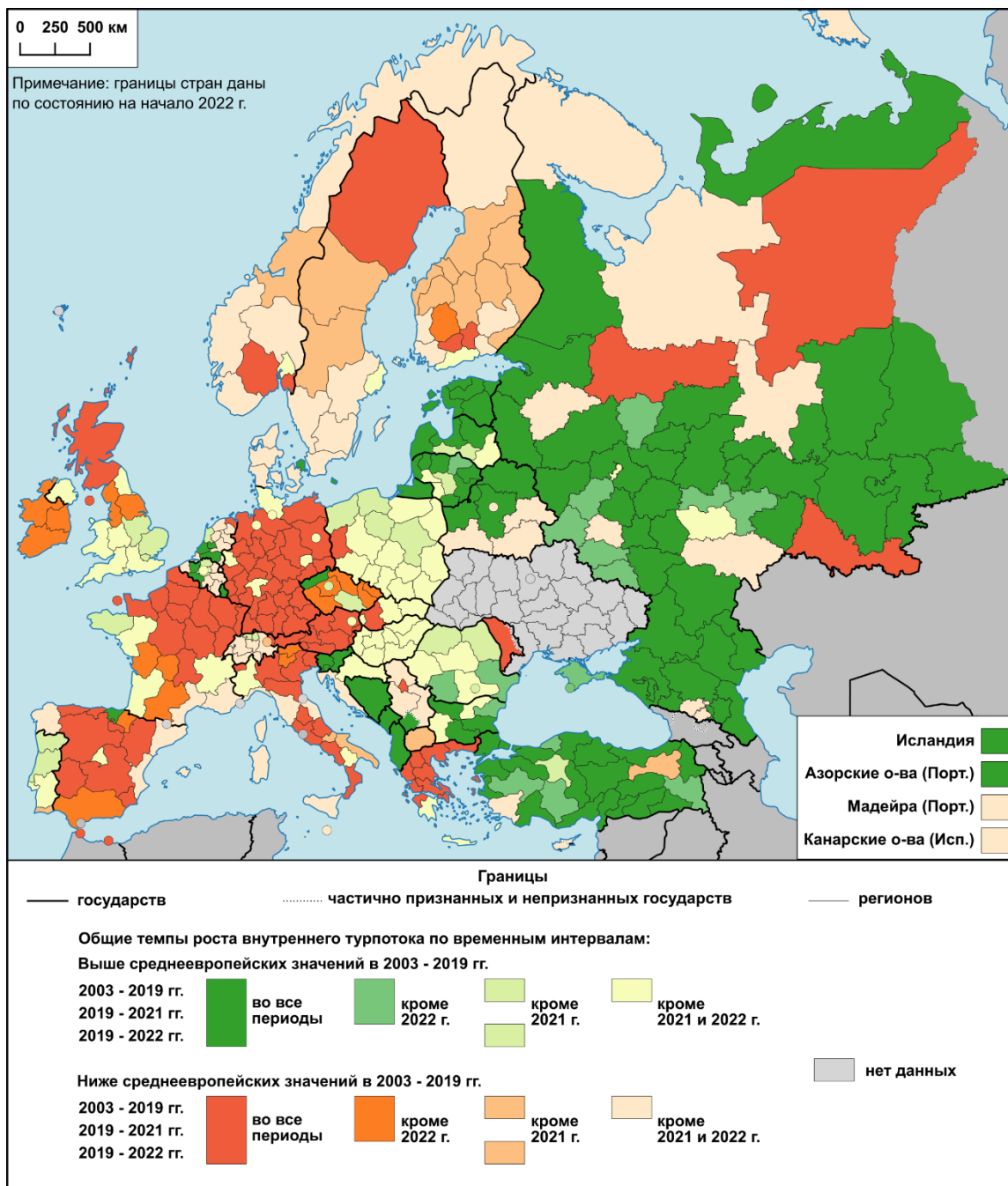

Рисунок 43 – Типология регионов по общим темпам роста внутреннего турпотока по временным интервалам 2003–2019, 2019–2021 и 2019–2022

ГОДОВ

На этой карте более заметно выделяются страны, а внутри стран различия минимальны за редким исключением.

«Красные» страны с низкими темпами роста внутреннего турпотока (Германия, Франция, Испания, Италия, Австрия, Чехия, Сербия, Греция, Ирландия, все скандинавские страны). Значения выше среднеевропейских наблюдаются обычно в столичных регионах, а также некоторых приморских регионах.

«Зеленые страны» с высокими темпами роста внутреннего турпотока (большинство постсоциалистических восточноевропейских стран, а также Турция и Исландия). У них мало «красных» регионов.

На рисунке 44 представлена интегральная типология регионов европейских стран по динамике суммарного турпотока за период с 2003 по 2022 годы с разбивкой на три обозначенных выше временных интервала.

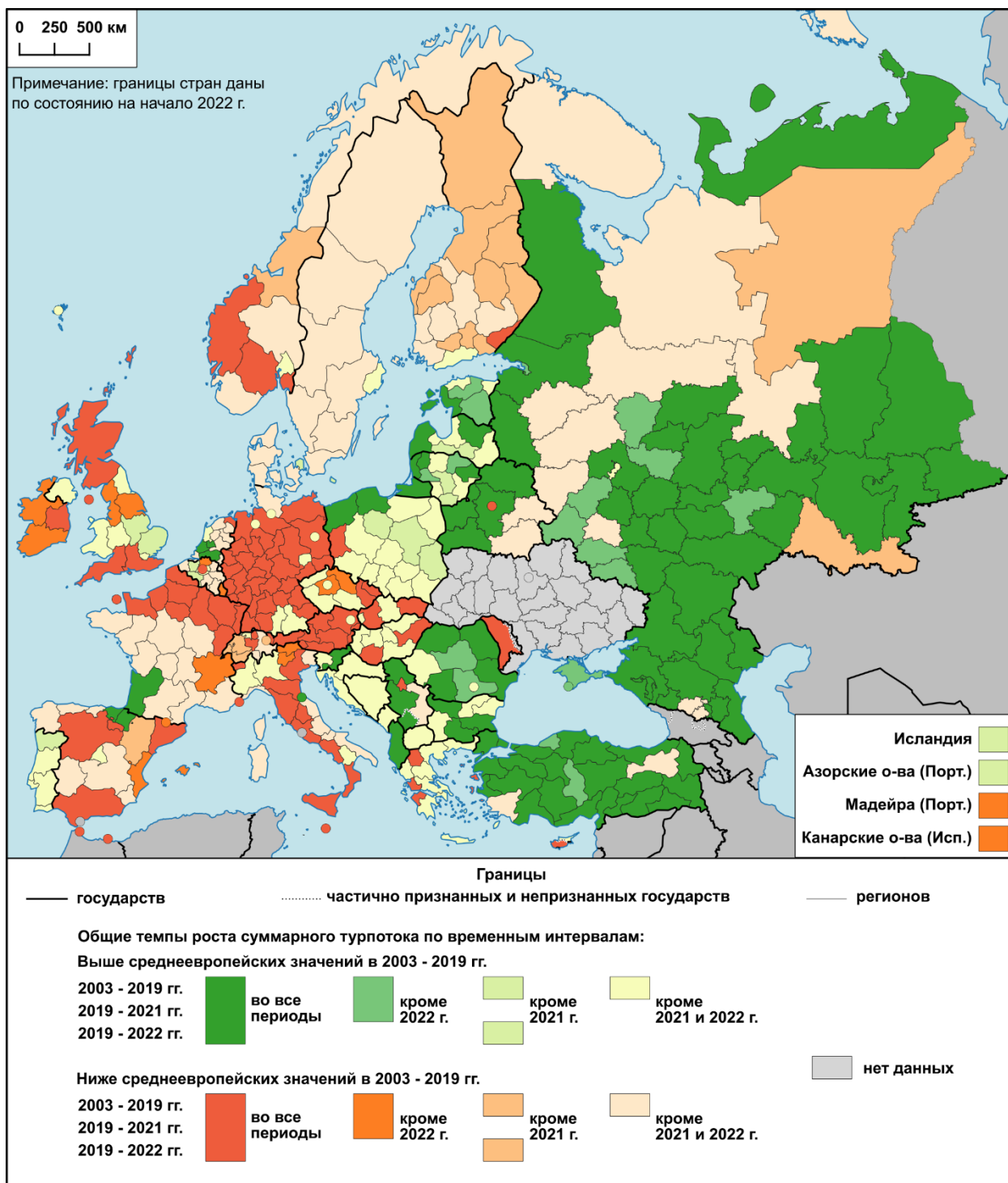

Рисунок 44 – Типология регионов по общим темпам роста суммарного турпотока по временным интервалам 2003–2019, 2019–2021 и 2019–2022 ГОДОВ

Типология регионов стран Европы по динамике суммарного турпотока в период с 2003 по 2022 годы достаточно близка к типологии регионов европейских стран по динамике внутреннего турпотока (см. рис. 43), что

свидетельствует о том, что общая динамика турпотока в данный период в значительной мере определялась именно успехами стран по развитию внутреннего туризма.

Таким образом, интегральная типология регионов стран Европы по реструктуризации турпотоков в XXI веке построена на основе сопоставления темпов роста турпотока в три периода: 1) стабильного увеличения объемов турпотока (2019 год к 2003 году); 2) падения объема турпотока во время пандемии (2021 год к 2019 году); 3) восстановления турпотока после пандемии (2022 год к 2019 году). Регионы разделены по медиане темпов роста турпотока на две группы: с более высокими темпами роста турпотока и с более низкими относительно среднеевропейских в данный период. Общим трендом пространственной реструктуризации въездных турпотоков в Европе в XXI веке являлось значительное повышение удельного веса стран Юго-Западной Европы (Португалия, Испания, ряд регионов Италии), Юго-Восточной Европы (регионы Адриатики, Балканских стран, Греции) и особенно Турции. Во внутренних и суммарных турпотоках наиболее устойчивый рост наблюдался в регионах стран Восточной Европы (включая Россию) и Турции. Страны, расположенные в западной части Европы, характеризовались наиболее низкими темпами роста внутреннего и суммарного турпотока.

Заключение

В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты.

1. Выявлено, что в период с 2003 по 2019 годы в европейских странах при двукратном росте международного туристского обмена произошел заметный сдвиг въездного турпотока в восточную часть Европы, особенно в постсоциалистические страны, вошедшие в Евросоюз, а также в Турцию. Также в этот период в большинстве стран Европы прослеживался тренд на рост разнообразия въездного туристского потока, однако со временем он стал затухать из-за приближения к максимально возможной степени разнообразия турпотока. Примерно в половине государств Европы снизилась доля турпотока из соседних стран, в нескольких странах – выросла, в остальных случаях соседский турпоток сохранял стабильный удельный вес в общем объеме въездного турпотока. При этом в большинстве европейских стран обозначилось падение в общей величине туристского потока доли внутреннего турпотока, объем которого вырос только в полтора раза.

2. В период до начала пандемии COVID-19 наибольшая концентрация регионов стран Европы, специализирующихся на въездном туризме, наблюдалась в Средиземноморье, в Восточных Альпах, а также в ряде европейских столиц и их окружении. В большинстве регионов стран Восточной Европы, а также на северо-востоке Германии, северо-восточной части Турции доля въездного турпотока была наиболее низкой. При этом вплоть до 2019 года нарастала концентрация въездного турпотока в ведущих туристско-рекреационных центрах, и увеличивался разрыв между ними и регионами, отстающими в росте турпотоков. Однако наибольший прирост суммарного турпотока в этот период приходился именно на регионы стран Восточной Европы (кроме Украины), а западноевропейские регионы характеризовались на этом фоне средними темпами прироста суммарного турпотока.

3. Были определены следующие пространственные закономерности в падении величины въездного турпотока в странах Европы в начальный период пандемии COVID-19. Во-первых, въездной турпоток фактически обрушился в большинстве стран Южной Европы (особенно средиземноморских), специализировавшихся на рекреации (пляжном отдыхе) на уровне всего Европейского туристского макрорегиона. Во-вторых, въездной турпоток резко сократился в менее развитых странах Юго-Восточной Европы, а также в России, с начала пандемии оказавшейся отрезанной от туристского рынка Шенгенской зоны. В-третьих, в структуре прибытий иностранных туристов в страны, отличающиеся минимальным сокращением въездного турпотока, увеличилась доля туристов из соседних стран. Лишь в отдельных регионах европейских стран в период пандемии удалось нарастить внутренний турпоток, что позволило частично компенсировать значительное падение объема въездного турпотока.

4. Использование индекса замещения въездного турпотока, рассчитанного на период с июля по сентябрь 2020, 2021 и 2022 годов (по сравнению с соответствующим периодом 2019 года), позволило обнаружить следующие закономерности в изменении географии внутренних турпотоков в странах Европы вследствие пандемии COVID-19. Во-первых, произошел рост числа прибытий в сравнительно малолюдных периферийных районах стран, обладающих, в первую очередь, значительными рекреационными ресурсами. Во-вторых, произошло сокращение прибытий в столицах стран и других крупных городах.

5. В большинстве стран Европы в 2021 и 2022 годах удалось частично компенсировать катастрофическое падение объема въездного турпотока, произошедшее на начальном этапе пандемии. Если в 2020 году рост внутреннего турпотока произошел только в половине стран Европы, то в 2022 году заместительный эффект от роста внутреннего турпотока не наблюдался только в шести европейских странах. Лидерами по степени замещения

въездного турпотока внутренним в 2022 году по сравнению с 2019 годом стали Франция, Дания, Литва, Финляндия, Нидерланды и Сербия.

6. По состоянию на второе полугодие 2023 года были определены следующие тенденции въездного туризма в Европе после пандемии: 1) усиление геополитического фактора в формировании въездных турпотоков – наиболее пострадали страны, находящиеся на стыке геополитического разлома, в т.ч. Россия; однако Сербия стала исключением, она сумела нарастить въездной турпоток; 2) спрос на пляжный туризм вырос по сравнению с 2019 годом, что отразилось на странах, специализирующихся на нем; 3) по причине слабого роста доходов или даже их падения в крупнейших странах Европы дальность поездок туристов сократилась, отчего выиграли страны между Францией и Германией и некоторые другие малые страны Западной Европы; восточноевропейские страны, даже те, которые не зависели от российского турпотока, оказались в невыгодном положении.

7. Интегральная типология регионов стран Европы по реструктуризации турпотоков в XXI веке построена на основе сопоставления темпов роста турпотока в три периода: 1) стабильного увеличения объемов турпотока (2019 год к 2003 году); 2) падения объема турпотока во время пандемии (2021 год к 2019 году); 3) восстановления турпотока после пандемии (2022 год к 2019 году). Регионы разделены по медиане темпов роста турпотока на две группы: с более высокими темпами роста турпотока и с более низкими относительно среднеевропейских в данный период. Общим трендом пространственной реструктуризации въездных турпотоков в Европе в XXI веке являлось значительное повышение удельного веса стран Юго-Западной Европы (Португалия, Испания, ряд регионов Италии), Юго-Восточной Европы (регионы Адриатики, Балканских стран, Греции) и особенно Турции. Во внутренних и суммарных турпотоках наиболее устойчивый рост наблюдался в регионах стран Восточной Европы (включая Россию) и Турции. Страны, расположенные в западной части Европы, характеризовались наиболее низкими темпами роста внутреннего и суммарного турпотока.

Литература

1. Александрова, А.Ю. География туризма: теоретические основания и пути развития / А.Ю. Александрова // География и туризм. Сборник научных трудов. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2005. – С. 3-16.
2. Александрова, А.Ю. География туристских потоков в Российской Федерации: статистика, тренды, проблемы / А.Ю. Александрова // Наука. Инновации. Технологии. – 2017. – № 1. – С. 95-108.
3. Александрова, А.Ю. Изменение туристского геопространства в эпоху всеобщей мобильности / А.Ю. Александрова // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2020. – № 2. – С. 3-12.
4. Александрова, А.Ю. Особенности создания туристских кластеров в России (на примере Вологодской области) / А.Ю. Александрова, Ю.Л. Владимиров // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2016. – Т. 10, № 1. – С. 47-58.
5. Александрова, А.Ю. Применение адаптивного моделирования в исследованиях туристских потоков / А.Ю. Александрова, В.Е. Домбровская // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 7-20.
6. Александрова, А.Ю. Современные особенности пространственного развития туризма / А.Ю. Александрова // География и туризм. – 2018. – № 2. – С. 12-16.
7. Александрова, А.Ю. Статистика международного туризма: современное состояние, проблемы и перспективы развития / А.Ю. Александрова // Инициативы XXI века. 2013. № 2. С. 26-30.
8. Александрова, А.Ю. Структурно-функциональный анализ туристического пространства мира / А.Ю. Александрова // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2009. – № 4. – С. 21-26.
9. Александрова, А.Ю. Теория и практика прогнозирования туристских потоков в регионе / А.Ю. Александрова, В.Е. Домбровская // Туристско-

рекреационный комплекс в системе регионального развития. Материалы X Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. – С. 218-224.

10. Александрова, А.Ю. Территориальная структура въездного и внутреннего туризма в странах Прибалтики / А.Ю. Александрова, И.В. Красавцев // Балтийский регион. – 2023. – Т. 15, № 1. – С. 120-138.

11. Александрова, А.Ю. Типология стран мира по уровню развития международного туризма / А.Ю. Александрова // География и природные ресурсы. – 2016. – № 1. – С. 14-22.

12. Александрова, А.Ю. Формирование интегрированной системы статистики туризма в Российской Федерации / А.Ю. Александрова // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2017. – № 1. – С. 41-61.

13. Антошкина, В.В. Динамика туристского потока как основной показатель развития туристско-рекреационного комплекса Краснодарского края / В.В. Антошкина, А.А. Кошутина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. – 2015. – № 4(170). – С. 201-208.

14. Бакланов, П.Я. Об объекте, предмете и задачах современной социально-экономической географии / П.Я. Бакланов // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2014. – № 3. – С. 4-12.

15. Бакланов, П.Я. Основные факторы и направления развития туризма в Дальневосточном регионе России / П.Я. Бакланов, М.Т. Романов // Вестник Национальной академии туризма. – 2013. – № 1(25). – С. 37-43.

16. Барановський, М.І. Комплекси відпочинку й туризму / М.І. Барановський. – Київ: Будівельник, 1999. – 103 с.

17. Басанец, Л.П. Эколого-туристское районирование России: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.36. / Басанец Лариса Павловна. – М., 2006. – 28 с.

18. Бейдик, О.О. Рекреаційно-туристські ресурси України: Методологія та методика аналізу, термінологія, районування / О.О. Бейдик. – Київ: ВПЦ «Київський університет», 2001. – 395 с.

19. Бибаева, А.Ю. Региональные аспекты формирования туристского потока в юго-западном Прибайкалье / А.Ю. Бибаева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 14-25.

20. Большаков, А.И. Формирование и развитие приграничных туристских кластеров: дис. ... канд. экон. наук.: 08.00.05. / Большаков Алексей Игоревич. – М., 2014. – 149 с.

21. Бондарович, А.А. Основные направления воздействия туризма на природную среду и оценка рекреационной нагрузки в странах Европы / А.А. Бондарович, М.М. Силантьева, А.А. Шибанова // Вестник Национальной академии туризма. – 2011. – № 1(17). – С. 80-84.

22. Борисенкова, А.Е. Пространственная организация международного рекреационного туризма в странах Европейского Союза: автореф. дис. ... канд. геогр. наук.: 25.00.24 / Борисенкова Анна Евгеньевна. – М., 2012. – 25 с.

23. Веденин, Ю.А. Динамика территориальных рекреационных систем. / Ю.А. Веденин. – М.: Наука, 1982. – 190 с.

24. Влодарчик, Б. Региональные исследования туристских потоков – пример Лодзинского воеводства в Польше / Б. Влодарчик, Е. Шафраньска // Грани экономики. – 2014. – № 2. – С. 64-72.

25. Голомидова, Е.С. Динамика и география выездного туризма граждан России в 2006-2017 гг / Е.С. Голомидова, А.Г. Манаков, Р.А. Васильев // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. – 2018. – № 12. – С. 27-40.

26. Голомидова, Е.С. Опыт классификации туристских кластеров (на примере Псковской области) / Е.С. Голомидова // Региональные исследования. – 2019. – № 2(64). – С. 102-112.

27. Голомидова, Е.С. Трансграничное туристско-рекреационное регионообразование на границе России с Эстонией и Латвией: факторы, структуры, перспективы: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. / Голомидова Елена Сергеевна. – Калининград, 2020. – 200 с.

28. Голомидова, Е.С. Трансграничный туристско-рекреационный регион мезоуровня "Южнопсковско-Витебский": специфика формирования и перспективы развития / Е.С. Голомидова // Псковский регионологический журнал. – 2019. – № 4(40). – С. 96-105.

29. Гудков, А.А. Статистика внешних и внутренних туристских потоков в России / А.А. Гудков // Вестник Прикамского социального института. – 2018. – № 1(79). – С. 114-122.

30. Гущина, М.В. География и динамика туристских потоков в Океании / М.В. Гущина // Туризм и региональное развитие, Смоленск, 03–04 октября 2014 года / Смоленский гуманитарный университет. – Смоленск: Универсум, 2014. – С. 84-88.

31. Гущина, М.В. Рекреационный потенциал и региональная дифференциация индустрии туризма Океании: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. / Гущина Мария Владимировна. – СПб., 2016. – 23 с.

32. Давыдова, С.Г. Динамика развития туризма в муниципальных образованиях Новгородской области / С.Г. Давыдова, М.П. Дружнова // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. – 2016. – Т. 5. № 2-2 (6). – С. 9-19.

33. Дашян, К.П. Мировая туристическая индустрия в период пандемии COVID-19 и пути выхода из неё / К.П. Дашян // Вестник Академии знаний. – 2021. – № 3(44). – С. 86-92.

34. Дементьев, В.С. Динамика туристского потока в регионах Северо-Западного федерального округа в условиях COVID-19 / В.С. Дементьев, Т.С. Баженова // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 3-11.

35. Деточенко, Л.В. Анализ и географические особенности международного выездного туризма жителей России в период пандемии коронавируса 2020-2021 годов / Л.В. Деточенко, В.В. Фесенко // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. – 2022. – Т. 32, № 2. – С. 205-215.

36. Дирин, Д.А. Кластерный подход к территориальной организации туризма / Д.А. Дирин, Е.Г. Сеницына, А.С. Кусков // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 3-1(75). – С. 109-113.

37. Дмитриевский, Ю.Д. Туристские районы мира / Ю.Д. Дмитриевский. – Смоленск, 2000. – 224 с.

38. Домбровская, В.Е. Использование методики расчетов индексов сезонности при прогнозировании туристских потоков / В.Е. Домбровская, Е.И. Гурьянова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. – 2018. – № 2. – С. 68-81.

39. Дорофеев, А.А. Анализ диссертационных исследований туризма в Российской Федерации / А.А. Дорофеев // Туризм и региональное развитие. – 2020. – № 1. – С. 70-83.

40. Дорофеев, А.А. Основные направления диссертационных исследований туризма в географии в субъектах Российской Федерации / А.А. Дорофеев // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. – 2019. – № 4(28). – С. 108-124.

41. Драгилева, И.И. Трансграничное сотрудничество в развитии туризма Юго-Восточной Балтики: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. / Драгилева Ирина Ивановна. – СПб., 2006. – 18 с.

42. Дунец, А.Н. Пространственная организация туризма в регионе: теоретические основы кластерного подхода / А.Н. Дунец // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2011. – № 1. – С. 37-44.

43. Дунец, А.Н. Туристско-рекреационное пространство горного трансграничного региона: теория организации и развитие: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук: 25.00.24. / Дунец Александр Николаевич. – СПб., 2011. – 38 с.

44. Дунец, А.Н. Туристско-рекреационные комплексы горного региона. / А.Н. Дунец. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2011. – 201 с.
45. Евстропьева, О.В. Моделирование туристских потоков на региональном и локальном уровнях. Опыт реализации в ЦЭЗ БПТ / О.В. Евстропьева, А.Ю. Бибаева, Э.Д. Санжеев // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2019. – Т. 13, № 1. – С. 85-97.
46. Ермаков, С.Р. География туризма: история, теория, методы, практика / С.Р. Ермаков. – Алматы, 2000. – 336 с.
47. Жулина, М.А. География туристских потоков Республики Мордовия / М.А. Жулина, В.М. Кицис // Регионология. – 2021. – Т. 29. – № 4(117). – С. 866-885.
48. Зевеке, О.Ю. Некоторые аспекты оценки туристских потоков в Московской области / О.Ю. Зевеке // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. – 2019. – № 10. – С. 33-40.
49. Зигерн-Корн, Н.В. Туристско-рекреационное пространство как объект региональной политики / Н.В. Зигерн-Корн // Известия Русского географического общества. – 2016. – Т. 148, № 1. – С. 87-100.
50. Зырянов, А.И. География туризма: от теории к практике. / А.И. Зырянов. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2018. – 416 с.
51. Зырянов, А.И. Методологические аспекты изучения международного выездного туризма из российского региона / А.И. Зырянов, А.А. Лимпинская // География и туризм. – 2023. – № 1(11). – С. 5-11.
52. Зырянов, А.И. Теория и методология рекреационной географии / А.И. Зырянов. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. – 368 с.
53. Зырянов, А.И. Туристские кластеры и доминанты (на примере Пермского края) / А.И. Зырянов, С.Э. Мышлянцева // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2012. – № 2. – С. 13-20.

54. Зырянов, А.И. Туристское районирование Италии / А.И. Зырянов, И.С. Зырянова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. – 2016. – Т. 2 (68), № 3. – С. 58-65.

55. Зюляев, Н.А. Анализ взаимных туристских потоков между Россией и странами Евросоюза / Н.А. Зюляев // Сервис в России и за рубежом. – 2019. – Т. 13, № 3(85). – С. 48-63.

56. Иванов, И.А. COVID-19 и внутренний туризм в странах Европы: оценка степени замещения въездного турпотока / И.А. Иванов, А.Г. Манаков, Т.В. Васильева // Туризм и региональное развитие. – 2022. – № 1 (4). – С. 31-42.

57. Иванов, И.А. Видовая туристская специализация районов Словакии и география турпотоков в контексте пандемии COVID-19 / И.А. Иванов // Псковский регионологический журнал. – 2023. – Т. 19, № 3. – С. 123-136.

58. Иванов, И.А. Влияние пандемии COVID-19 на изменение объема и пространственной структуры туристского потока в Финляндии и Эстонии в 2020 г. / И.А. Иванов, Е.С. Голомидова, Н.К. Теренина // Региональные исследования. – 2020. – № 4 (70). – С. 121-128.

59. Иванов, И.А. География въездного туризма в Гренландии и на Фарерских островах / И.А. Иванов, К.Д. Янчева // Псковский регионологический журнал. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 97-110.

60. Иванов, И.А. Динамика въездного турпотока в столицах европейских стран в 2019-2021 гг. / И.А. Иванов // Город и люди: пространство и время. Сборник статей Международной конференции. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2023. – С. 366-371.

61. Иванов, И.А. Динамика туристского потока из России в европейские страны в 2019 – первой половине 2022 гг. / И.А. Иванов, А.Г. Манаков // Вопросы экономической географии и статистики пространственного развития. Материалы XII международной научно-практической конференции, посвященной К.И. Арсеньеву. – Петрозаводск, 2022. – С. 34-37.

62. Иванов, И.А. Изменение въездного турпотока в странах Европы вследствие пандемии COVID-19 в 2020 году / И.А. Иванов, А.Г. Манаков // Туризм и региональное развитие. – 2021. – № 2 (3). – С. 3-16.

63. Иванов, И.А. Изменение структуры и распределения въездного турпотока в Болгарии в период пандемии COVID-19 / И.А. Иванов, В.К. Крыстев, А.Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 78-89.

64. Иванов, И.А. Использование новых статистических данных по туризму на муниципальном уровне на примере Псковской области / И.А. Иванов // Муниципальные образования регионов России: проблемы исследования, развития и управления. Материалы V всероссийской межведомственной научно-практической конференции с международным участием. – Воронеж: Цифровая полиграфия, 2022. – С. 471-474.

65. Иванов, И.А. Основные показатели, используемые при анализе въездного и выездного туристского потока / И.А. Иванов, А.Г. Манаков, С.И. Евдокимов // Виды туризма и география турпотоков в зеркале пандемии COVID-19 / под ред. А.Г. Манакова. – Псков: Псковский государственный университет, 2022. – С. 9-14.

66. Иванов, И.А. Оценка соседского турпотока в европейских странах: статистико-картографический анализ / И.А. Иванов // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 64-71.

67. Иванов, И.А. Пляжно-купальный туризм в Средиземноморье / И.А. Иванов // Виды туризма и география турпотоков в зеркале пандемии COVID-19 / под ред. А.Г. Манакова. – Псков: Псковский государственный университет, 2022. – С. 129-143.

68. Иванов, И.А. Подходы к исследованию трансграничных туристских потоков на северо-западном приграничье России / И.А. Иванов // Природное и историко-культурное наследие Восточной Европы как объект социально-географических исследований. Материалы Международной научно-

практической конференции. – Псков: Псковский государственный университет, 2019. – С. 98-102.

69. Иванов, И.А. Различные подходы к изучению географии туристских потоков (на примере стран Бенилюкса) / И.А. Иванов // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. – 2023. – №1. – С. 66-75.

70. Иванов, И.А. Региональные и сезонные особенности въездного туризма в Исландию / И.А. Иванов // Географический вестник. – 2021. – № 3 (58). – С. 169-179.

71. Иванов, И.А. Сравнительный анализ динамики въездного и внутреннего турпотоков в странах Европы в 2020–2021 гг. / И.А. Иванов // Географический вестник. – 2022. – № 3 (62). – С. 153-168.

72. Иванов, И.А. Статистика туризма в мире: основные способы учета и география охвата / И.А. Иванов // Виды туризма и география турпотоков в зеркале пандемии COVID-19 / под ред. А.Г. Манакова. – Псков: Псковский государственный университет, 2022. – С. 3-8.

73. Иванов, И.А. Структура и география распределения въездного туристского потока в Норвегии / И.А. Иванов, Б.С. Михайлов // Псковский регионологический журнал. – 2020. – № 4 (44). – С. 107-118.

74. Иванов, И.А. Структура и география распределения въездного туристского потока в Португалии / И.А. Иванов, К.Д. Янчева // Псковский регионологический журнал. – 2022. – Т. 18. № 3. – С. 71-85.

75. Иванов, И.А. Туристский интерес страны: методика подсчета на примере стран Северной Европы / И.А. Иванов, А.Г. Манаков // География, экология, туризм: научный поиск студентов и аспирантов. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. – Тверь: Тверской государственный университет, 2021. – С. 207-210.

76. Иванова, Л.А. Динамика и география въездного туристского потока в Ирландию / Л.А. Иванова, В. Крыстев // Псковский регионологический журнал. – 2022. – Т. 18, № 2. – С. 108-125.

77. Иванова, Л.А. Динамика и география международного туристского обмена Великобритании в первые два десятилетия XXI в / Л.А. Иванова // Псковский регионологический журнал. – 2021. – № 1(45). – С. 92-109.

78. Ильясова, А.Н. Моделирование процесса транспортного обеспечения туристических потоков в туристско-рекреационных регионах / А.Н. Ильясова, Р.Р. Тимиргалеева // Наука и бизнес: пути развития. – 2021. – № 6(120). – С. 11-17.

79. Кабиров, И.С. Современная модель туристских потоков / И.С. Кабиров // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. – 2010. – № 3 (35). – С. 199-205.

80. Казак, А.Н. Моделирование динамики туристских потоков Крымского региона / А.Н. Казак, Е.Ю. Лукьянова, П.В. Четырбок // Международная научная конференция по проблемам управления в технических системах. – 2017. – Т. 1. – С. 106-108.

81. Казенина, Т.В. Феномен международного выездного туризма России (территориальные уровни исследования): автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. / Казенина Татьяна Викторовна. – Пермь, 2010. – 25 с.

82. Каледин, В.Н. Территориальная организация въездного туризма Индии): автореф. дис. ... канд. геогр. наук.: 25.00.24. / Каледин Владимир Николаевич. – СПб., 2010. – 18 с.

83. Катровский, А.П. Туризм в приграничных регионах: теоретические аспекты географического изучения / А.П. Катровский, Ю.П. Ковалев, Л.Ю. Мажар, С.А. Щербакова // Балтийский регион. – 2017. – Т. 9, № 1. – С. 113-126.

84. Квартальнов, В.А. Туризм. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 320 с.

85. Кицис, В.М. Тенденции развития внутрирегионального туризма в Европейском макрорегионе в доковидный период / В.М. Кицис, Г.В. Олейникова, Л.А. Пониматкина // Вестник РМАТ. – 2023. – № 1. – С. 117-126.

86. Кицис, В.М. Туристское пространство и городское туристское пространство: географический аспект / В.М. Кицис, В.А. Воронина // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 64-2. – С. 6-8.

87. Клименко, Т.И. Современные подходы к сегментированию туристского рынка в условиях экономической нестабильности / Т.И. Клименко, А.О. Овчаров // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2016. – Т. 5, № 1(14). – С. 18-22.

88. Ковалев, Ю.П. Региональные туристские кластеры как перспективная составная часть туристского хозяйства России / Ю.П. Ковалев // Региональные исследования. – 2006. – № 3(9). – С. 76-80.

89. Ковалев, Ю.П. Туристские кластеры: теоретические и методологические вопросы формирования / Ю.П. Ковалев. – Смоленск: Универсум, 2009. – 192 с.

90. Коньшев, Е.В. Региональные особенности воздействия COVID-19 на туристско-рекреационное пространство России / Е.В. Коньшев // Географический вестник. – 2021. – № 3(58). – С. 153-168.

91. Коньшев, Е.В. Типология туристско-рекреационного пространства / Е.В. Коньшев // Географический вестник. – 2020. – № 1(52). – С. 32-41.

92. Корниенко, Е.В. Исторические аспекты становления и развития географии туризма за рубежом / Е.В. Корниенко, А.А. Самойленко // Курорты. Сервис. Туризм. 2014. № 3-4 (24-25). С. 44-48.

93. Коровин, Д.И. Характеристика влияния различных сценариев на развитие туристской инфраструктуры / Д.И. Коровин, Е.Л. Золоторева, П.П. Радачинская // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 11-2. – С. 206-217.

94. Кропинова, Е.Г. Международная кооперация в сфере туризма и формирование трансграничных туристских регионов на Балтике / Е.Г. Кропинова // Вестник Российского государственного университета им. И.Канта. – 2010. – № 1. – С. 113-119.

95. Кропинова, Е.Г. Региональный туристский кластер как туристско-рекреационная система регионального уровня / Е.Г. Кропинова, А.В. Митрофанова // Региональные исследования. – 2011. – № 1(31). – С. 40-46.

96. Кропинова, Е.Г. Теория и практика формирования и развития трансграничных туристско-рекреационных регионов: дис. ... докт. геогр. наук: 25.00.24. / Кропинова Елена Геннадиевна. – Калининград, 2017. – 324 с.

97. Кропинова, Е.Г. Трансграничные туристско-рекреационные регионы на Балтике / Е.Г. Кропинова. – Калининград: Изд-во БФУ им. И.Канта, 2016. – 272 с.

98. Крыстев, В.К. Туристское районирование: дискурс о методе / В.К. Крыстев // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2019. – № 5. – С. 50-59.

99. Лавров, В.В. Тенденции развития трансграничного туризма в Дальневосточном Федеральном округе / В.В. Лавров // Вестник Национальной академии туризма. – 2019. – № 2(50). – С. 64-67.

100. Лимпинская, А.А. Распределение зарубежных туристских потоков из Уральского региона / А.А. Лимпинская // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. – 2014. – № 1. – С. 144-149.

101. Лозовская, С.А. Трансграничные туристско-рекреационные регионы Тихоокеанской России / С.А. Лозовская // Туризм и национальные проекты Российской Федерации. Материалы международной научно-практической конференции. – Сочи: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр Российской академии наук», 2022. – С. 331-338.

102. Лочан, С.А. Изучение опыта прогнозирования туристских потоков с применением алгоритмов машинного обучения / С.А. Лочан, Е.Л. Золотарева, Д.И. Коровин, Д.В. Федюнин // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. – 2021. – № 4(50). – С. 145-155.

103. Мадышева, А.М. Возможности развития туризма на трансграничных территориях Российской Федерации и Республики Казахстан / А.М. Мадышева // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2023. – № 4(150). – С. 91-96.

104. Мадышева, А.М. Туризм трансграничных территорий Российской Федерации и Республики Казахстана и его привлекательность / А.М. Мадышева // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2023. – № 3(149). – С. 46-52.

105. Мажар, Л.Ю. Геосистемный анализ туристско-рекреационной деятельности / Л.Ю. Мажар // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2008. – № 1. – С. 27-31.

106. Мажар, Л.Ю. Научно-методические основы освоения туристского пространства / Л.Ю. Мажар // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2021. – Т. 7, № 3. – С. 78-86.

107. Мажар, Л.Ю. Развитие трансграничного туризма как направление модернизации туристско-рекреационной деятельности в российско-белорусском приграничье / Л.Ю. Мажар, С.А. Щербакова // Региональные исследования. – 2018. – № 3(61). – С. 115-125.

108. Мажар, Л.Ю. Территориальные туристско-рекреационные системы. / Л.Ю. Мажар – Смоленск: Универсум, 2008. – 212 с.

109. Мажар, Л.Ю. Территориальные туристско-рекреационные системы: геосистемный подход к формированию и развитию: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук: 25.00.24. / Мажар Лариса Юрьевна. – СПб., 2009. – 31 с.

110. Максимов, Д.В. О туристском районировании территории России / Д.В. Максимов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Естественные науки. – 2019. – № 1(201). – С. 76-85.

111. Манаков, А.Г. Географические аспекты влияния пандемии COVID-19 на туристские потоки стран Европы / А.Г. Манаков, И.А. Иванов, А.В. Менжинская // Виды туризма и география турпотоков в зеркале пандемии

COVID-19 / под ред. А.Г. Манакова. – Псков: Псковский государственный университет, 2022. – С. 15-39.

112. Манаков, А.Г. Географические особенности трансграничного туристско-рекреационного регионообразования в Латвии / А.Г. Манаков, И.А. Иванов, О.А. Чученкова // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Естественные и физико-математические науки. – 2019. № 15. – С. 52-61.

113. Манаков, А.Г. География въездного туризма и трансграничное туристско-рекреационное регионообразование в Швеции / А.Г. Манаков, И.Н. Красильникова, И.А. Иванов // Балтийский регион. – 2021. – Т. 13, № 1. – С. 108-123.

114. Манаков, А.Г. География туризма Эстонии в контексте трансграничного туристско-рекреационного регионообразования / А.Г. Манаков, О.А. Чученкова, И.А. Иванов // Псковский регионологический журнал. – 2019. – № 4 (40). – С. 80-95.

115. Манаков, А.Г. Динамика и география потока российских туристов в Финляндии и Эстонии в 2004–2018 гг. / А.Г. Манаков, О.А. Чученкова, И.А. Иванов // Региональные исследования. – 2019. – № 3 (65). – С. 97-104.

116. Манаков, А.Г. Динамика туристского обмена России с соседними странами Северной Европы в 2004–2018 гг. / А.Г. Манаков, И.А. Иванов // Псковский регионологический журнал. – 2019. – № 3 (39). – С. 128-144.

117. Манаков, А.Г. Изменение структуры и географии туристских потоков в Балтийском регионе в период пандемии COVID-19 / А.Г. Манаков, В.К. Крыстев, И. Н. Красильникова, И. А. Иванов // Балтийский регион. – 2023. – Т. 15, № 1. – С. 139-152.

118. Манаков, А.Г. Классификация трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов в юго-восточной части Балтийского макрорегиона / А.Г. Манаков, И.А. Иванов, О.А. Чученкова // Региональные исследования. – 2021. – № 1. – С. 118-129.

119. Манаков, А.Г. Опыт классификации трансграничных туристско-рекреационных мезорегионов в пределах Балтийского региона / А.Г. Манаков, И.Н. Красильникова, И.А. Иванов // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14., № 1. – С. 75-89.

120. Манаков, А.Г. Оценка величины трансграничного туристского обмена на российско-эстонском и российско-латвийском порубежье / А.Г. Манаков // Природное и историко-культурное наследие Восточной Европы как объект социально-географических исследований. Материалы Международной научно-практической конференции. – Псков: Псковский государственный университет, 2019. – С. 20-25.

121. Манаков, А.Г. Оценка величины туристского потока в пределах трансграничных туристско-рекреационных регионов на северо-западном порубежье России / А.Г. Манаков, Е.С. Голомидова, И.А. Иванов // Известия Русского географического общества. – 2019. – Т. 151, № 5. – С. 18-31.

122. Манаков, А.Г. Оценка степени сформированности трансграничных туристско-рекреационных регионов на карельском участке российско-финляндской границы / А.Г. Манаков, С.В. Кондратьева, Н.К. Теренина // Балтийский регион. – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 140-152.

123. Манаков, А.Г. Оценка уровня сформированности трансграничного латвийско-эстонско-российского туристско-рекреационного региона / А.Г. Манаков, Е.С. Голомидова // Балтийский регион. – 2018. – Т. 10, № 1. – С. 130-141.

124. Манаков, А.Г. Структура и география распределения въездного туристского потока в Финляндии / А.Г. Манаков, С.В. Кондратьева, И.А. Иванов // Географический вестник. – 2020. – № 1 (52). – С. 166-177.

125. Манаков, А.Г. Трансграничные туристско-рекреационные регионы на смежных территориях России, Эстонии и Латвии / А.Г. Манаков, Е.С. Голомидова // Географический вестник. – 2018. – № 2 (45). – С. 156-166.

126. Манаков, А.Г. Туристское районирование мира: геокультурный подход / А.Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. – 2010. – № 9. – С. 82-90.

127. Мацола, В.І. Рекреаційно-туристичний комплекс України / В.І. Мацола. – Львів, 1997. – 210 с.

128. Мекшенева, Ж.В. К проблеме развития статистики туризма: региональный аспект / Ж.В. Мекшенева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – Т. 2, № 11. – С. 259-262.

129. Менжинская, А.В. Изменение величины и структуры въездного туристского потока в 2020 г. в отдельных странах Европы / А.В. Менжинская, А.Г. Манаков // Виды туризма и география турпотоков в зеркале пандемии COVID-19 / под ред. А.Г. Манакова. – Псков: Псковский государственный университет, 2022. – С. 40-55.

130. Методика изучения внешних и внутренних связей туристско-рекреационной системы как фактора формирования туристских потоков / Р.М. Иванова, О.В. Скроботова, Г.Ю. Карасева, И.Е. Полякова // Colloquium-Journal. – 2019. – № 22-7(46). – С. 79-80.

131. Мирзеханова, Д.Г. Формирование туристического продукта в пределах трансграничных территорий (на примере Хабаровского края): автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. / Мирзеханова Дарья Гаджиевна. – Калининград, 2013. – 26 с.

132. Мироненко, Н.С. Развитие идей и моделей в географии туризма / Н.С. Мироненко, Э.М. Эльдаров // Вопросы географии. Сб. 139: Теория и практика туризма. – 2014. – С. 38–61.

133. Мироненко, Н.С. Рекреационная география / Н.С. Мироненко – М., 1987. – 280 с.

134. Мироненко, Н.С. Рекреационная география / Н.С. Мироненко, И.Т. Твердохлебов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 207 с.

135. Мироненко, Н.С. Тенденции и перспективы развития рекреационной географии в России / Н.С. Мироненко, Э.М. Эльдаров // География и природные ресурсы. – 2016. – № 2. – С. 12-18.

136. Митрофанова, А.В. Региональный туристский кластер как форма пространственной организации туризма (на примере Калининградской области): автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. / Митрофанова Анна Владимировна. – Калининград, 2010. – 23 с.

137. Мышлявцева, С.Э. Анализ туристских потоков в странах Южной Европы (на примере Испании) / С.Э. Мышлявцева // Географический вестник. – 2015. – № 3(34). – С. 111-114.

138. Некрасова, М.Л. Стратегический подход к формированию территориальных туристско-рекреационных систем Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук.: 25.00.24. / Некрасова Марина Леонидовна. – Краснодар, 2013. – 34 с.

139. Оборин, М.С. Развитие туристских потоков и особенности их сегментации / М. Оборин, А.А. Сарян // Сервис в России и за рубежом. – 2020. – Т. 14, № 1(88). – С. 13-22.

140. Пальмовский, Т. Российско-польское пограничье: проблемы и перспективы развития трансграничных связей / Т. Пальмовский, Г.М. Федоров // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 178-191.

141. Петрова, К.В. Динамика и география въездного турпотока в Австрии в 2011–2022 гг. / К.В. Петрова, А.Г. Манаков // Виды туризма и география турпотоков в зеркале пандемии COVID-19 / под ред. А.Г. Манакова. – Псков: Псковский государственный университет, 2022. – С. 72-84.

142. Полухина, А.Н. Анализ современного состояния внутреннего туризма в регионах России в период пандемии (по итогам исследования 2022 г.) / А.Н. Полухина // Инновационное развитие экономики. – 2022. – №1-2 (67-68). – С. 175-181.

143. Преображенский, В.С. Географические аспекты конструирования новых типов рекреационных систем / В.С. Преображенский, И.В. Зорин,

Ю.А. Веденин // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. – 1972. – № 1. – С. 36-51.

144. Преображенский, В.С. Территориальная рекреационная система как объект изучения географических наук / В.С. Преображенский, Ю.А. Веденин, И.В. Зорин, Л.И. Мухина // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. – 1984. – № 2. – С. 34-42.

145. Приказ Росстата от 12.08.2014 N 510 «Об утверждении Официальной статистической методологии оценки числа въездных и выездных туристских поездок» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167298/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/

146. Приказ Росстата от 26.02.2021 N 109 «Об утверждении методики оценки туристского потока» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/met109-21.pdf>

147. Примак, Е.А. Интегральная оценка устойчивости ландшафта при различных видах рекреационной нагрузки / Е.А. Примак, Я.А. Шейдина // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. – 2012. – № 1. – С. 232-234.

148. Пустовойтенко, С.И. Общие факторы трансформации туристских потоков в условиях современного развития туризма / С.И. Пустовойтенко // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. – 2019. – № 10. – С. 12-26.

149. Родоман, Б.Б. Саморазвитие культурного ландшафта и геобионические закономерности его формирования / Б.Б. Родоман // Географические науки и районная планировка. Вопросы географии. Сб.113. – М.: Мысль, 1980. – С. 117-127.

150. Родоман, Б.Б. Уровни использования окружающей среды и общение людей в сфере досуга / Б.Б. Родоман // Ученые записки Тартуского университета. – Вып. 495. Рекреация и охрана природы. – Тарту, 1981. – С. 15-21.

151. Романова, М.М. Современные тенденции развития отечественного туризма в реалиях геополитической обстановки / М.М. Романова, И.П. Кульгачев // Экономические и социальные проблемы России. – 2023. – № 4(56). – С. 66-80.

152. Сарафанова, А.Г. Концептуализация сверхтуризма и влияние COVID-19 / А.Г. Сарафанова, А.А. Сарафанов // Региональные геосистемы. – 2021. – № 45 (3). – С. 341-353.

153. Сарян, А.А. Сегментация туристских потоков как инструмент оптимизации размеров и структуры региональных туристских потоков / А.А. Сарян // Актуальные аспекты реализации стратегии модернизации России: поиск модели эффективного хозяйственного развития: Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Судак: АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 2019. – С. 245-251.

154. Семеркова, Л.Н. Актуальные проблемы неравномерного распределения туристских потоков / Л.Н. Семеркова, С.В. Зинченко, Е.М. Бижанова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 1(49). – С. 168-178.

155. Смирнова, К.Р. Динамика и география въездного турпотока в Швейцарии в 2010–2021 гг. / К.Р. Смирнова, А.Г. Манаков // Виды туризма и география турпотоков в зеркале пандемии COVID-19 / под ред. А.Г. Манакова. – Псков: Псковский государственный университет, 2022. – С. 56-71.

156. Степанов, М.А. Последствия пандемии COVID-19 для международного туризма в 2020 г.: коллапс или метаморфоза? / М.А. Степанов // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2021. – № 6. – С. 27-39.

157. Сушкова, Н.С. Экономическая пандемия в туризме или влияние COVID-19 на отрасль / Н.С. Сушкова // Современная экономика: проблемы и решения. – 2022. – № 2(146). – С. 155-170.

158. Тарасенок, А.И. Новые подходы к структурированию туристского пространства: от рекреационных районов к геоэкономическим системам / А.И. Тарасенок // Вестник БГУ. Серия 2: Химия. Биология. География. – 2010. – № 1. – С. 95-98.

159. Тархов, С.А. Пространственный подход в географии туризма / С.А. Тархов // Географический вестник. – 2019. – № 4(51). – С. 172-178.

160. Тархов, С.А. Социально-экономическая география: ее сущность, предмет изучения и методы / С.А. Тархов // Региональные исследования. – 2013. – № 3(41). – С. 9-13.

161. Телепченкова, Н.В. Основные направления совершенствования статистики международного туризма / Н.В. Телепченкова // Материалы Афанасьевских чтений. – 2013. – № 11. – С. 234-240.

162. Теоретические основы рекреационной географии / под ред. В.С. Преображенского. – М.: Наука, 1975. – 222 с.

163. Транспорт и развитие туризма в приграничных с Белоруссией регионах России / А.П. Катровский, Л.Ю. Мажар, А.Г. Манаков [и др.]. – Смоленск: Универсум, 2019. – 260 с.

164. Турченко, Е.С. Въездной и выездной внутрироссийский туризм в Псковской области в 2004-2013 гг. / Е.С. Турченко // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. – 2014. – № 4. – С. 79-86.

165. Турченко, Е.С. Въездной и выездной туризм в Псковской области на фоне общероссийской динамики / Е.С. Турченко // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. – 2013. – № 3. – С. 78-84.

166. Турченко, Е.С. География и динамика международного въездного и выездного туризма в Псковской области в 2004-2012 гг / Е.С. Турченко // Псковский регионологический журнал. – 2014. – № 18. – С. 56-67.

167. Харитон, В.В. К вопросу районирования Восточной Европы как туристского региона в конце XX – начале XXI в / В.В. Харитон // Вестник

Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 29. – С. 156-162.

168. Хассо, Ш. Генезис и структура туризмологии / Ш. Хассо // Туризм и гостеприимство. – 2017. – № 2. – С. 47-53.

169. Царегородцева, А.Г. Обзор и анализ методов оценки рекреационной нагрузки на природные комплексы / А.Г. Царегородцева, М.А. Алькеев, А.К. Ракишева // Гидрометеорология и экология. – 2014. – № 1(72). – С. 154-163.

170. Чученкова, О.А. География потоков международного въездного туризма в Эстонии в 2004–2018 гг. / О.А. Чученкова // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Естественные и физико-математические науки. – 2019. – № 14. – С. 55-66.

171. Чученкова, О.А. Динамика выездного туристского потока из Эстонии и Латвии во втором десятилетии XXI века / О.А. Чученкова // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Естественные и физико-математические науки. – 2021. – № 17. – С. 50-60.

172. Шарафутдинов, В.Н. «Туристское пространство» как понятие: научные подходы к исследованию / В.Н. Шарафутдинов, Е.В. Онищенко // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. – 2020. – Т. 22, № 2. – С. 28-39.

173. Шарыгин, М.Д. Общественная география: контуры будущей науки / М.Д. Шарыгин // Географический вестник. – 2014. – № 1. – С. 20-28.

174. Шульгина, О.В. Историческая география туризма: теоретические аспекты и опыт рекреационно-туристского районирования России / О.В. Шульгина // Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки. – 2019. – № 1(33). – С. 56-71.

175. Эккель, Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР / Б.М. Эккель // Советская этнография. – 1976. – № 2. – С. 33-39.

176. Яковенко, И.М. Приморские туристско-рекреационные системы: подходы к понятию и типологии / И.М. Яковенко, Н.В. Страчкова // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 73-88.

177. Ян, Ч. Реализация логистического подхода к управлению туристскими потоками / Ч. Ян // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2021. – № 6 (132). – С. 190-197.

178. Adamiak, C. Tourism De-Metropolisation but Not De-Concentration: COVID-19 and World Destinations / Adamiak, C. // ISPRS International Journal of Geo-Information. – 2023. – Vol. 12, No. 4. – 139.

179. Altuntas, F. The effect of COVID-19 pandemic on domestic tourism: A DEMATEL method analysis on quarantine decisions / F. Altuntas, M.S. Gok // International Journal of Hospitality Management. – 2021. – Vol. 92. – P. 102719.

180. Ashworth, G.J. City centre management: Dutch and British experiences / G.J. Ashworth, E. Ennen // European Spatial Research and Policy. – 1998. – Vol. 5(1). – P. 1-15.

181. Ashworth, G.J. Heritage tourism: a review / G.J. Ashworth // Tourism Recreation Research. – 1999. – Vol. 25(1). – P. 19-29.

182. Ashworth, G.J. Is there an urban tourism? / G.J. Ashworth // Tourism Recreation Research. – 1992. – Vol. 17(2). P. 3-8.

183. Ashworth, G.J. Planning for sustainable tourism: A review article / G.J. Ashworth // Town and Planning Review. – 1992. – Vol. 63. – P. 325-329.

184. Ashworth, G.J. Urban tourism: an imbalance in attention / G.J. Ashworth // Progress in Tourism, Recreation and Hospitality Management. – 1989. – Vol. 1. – P. 33-54.

185. Baggio, R. Network science: a review focused on tourism / R. Baggio, N. Scott, C. Cooper // Annals of Tourism Research. – 2010. – Vol. 37(3). – P. 802-827.

186. Baldigara, T. Tourism Statistics in Croatia: Present Status and Future Challenges / T. Baldigara, M. Mamula // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2012. – Vol. 44. – P. 53-61.
187. Bao, J. From idealism to realism to rational idealism: reflection on 30 years of development in tourism geography in China / J. Bao // *Acta Geographica Sinica*. – 2009. – Vol. 64. – P. 1184-1192.
188. Bao, J. Tourism geography as the subject of doctoral dissertations in China 1989–2000 / J. Bao // *Tourism Geographies*. – 2002. – Vol. 4. – P. 148-152.
189. Bao, J. Tourism geography in China, 1978–2008: whence, what and whither? / J. Bao, L.J.C. Ma // *Progress in Human Geography*. – 2010. – Vol. 35. – P. 3-20.
190. Barbaza, Y. *Le Paysage humain de la Costa Brava* / Y. Barbaza. – Paris: A. Colin, 1966. – 718 p.
191. Binbaşıoğlu, H. A shift in attitudes and priorities of Turkish domestic tourists as a result of the COVID-19 pandemic / H. Binbaşıoğlu // *Studia Periegetica*. – 2022. – No. 1(37). – P. 87-106.
192. Bordun, O.Y. Tourism geography: functional structure and role in tourismology / O.Y. Bordun, P.V. Romaniv, W.R. Monasryrskyy // *Journal of Geology Geography and Geoecology*. – 2020. – No. 29(2). – P. 233-242.
193. Burnet, L. *Villégiature et tourisme sue les côtes de France* / L. Burnet. – Paris: Hachette, 1963. – 483 p.
194. Butler, R.W. The concept of a tourist area cycle of evolution: implications for management of resources / R.W. Butler // *Canadian Geographer*. – 1980. – Vol. 24(1). – P. 5-12.
195. Cebeillac, A. What can we learn from Airbnb data on tourist flows? A case study on Iceland / A. Cebeillac, Y. Vaguet // *Espace populations sociétés*. – 2021.
196. Chipumuro, M. Modelling tourist arrivals in South Africa to assess the impact of the COVID-19 pandemic on the tourism sector / M. Chipumuro,

D. Chikobvu // *African Journal of Hospitality, Tourism and Leisure*. – 2022. – Vol. 11, No. 4. – P. 1381-1394.

197. Cocco, V. COVID-19: Any Future Perspectives for Tourism in Italy? / V. Cocco // *Almatourism. Journal of Tourism, Culture and Territorial Development*. – 2020. – Vol. 11, No. 22. – P. 61-74.

198. Coëffé, V. Mondialisations et mondes touristiques / V. Coëffé // *L'Information géographique*. – 2007. – Vol. 71(2). – P. 83-96.

199. Daniela, M. The International Tourism and the COVID-19 Pandemic – Present and Perspectives / M. Daniela, T. Smaranda // “Ovidius” University Annals, Economic Sciences Series. – 2020. – Vol. 20, No. 1. – P. 433-438.

200. Dietz, T. Dutch Geography 1996–2000 / T. Dietz, F. Kwaad. – Utrecht: International Geographical Union, 2000. – 102 p.

201. Fedderke, J. Using fractionalization indexes: Deriving methodological principles for growth studies from time series evidence / J. Fedderke, J. Luiz, R. de Kadt // *Social Indicators Research*. – 2014. – Vol. 85. – P. 257-278.

202. Gibson, C. Geographies of tourism: (un)ethical encounters / C. Gibson // *Progress in Human Geography*. – 2010. – Vol. 34. – P. 521-527.

203. Gibson, C. Geographies of tourism: critical research on capitalism and local livelihoods / C. Gibson // *Progress in Human Geography*. – 2009. – Vol. 33. – P. 527-534.

204. Gibson, C. Locating geographies of tourism / C. Gibson // *Progress in Human Geography*. – 2008. – Vol. 32. – P. 407-422.

205. Gilbert, E.W. The growth of Brighton / E.W. Gilbert // *Geographical Journal* – 1949. – Vol. 114. – P. 30-52.

206. Gilbert, E.W. The growth of inland and seaside health resorts in England / E.W. Gilbert // *Scottish Geographical Magazine*. – 1939. – Vol. 55. – P. 16-35.

207. Güney, İ. Turizm coğrafyasında yeni eğilimler: bibliyometrik göstergeler üzerinden bir ağ analizi [New trends in tourism geography: A network analysis using bibliometric indicators] / İ. Güney, M. Somuncu // *Aegean Geographical Journal*. – 2020. – Vol. 29 (2). – P. 297-319.

208. Guo, L. Study on the tourist resources classification system and types evaluation in China / L. Guo, B. Wu, F. Liu, Y. Fau // *Acta Geographica Sinica*. – 2000. – Vol. 55 (3). – P. 294-301.
209. Gurung, K. The outbreak of COVID-19 and its impact in South Korea's Tourism: A hope in Domestic Tourism / K. Gurung // *Journal of Applied Sciences in Travel and Hospitality*. – 2021. – Vol. 4, No. 1. – P. 1-8.
210. Hall, C.M. Framing tourism geography: Notes from the underground / C.M. Hall // *Annals of Tourism Research*. – 2013. – Vol. 43. – P. 601-623.
211. Hall, C.M. Pandemics, transformations and tourism: be careful what you wish for / C.M. Hall, D. Scott, S. Gössling // *Tourism Geographies*. – 2020. – Vol. 22, No. 3. – P. 577-598.
212. Hall, C.M. The geography of tourism and recreation. / C.M. Hall, S.J. Page. – London: Routledge, 2006. – 309 p.
213. Hussain, A. Post-Pandemic Recovery: A Case of Domestic Tourism in Akaroa (South Island, New Zealand) / A. Hussain, F. Fusté-Forné // *World*. – 2021. – Vol. 2, No. 1. – P. 127-138.
214. Iazzarotti, O. French tourism geographies: a review / O. Iazzarotti // *Tourism Geographies*. – 2002. – Vol. 4. – P. 135-147.
215. Ivanov, I.A. Domestic Tourism in Municipalities of the Northwestern Federal District: Statistical Assessments and Impact of the COVID-19 Pandemic / I.A. Ivanov, T.V. Vasilyeva, I.N. Krasilnikova, A.G. Manakov // *Regional Research of Russia*. – 2023. – Vol. 13, No. 3. – P. 419-427.
216. Ivanov, I.A. Influence of the COVID-19 Pandemic on the Change in Volume and Spatial Structure of the Tourist Flow in Finland and Estonia in 2020 / I.A. Ivanov, E.S. Golomidova, N.K. Terenina // *Regional Research of Russia*. – 2020. – Vol. 11, No. 3. – P. 361-366.
217. Jansen-Verbeke, M. A regional analysis of tourist flows within Europe / M. Jansen-Verbeke, R. Spee // *Tourism Management*. – 1995. – Vol. 16, No. 1. – P. 73-80.

218. Jin, C. Using user-generated content to explore the temporal heterogeneity in tourist mobility / C. Jin, J. Cheng, J. Xu // *Journal of Travel Research*. – 2018. – Vol. 57(6). – P. 779-791.

219. Jing, C. Fine-Grained Spatiotemporal Dynamics of Inbound Tourists Based on Geotagged Photos: A Case Study in Beijing, China / C. Jing, M. Dong, M. Du, Y. Zhu, J. Fu // *IEEE Access*. – 2020. – Vol. 8. – P. 28735-28745.

220. Kim, K. Topics of human geography / K. Kim // *Korean Geography and Geographers* / eds. Yu W., Son I. – Seoul: Hanul Publishing, 2000. – P. 195-265.

221. Knafou, R. Les Stations intégrées de sports d'hiver des Alpes françaises. L'Aménagement de la montagne à la 'française' / R. Knafou. – Paris: Masson, 1978. – 319 p.

222. Knafou, R. Tourismes en France: vivre de la diversité / R. Knafou // *Historiens & Geographes: Vivre en France dans la diversité*. – Paris: Union Géographique Internationale Comité National Français de Géographie, 2000. – P. 367-384.

223. Korinth, B. The impact of COVID-19 pandemic on foreign tourism in European countries / B. Korinth, J.A. Wendt // *Prace Komisji Geografii Przemysłu Polskiego Towarzystwa Geograficznego*. – 2021. – Vol. 35, No. 3.

224. Korneevets, V.S. The current approaches to the transborder studies in the sphere of tourism / V.S. Korneevets, E.G. Kropinova, I.I. Dragileva // *International Journal of Economics and Financial Issues*. – 2015. – Vol. 5, No. 5S. – P. 65-73.

225. Kotlyakov, V.M. Elsevier's Dictionary of Geography: in English, Russian, French, Spanish and German / V.M. Kotlyakov, A.I. Komarova. – Elsevier, 2006.

226. Kowalczyk, A. Geografia turizmu / A. Kowalczyk. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2001. – 287 p.

227. Kreisel, W. Geography of Leisure and Tourism Research in the German-speaking World: Three Pillars to Progress / W. Kreisel // *Tourism Geographies*. – 2004. – Vol. 6, No. 2 – P. 163-185.

228. Kropinova, E.G. Geography of Tourism in the Baltic Region in Changing Geopolitical Conditions / E.G. Kropinova, V.S. Korneevets, G.M. Fedorov // *Regional Research of Russia*. – 2023. – Vol. 13, No. 3. – P. 428-439.
229. Kupi, M. Impact of the COVID-19 on the Destination Choices of Hungarian Tourists: A Comparative Analysis / M. Kupi, E. Szemerédi // *Sustainability*. – 2021. – Vol. 13, No. 24. – P. 13785.
230. Lee, H. Applied geography / H. Lee // *Korean Geography and Geographers* / eds. Yu W., Son I. – Seoul: Hanul Publishing, 2000. – P. 340-384.
231. Leisure and the countryside: the example of the Dartmoor National Park / C. Board, D. Brunsdon, J. Gerrard, B.S. Morgan, C.D. Morley, J.B. Thornes / J. Blunden, P. Haggett, C. Hamnett and P. Sarre (eds). // *Fundamentals of Human Geography: A Reader*. – London: Harper & Row, 1978. – 382 p.
232. Li, C. Critical issues of predicting extreme weather events: impacts on tourist flow / C. Li, Y.-P. Su, C.M. Hall // *Journal of Hospitality and Tourism*. – 2012. – Vol. 10(2). – P. 45-65.
233. Liszewski, S. Powstanie i rozwój geografii turystyki / S. Liszewski // *Historia geografii polskiej* / eds. S. Liszewski, A. Jackowski, A. Richling. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008. – P. 206-219.
234. Liu, A. Visitor arrivals forecasts amid COVID-19: A perspective from the Europe team / A. Liu, L. Vici, V. Ramos, S. Giannoni, A. Blake // *Annals of Tourism Research*. – 2021. – No. 88. – P. 103182.
235. Liu, L. An analysis on the spatiotemporal behavior of inbound tourists in Jiaodong Peninsula based on Flickr geotagged photos / L. Liu, Y. Zhang, Z. Ma, H. Wang // *International Journal of Applied Earth Observation and Geoinformation*. – 2023. – No. 120 (3). – P. 103349.
236. Manhas, P.S. Strategic Role of Religious Tourism in Recuperating the Indian Tourism Sector Post-COVID-19 / P.S. Manhas, B.B. Nair // *International Journal of Religious Tourism and Pilgrimage*. – 2020. – Vol. 8., No. 7. – Article 6.

237. Mashkov, R. Using high-resolution GPS data to create a tourism Intensity-Density Index / R. Mashkov, N. Shoval // *Tourism Geographies*. – 2023. – Vol. 25, No. 6. – P. 1657-1678.

238. Mertzanis, Ch. Epidemiological susceptibility risk and tourist flows around the world / Ch. Mertzanis, A. Papastathopoulos // *Annals of Tourism Research*. – 2021. – Vol. 86. – P. 103095.

239. Meyer-Arendt, K. Commentary: tourism geography as the subject of North American Doctoral dissertations and Masters theses, 1951–98 / K. Meyer-Arendt // *Tourism Geographies*. – 2000. – Vol. 2. – P. 140-157.

240. Meyer-Arendt, K.J. Commentary: Geographical research on tourism in Mexico. / K.J. Meyer-Arendt // *Tourism Geographies*. – 2002. – Vol. (4)3. – P. 255-260.

241. Meyer-Arendt, K.J. Geographic research on tourism in Latin America, 1980–1990. / K.J. Meyer-Arendt // *Yearbook, Conference of Latin Americanist Geographers*. – 1992. – Vol. 17–18. – P. 199-207.

242. Meyer-Arendt, K.J. Geographic Research on Tourism in Latin America and the Caribbean, 1970–2020 / K.J. Meyer-Arendt // *Journal of Latin American Geography*. – 2020. – Vol. 19, No. 1. – P. 46-60.

243. Mladenović, D. Using COVID-19 vaccination as a resilience strategy for the tourism sector – evidence from Serbia / D. Mladenović, V. Rrustemi, E. Mogaji // *Current Issues in Tourism*. – 2021. – Vol. 25(7). – P. 1021-1025.

244. Moreno-Izquierdo, L. How did COVID-19 affect tourism occupancy and prices? A spatiotemporal and economic analysis of Madrid and Valencia through Airbnb geospatial data / L. Moreno-Izquierdo, Á. Bernabeu-Bautista, E. Álvarez, L. Serrano-Estrada // *International Journal of Applied Earth Observation and Geoinformation*. – 2023. – Vol. 122. – P. 103448.

245. Mou, N. Exploring spatiotemporal changes of city inbound tourism flow: the case of Shanghai, China / N. Mou, R. Yuan, T. Yang, H. Zhang, J.J. Tang, T. Makkonen // *Tourism Management*. – 2020. – Vol. 76. – P. 103955.

246. Olivier, L. French Tourism Geographies: A Review / L. Olivier // *Tourism Geographies*. – 2002. – Vol. 4, No. 2. – P. 135-147.
247. Opačić, V.T. Tourism Development Index of local self-government units: The example of Croatia / V.T. Opačić, Z. Klarić, I. Beroš, S. Boranić Živoder // *Acta geographica Slovenica*. – 2022. – Vol. 62(1). – P. 77-87.
248. Panzer-Krause, S. Rural Tourism in and after the COVID-19 Era: “Revenge Travel” or Chance for a Degrowth-Oriented Restart? Cases from Ireland and Germany / S. Panzer-Krause // *Tourism and Hospitality*. – 2022. – Vol. 3, No. 2. – P. 399-415.
249. Papyrakis, E. Fractionalization, polarization, and economic growth: identifying the transmission channels / E. Papyrakis, P. Mo // *Economic Inquiry*. – 2014. – Vol. 52. – P. 1204-1218.
250. Pedrini, L. The geography of tourism and leisure in Italy / L. Pedrini // *GeoJournal*. – 1984. – No. 9. – P. 55-57.
251. Plzáková, L. Impact of the COVID-19 crisis on European tourism / L. Plzáková, E. Smeral // *Tourism Economics*. – 2022. – Vol. 28, No. 1. – P. 91-109.
252. Porter, M.E. *The Competitive Advantage of Nations* / M.E. Porter. – New York, 1990. – 855 p.
253. Posner, D.N. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa / D.N. Posner // *American Journal of Political Science*. – 2004. – Vol. 48, No. 4. – P. 849-863.
254. Reitano, A. COVID-19 Impact on the Tourism Industry: Short Holidays within National Borders / A. Reitano, M. Fazio, F.S. Schirripa, N. Karanasios // *Symphonya Emerging Issues in Management*. – 2021. – No. 2. – P. 85-98.
255. Rogerson, C.M. African tourism geographies: existing paths and new directions / C.M. Rogerson, G. Visser // *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*. – 2011. – Vol. 102. – P. 251-259.
256. Rogerson, C.M. Restructuring the geography of domestic tourism in South Africa / C.M. Rogerson // *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*. – 2015. – No. 29. – P. 119-135.

257. Roman, M. Influence of the COVID-19 Pandemic on Tourism in European Countries: Cluster Analysis Findings / M. Roman, M. Roman, E. Grzegorzewska, P. Pietrzak, K. Roman // Sustainability. – 2022. – Vol. 14, No. 3. – P. 1602.

258. Saarinen, J. Tourism and recreation as subjects of research in Finnish geographical journals / J. Saarinen // Tourism Geographies. – 2003. – Vol. 5. – P. 220-227.

259. Saarinen, J. Traditions of sustainability in tourism studies / J. Saarinen // Annals of Tourism Research. – 2006. – Vol. 33. – P. 1121-1140.

260. Sáenz, F.T. Nation-wide touristic flow prediction with Graph Neural Networks and heterogeneous open data / F.T. Sáenz, F. Arcas-Tunez, A. Muñoz // Information Fusion. – 2023. – Vol. 91. – P. 582-597.

261. Sainaghi, R. Complexity traits and dynamics of tourism destinations / R. Sainaghi, R. Baggio // Tourism Manage. – 2017. – Vol. 63. – P. 368-382.

262. Šauer, M. Central European tourist flows: Intraregional patterns and their implications / M. Šauer, J. Vystoupil, M. Novotná, K. Widawski // Moravian Geographical Reports. – 2021. – Vol. 29(4). – P. 278-291.

263. Shao, Y. Evolution of international tourist flows from 1995 to 2018: A network analysis perspective / Y. Shao, S. Huang, Y. Wang, Z. Li, M. Luo // Tourism Management Perspectives. – 2020. – Vol. 36, 100752.

264. Spanish Tourism Geographies. Territorial Diversity and Different Approaches / eds. A. Blanco-Romero, M. Blázquez-Salom. – Cham: Springer, 2023. – 480 p.

265. Su, X. Analysing trends in the spatio-temporal behaviour patterns of mainland Chinese tourists and residents in Hong Kong based on Weibo data / X. Su, B. Spierings, M. Dijst, Z. Tong // Current Issues in Tourism. – 2020. – Vol. 23(12). – P. 1542-1558.

266. Sufian, A. Impact of COVID-19 pandemic on tourism geographies of Bangladesh: study on Sylhet region / A. Sufian, M.J. Hoque // GeoJournal. – 2023. – Vol. 88. – P. 1355-1367.

267. Sung, Y.-A. Big Data Analysis of Korean Travelers' Behavior in the Post-COVID-19 Era / Y.-A. Sung, K.-W. Kim, H.-J. Kwon // Sustainability. – 2021. – Vol. 13, No. 1. – P. 310.

268. Sustainable Tourism in Southern Africa: Perspectives on Local Communities and Natural Resources in Transition / eds. J. Saarinen, F. Becker, H. Manwa, D. Wilson. – Bristol: Channel View, 2009. – 290 p.

269. The Geography of Tourism of Central and Eastern European Countries / eds. K. Widawski, J. Wyrzykowski. – Cham: Springer, 2017. – 551 p.

270. Tourism and Development Issues in Contemporary South Africa / eds. C.M. Rogerson, G. Visser. – Pretoria: Africa Institute of South Africa, 2004.

271. Tourism and Spatial Transformations / eds. G.J. Ashworth, A. Dietvorst. – Wallingford: CAB International, 1995. – 347 p.

272. Tourism in China: Geographic, Political and Economic Perspectives / eds. A.A. Lew, L. Wu. – Boulder, CO: Westview Press, 1995. – 200 p.

273. Tourism Strategies and Local Responses in Southern Africa / ed. P. Hottola. – Wallingford: CAB International, 2009. – 247 p.

274. Turtureanu, A.-G. A Projection Approach of Tourist Circulation under Conditions of Uncertainty / A.-G. Turtureanu, R. Pripoaie, C.-M. Cretu, C.-G. Sirbu, E.Ș. Marinescu, L.-G. Talaghir, F. Chițu // Sustainability. – 2022. – Vol. 14(4). – P. 1964.

275. Visser, G. Tourism and development issues in South Africa / G. Visser, C. Rogerson // GeoJournal. – 2004. – Vol. 60 (3). – P. 201-215.

276. Volkman, C. The Impact of COVID-19 on Romanian Tourism. An Explorative Case Study on Prahova County, Romania / C. Volkman, K.O. Tokarski, V.M. Dincă, A. Bogdan // Amfiteatru Economic. – 2021. – Vol. 23, No. 56. – P. 196-205.

Приложение: список статистических источников

1. Австрия: Statistical Database STATcube. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://statcube.at/statistik.at/ext/statcube/jsf/terms.xhtml?r=%2Fstatistik.at%2Fext%2Fstatcube%2Fopeninfopage?reset%3Dtrue>

2. Албания: Tourism statistics. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.instat.gov.al/en/themes/industry-trade-and-services/tourism-statistics/>

3. Андорра: Database. Govern d'Andorra. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.estadistica.ad/portal/apps/sites/#!/estadistica-en/pages/base-de-dades?Idioma=en>

4. Беларусь: Туризм. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/turizm/>

5. Бельгия: Tourism accommodations. Statbel. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://statbel.fgov.be/en/themes/enterprises/tourist-accommodations#panel-12>

6. Болгария: INFOSTAT. Национален статистически институт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://infostat.nsi.bg/infostat/pages/module.jsf?x_2=12&lang=en

7. Босния и Герцеговина: Tourism. Agency for Statistics of Bosnia and Herzegovina. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bhas.gov.ba/Calendar/Category/19>

8. Великобритания (без Северной Ирландии и зависимых территорий): Research and insights. Visit Britain. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.visitbritain.org/research-insights>

9. Венгрия: Dissemination database. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://statinfo.ksh.hu/Stainfo/haViewer.jsp>

10. Германия: Database of the Federal Statistical Office of Germany. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online>

11. Гернси (Великобритания): Search archive of statistical publications. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gov.gg/article/120766/Search-archive-of-statistical-publications>

12. Греция: Hellenic Statistical Authority. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statistics.gr/en/statistics/-/publication/STO12/2022>

13. Дания (без Фарерских островов и Гренландии): StatBank Denmark. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statbank.dk/statbank5a/SelectTable/Omrade0.asp?PLanguage=1>

14. Джерси (Великобритания): Tourism statistics. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gov.je/StatisticsPerformance/BusinessEconomy/pages/tourism.aspx>

15. Ирландия: Research and insights. Fáilte Ireland. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.failteireland.ie/Research-and-Insights.aspx>

16. Исландия: Statistics Iceland. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://px.hagstofa.is/pxen/pxweb/en/?rxid=c3f81cb5-7ce5-44ae-9321-924e27c25ab3>

17. Испания: INEbase. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ine.es/dyngs/INEbase/categoria.htm?c=Estadistica_P&cid=1254735570703

18. Италия: Istat Statistics. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dati.istat.it/?lang=en>

19. Кипр (без Северного Кипра): Tourism. Cystat Statistical Service. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cystat.gov.cy/en/SubthemeStatistics?id=51>

20. Косово: Hotels and tourism. Statistical Agency of Kosovo. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ask.rks-gov.net/Themes/Tourism>

21. Латвия: Tourism. Official statistics of Latvia. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stat.gov.lv/en/statistics-themes/business-sectors/tourism>
22. Литва: Database of Indicators. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://osp.stat.gov.lt/statistiniu-rodikliu-analize#/>
23. Лихтенштейн: Tourismus. Liechtensteinische Landesverwaltung. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statistikportal.li/de/themen/wirtschaftsbereiche-und-unternehmen/tourismus>
24. Люксембург: LUSTAT Data Explorer. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://lustat.statec.lu/?lc=en&pg=0&fs\[0\]=Topics%2C1%7CEnterprises%23D%23%7CTourism%23D7%23&fc=Regions](https://lustat.statec.lu/?lc=en&pg=0&fs[0]=Topics%2C1%7CEnterprises%23D%23%7CTourism%23D7%23&fc=Regions)
25. Мальта: NSO Malta. Tourism. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nso.gov.mt/tourism/>
26. Молдавия (без ПИМ): Statistical databank. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://statbank.statistica.md/pweb/pweb/en/?rxid=b2ff27d7-0b96-43c9-934b-42e1a2a9a774>
27. Монако: Publications. IMSEE Monaco Statistics. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.monacostatistics.mc/Publications>
28. Нидерланды: Overnight accommodation. StatLine. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://opendata.cbs.nl/statline/#/CBS/en/dataset/82059ENG/table?ts=1665773422644>
29. Норвегия: Statbank Norway. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ssb.no/en/statbank/>
30. Остров Мэн (Великобритания): Statistics Isle of Man. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gov.im/about-the-government/departments/cabinet-office/statistics-isle-of-man/>
31. Польша: Statistics Poland. Local Data Bank. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bd1.stat.gov.pl/BDL/pomoc/stanzasilenia?active=2>

32. Португалия: Portal do INE. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ine.pt/xportal/xmain?xpid=INE&xpgid=ine_base_dados&contexto=b&selTab=tab2

33. Россия: Коллективные средства размещения. Росстат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/KSR_god_dan.xlsx

34. Румыния: TEMPO Online. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://statistici.insse.ro:8077/tempo-online/#/pages/tables/insse-table>

35. Сан-Марино: Tourism. Office of economic planning, data processing and statistics. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statistica.sm/pub1/StatisticaSM/en/Dati-statistici/Attivit%C3%A0-economiche-e-turismo/Turismo.html>

36. Северная Ирландия (Великобритания): Statistics for the tourism industry in Northern Ireland. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nisra.gov.uk/statistics/tourism>

37. Северная Македония: MakStat database. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://makstat.stat.gov.mk/PXWeb/pxweb/en/MakStat/?rxid=202a1b4c-4c05-4529-aaba-37753a5fb533>

38. Северный Кипр: Turizm İstatistikleri. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://turizmplanlama.gov.ct.tr/TUR%C4%B0ZM-%C4%B0STAT%C4%B0ST%C4%B0KLER%C4%B0>

39. Сербия (без Косово): Dissemination database. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://data.stat.gov.rs/?caller=2202&languageCode=en-US>

40. Словакия: DATAcube database. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://datacube.statistics.sk/#!/lang/en>

41. Словения: SiStat Database. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pxweb.stat.si/SiStat/en>

42. Турция: Accommodation statistics. Ministry of culture and tourism. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ktb.gov.tr/EN-249308/accommodation-statistics.html>

43. Украина: Держстат України. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ukrstat.gov.ua/>

44. Фарерские острова (Дания): Statistical Database. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://statbank.hagstova.fo/prxweb/en/H2/>

45. Финляндия: Visit Finland. Rudolf statistical database. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://visitfinland.stat.fi/PXWeb/prxweb/en/VisitFinland/VisitFinland__Majoitustilastot/

46. Франция: Tourism occupancy. INSEE. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.insee.fr/en/statistiques/series/113990189?INDICATEUR=114799558+114799559>

47. Хорватия: Statistical databases. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://web.dzs.hr/PX-Web_e.asp?url=%22Eng/Archive/stat_databases.htm%22

48. Черногория: Tourism. Statistical office of Montenegro. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://monstat.org/eng/page.php?id=43&pageid=43>

49. Чехия: Statistics VDB. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vdb.czso.cz/vdbvo2/faces/en/index.jsf?page=statistiky>

50. Швейцария: Hotel sector. Federal Statistical Office. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bfs.admin.ch/bfs/en/home/statistics/catalogues-databases/data.assetdetail.30345463.html>

51. Швеция: Statistical database. SCB. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statistikdatabasen.scb.se/prxweb/en/ssd/>

52. Эстония: Statistical database. Statistics Estonia. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://andmed.stat.ee/en/stat>

53. Eurostat: Statistics Eurostat. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/explore/all/icts?lang=en&subtheme=tour.tour_inda&display=list&sort=category

54. UNdata: World Tourism Data (Данные ЮНВТО в базе ООН). [Электронный ресурс]. Режим доступа: data.un.org/Explorer.aspx

55. Yearbook of Tourism Statistics, Data 2003 – 2007, 2009 Edition / World Tourism Organization. – Madrid: UNWTO, 2009.

56. Yearbook of Tourism Statistics, Data 2006 – 2010, 2012 Edition / World Tourism Organization. – Madrid: UNWTO, 2012.

57. Yearbook of Tourism Statistics, Data 2010 – 2014, 2016 Edition / World Tourism Organization. – Madrid: UNWTO, 2016.

58. Yearbook of Tourism Statistics, Data 2015 – 2019, 2021 Edition / World Tourism Organization. – Madrid: UNWTO, 2021.

59. Yearbook of Tourism Statistics, Data 2017 – 2021, 2023 Edition / World Tourism Organization. – Madrid: UNWTO, 2023.